

Содержание

История психологии: 120 лет со дня рождения Л.С. Выготского

Интервью с Л.А. Вербицкой «Моцарт психологии»	3
Е.Е. Соколова, Е.Ю. Федорович «Говорить – еще не значит быть человеком»: критический анализ современных исследований «языка» животных в свете идей Л.С. Выготского	8
В.С. Собкин, Т.А. Климова Лев Выготский между двух революций: к вопросу о политическом самоопределении ученого	20

История психологии: Юбилей первых психологических факультетов России

Юбилей первых психологических факультетов России	32
Интервью с А.Г. Асмоловым «Психология становится по-настоящему действенной наукой о человеке»	33
В.М. Аллахвердов Психологические школы Москвы и Петербурга – от противостояния к дружбе	36
Т.Ю. Базаров Личная вовлеченность – особый стиль факультета	45
В.П. Зинченко Блуждание в трех соснах, или Тоска по личности (Из личного архива В.П. Зинченко)	49

Психология личности

В.А. Иванников Уроки исследований воли	59
---	----

Когнитивная психология

В.В. Нуркова, А.А. Гофман Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля	64
---	----

Военная психология

А.Г. Караяни «Психическая устойчивость: прочность или гибкость?»: рецензия на книгу «Формирование психологической устойчивости у военнослужащих»	72
--	----

Социальная психология

Д.А. Хорошилов От социального познания – к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой)	76
В.А. Емелин Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе	86

Нейропсихология

Н.А. Хохлов, М.С. Ковязина Латеральные признаки и их взаимодействие как фактор выраженности математических способностей в юношеском возрасте	96
И.С. Поликанова, А.В. Коршунов, С.В. Леонов, А.Н. Веракса Ассоциация рецептора к дофамину второго типа (DRD2) с развитием утомления в результате длительной когнитивной нагрузки	115

Приложение

Информация для авторов	127
Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)	129

Content

History of Psychology: 120th anniversary of Lev Vygotsky's birth

Interview with L.A. Verbitskaya «Mozart of psychology»	3
Elena E. Sokolova, Elena Yu. Fedorovich «Speaking does not mean being a human»: critical analysis of current studies of the “animal language” in accordance with L.S. Vygotsky's ideas	8
Vladimir S. Sobkin, Tatiana A. Klimova Lev Vygotsky between two revolutions: on the political self-determination of the scientist	20

History of Psychology: Anniversary of first Departments of Psychology of Russia

Anniversary of first Departments of Psychology of Russia	32
Interview with A.G. Asmolov «Psychology is becoming a truly efficient science of studying a person»	33
Victor M. Allakhverdov Moscow and St. Petersburg psychological schools: from opposition to friendship	36
Takhir Yu. Bazarov Personal involvement as a special style of Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University	45
Vladimir P. Zinchenko Nostalgia for a Personality: roaming like a babe in the woods (From personal archive V.P. Zinchenko)	49

Personality Psychology

Vyacheslav A. Ivannikov Studies of Will. Outcomes	59
--	----

Cognitive Psychology

Veronika V. Nourkova, Alyona A. Gofman Forgetting: availability, accessibility, and intentional control problem	64
--	----

Military Psychology

Aleksandr G. Karayani “Mental Resilience: strength and flexibility?»: review of the book «Developing psychological stability in military men»	72
--	----

Social Psychology

Dmitry A. Khoroshilov From social cognition to social epistemology (in memory of G.M. Andreeva)	76
Vadim A. Emelin Simulacra and virtualization technologies in information society	86

Neuropsychology

Nikita A. Khokhlov, Maria S. Kovyazina Lateral signs and their interaction as a factor in the severity of mathematical abilities in adolescence	98
Irina S. Polikanova, Alexey V. Korshunov, Sergey V. Leonov, Aleksander N. Veraksa Association to dopamine receptor D2 (DRD2) with developing fatigue as a result of long-term cognitive load	115

Application

Information For Authors	127
Guidelines for Abstract Writing	129

«Моцарт психологии»

Интервью с Л.А. Вербицкой,

доктором филологических наук, профессором, Президентом Российской академии образования, Президентом Санкт-Петербургского государственного университета, посвященное 120-летию со дня рождения Льва Семеновича Выготского (1896–1934 гг.)

Поступила 20 сентября 2016/ Принята к публикации: 25 сентября 2016

«Mozart of psychology»

Interview with L.A. Verbitskaya,

Doctor of Philology, Professor, President of the Russian Academy of Education, the President of the St. Petersburg State University, is dedicated to the 120th anniversary of Lev S. Vygotsky's birth (1896–1934).

Received September 20, 2016 / Accepted for publication: September 25, 2016#

В интервью раскрывается вклад Л.С. Выготского в науку и образование, рассмотрены его главные научные достижения. Показано, что его новаторские концепции в педагогике и психологии намного опередили время и по сей день являются актуальными. Л.С. Выготский выдвинул идеи, которые раскрыли законы культурного развития личности, ее психических функций (речи, внимания, мышления), объяснили внутренние психические процессы ребенка, его отношения с окружающей средой. Ученый ввел в науку целый ряд понятий и концептов, на которые опирается современная психология и педагогика, такие как «высшие психические функции», «интериоризация», «опосредование», «сигнификация» и др.

Отмечается необычайная разносторонность Л.С. Выготского – он известен не только как психолог, но и как философ, методолог, педагог, дефектолог и даже как автор блистательных театральные рецензий и литературный критик. Также идет речь о том, как происходило становление Л.С. Выготского как ученого, приведены основные факты его биографии.

Продемонстрирована важность идей Л.С. Выготского для развития образовательного процесса. Указывается, что ученый заложил важнейшие принципы обучения ребенка, что такие разработанные им понятия, как «зона ближайшего развития», «социальная ситуация развития», «критические возрасты», «сензитивные периоды в развитии ребенка» до сих успешно используются ведущими психологами и педагогами, что он внес огромный вклад в развитие представлений о происхождении и развитии речи, о ее роли в развитии мышления.

Подчеркивается, что под непосредственным или косвенным влиянием Выготского сформировались взгляды целой плеяды известных отечественных ученых.

Ближайшими учениками и соратниками Выготского были автор теории деятельности А.Н. Леонтьев, всемирно известный нейропсихолог А.Р. Лурия, автор концепции психического развития ребенка Д.Б. Эльконин, автор теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперин.

Отмечается широкая международная известность Л.С. Выготского – его труды переведены, как минимум, на 19 языков. Научные центры и институты, базирующиеся на подходе Выготского и развивающие его идеи, существуют сегодня во многих странах – во Франции, Португалии, Бразилии, Анголе. Его идеям посвящены научные семинары, конференции и конгрессы в самых разных уголках мира.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, история психологии, педагогическая психология, психология развития.

The interview reveals the contribution of Lev Vygotsky in science and education, his main scientific achievements being drawn particular attention to. His innovative concepts in pedagogy and psychology are far ahead of time and are relevant up today. Lev Vygotsky put forward ideas that disclosed the principles of cultural development of human individual, his/her mental functions (speech, attention, thinking), and explained the internal mental processes of the child, their relationship with the environment. Lev Vygotsky introduced a number of terms and concepts that are the basis of modern psychology and pedagogy. Among them there are «higher mental functions», «interiorization», «mediation», «signification», etc.

There extraordinary versatility Lev Vygotsky is emphasized in the paper. He is known not only as a psychologist, but also as a philosopher, methodologist, teacher, therapist, and even as the author of the brilliant theater and literary reviews. There are also facts about Vygotsky's scientific path and his biography.

The importance of Vygotsky's ideas in the development of the educational process is highlighted. The scientist laid the most important principles of the child education. Such concepts developed by him as «zone of proximal development», «social situation of development», «critical age», «sensitive periods in the child development» are still successfully used by leading psychologists and educators. He made a huge contribution to the development of ideas about the origin and development of speech, its role in the development of thinking.

The whole galaxy of prominent scientists were raised under the influence of Vygotsky. Closest students and colleagues were the author of the activity theory A.N. Leontyev, the world-renowned neuropsychologist A.R. Luria, the author of the concept of the child's mental development D.B. El'konin, the author of the theory of stage development of mental activity P.Ya. Galperin.

Lev Vygotsky is famous on the international scale: his works are translated into 19 languages. Research centers and institutes based on the approach of Vygotsky and developing his ideas exist today in many countries, e.g. in France, Portugal, Brazil, Angola. Seminars, conferences and congresses in different parts of the world are devoted to his ideas scientific.

Keywords: Lev Vygotsky, history of psychology, educational psychology, developmental psychology.

Людмила Алексеевна, в этом году исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося ученого – Льва Семеновича Выготского. Что значит это имя для науки и образования? Каковы главные научные достижения Выготского?

Лев Семенович Выготский – выдающийся русский психолог начала XX века. Его новаторские идеи и концепции в педагогике и психологии намного опередили время.

Изучая развитие детей, ученый создал или развил несколько направлений: педологию и коррекционную педагогику. На основании его идей была создана новая демократическая школа. В его трудах нашли отражение проблемы психического развития ребенка, мышления и речи, эмоций, развития высших психических функций – памяти, внимания, восприятия и др., патологий психического развития.

Его теоретические разработки и наблюдения легли в основу практических систем известных педагогов (например, Д.Б. Эльконина). Начатые Выготским исследования продолжили его ученики и последователи, давая им практическое применение. Особенно актуальными его идеи видятся сейчас. Занимаясь педагогикой, ученый увлекся новой наукой педологией (знания о ребенке с точки зрения разных наук) и стал главным педологом страны. Он считал, что любой педагог должен строить свою работу с опорой на психологическую науку.

Л.С. Выготский выдвинул идеи, которые раскрыли законы культурного развития личности, ее психических функций (речи, внимания, мышления), объяснили внутренние психические процессы ребенка, его отношения с окружающей

средой. Его идеи по дефектологии положили начало коррекционной педагогики, которая стала практически помогать особым детям.

Выготский не разрабатывал методiku воспитания и развития детей, но его концепции правильной организации обучения и воспитания стали основой многих развивающих программ и систем.

О разносторонности ученого свидетельствуют названия наиболее известных его работ – «Педагогическая психология», «Психология искусства», «История развития высших психических функций», «Исторический смысл психологического кризиса», «Теория эмоций», «Основы дефектологии», «Мышление и речь».

Выготский ввел в науку целый ряд понятий и концептов, на которые опирается современная психология и педагогика, такие как «высшие психические функции», «зона ближайшего развития», «интериоризация», «опосредование», «сигнификация» и др.

В чем уникальность теории, которую предложил миру Л.С. Выготский?

Лев Семенович Выготский – одна из ярчайших звезд отечественной психологии. Именно Выготский создал уникальное направление, не имеющие ничего общего с существовавшими ранее трактовками становления человеческой личности. В 30-х годах в мире психологии и психиатрии каждый знал это имя – Выготский Лев Семенович. Труды этого человека произвели фурор.

В первую очередь, речь идет о необычайной разносторонности ученого – он известен не только как психолог, но и как философ, методолог, педагог,

дефектолог и даже как автор блистательных театральных рецензий и литературный критик.

Основные труды исследователя: «Психология искусства», «Мышление и речь», «Психология развития ребенка», «Педагогическая психология». Круг интересов ученого со всей очевидностью сформировал его подход к психологическим исследованиям. Человек, увлеченный искусством и языкознанием, одаренный педагог, любящий и понимающий детей.

Кроме того, Выготский отличался удивительной работоспособностью – казалось бы, достижения всех мыслителей прошлого и его современников нашли отражение в его многочисленных работах.

Он был одновременно блестящим исследователем, выдающимся теоретиком, практиком и ярким преподавателем. Не осталось, пожалуй, ни одной области в психологии и педагогике, которая ускользнула бы от его внимания. Благодаря выразительной характеристике, данной Выготскому британским философом Стивеном Тулмином, весь мир называет его Моцартом психологии.

Как происходило становление Л.С. Выготского как ученого?

Жизненный и творческий путь Выготского был необыкновенно ярким и, к сожалению, очень недолгим. Детство он провел в белорусском городе Гомеле, где получил прекрасное образование, как в лицее, так и в семье, в которой помимо него было еще семь детей.

Его отец также взял на себя заботу о детях своего умершего брата, один

из которых – Давид – позднее стал известным поэтом и литературоведом. По одной из версий, Лев, чья фамилия по рождению была «Выгодский», через «д», позднее изменил в своей фамилии одну букву именно для того, чтобы его не путали с уже достаточно известным к тому времени двоюродным братом. Л.С. Выготский был настоящим полиглотом: уже в Гомеле он, помимо русского, изучил шесть языков – немецкий, английский, французский, латынь, иврит и древнегреческий. Благодаря этому, впоследствии он мог читать всю необходимую ему научную литературу в подлиннике, на разных языках. Вообще, надо отметить, что в его семье культивировался интерес к языку и литературе – две его сестры стали лингвистами и авторами русско-английского и русско-французского словарей.

После окончания лицея, в 1913 году, Лев Семенович поступил в Московский университет на медицинский факультет по желанию своих родителей, но уже через месяц перевелся на юридический факультет. Параллельно он учился на историко-филологическом факультете такого примечательного заведения, как Народный университет А.Л. Шанявского, куда каждый желающий, вне зависимости от своего социального происхождения и образования мог поступать без экзаменов. В этом университете преподавали В.И. Вернадский, В.Я. Брюсов, Ю.И. Айхенвальд и другие известные профессора, многие из которых покинули Московский университет в 1911 году в знак протеста против политики царского министра народного образования.

В период учебы в университетах главным интересом Л.С. Выготского было литературоведение – он написал целый ряд критических эссе, среди которых наиболее известен анализ шекспировского «Гамлета». Этот интерес к литературному анализу положил начало разработке Львом Семеновичем основ психологии искусства, впоследствии ставшей темой его диссертации, которую он защитил в Москве в 1925 году.

В родном Гомеле, куда Л.С. Выготский вернулся после учебы в Москве, его главным научным интересом ста-

новится психология, и ему предоставляется возможность на практике воплощать и верифицировать свои теоретические предположения – он преподает в различных учебных заведениях, обследует детей, в том числе с дефектами развития и дает консультации. Итогом его научной и практической деятельности в Гомеле становится первая систематизация его идей в психологии и педагогике – работа «Педагогическая психология».

В 1924 году Выготский выступает на Всероссийском съезде по психоневрологии в Петрограде сразу с тремя докладами, один из которых посвящен результатам анкетирования школьников выпускных классов в Гомеле, а второй – вопросам преподавания психологии. Анкета, результаты которой были представлены в одном из докладов, была признана рецензентами «образцовой для подобного исследования». В анкете школьникам предлагалось ответить на вопросы о своих внешних данных, семье, школе, религии, национальности, профессиональных предпочтениях, политике, любви и «половом вопросе», планах на будущее и «душевном настроении». Полученные результаты обнаружили значительный сдвиг в настроениях молодежи по отношению к старшему поколению, вызванный влиянием Октябрьской революции.

Благодаря блестящему выступлению, Л.С. Выготский получает предложение работать в Москве, где приступает к интенсивной разработке теоретических и прикладных проблем психологии и педагогики, и где он будет работать последнее десятилетие своей жизни. В московский период он разрабатывает проблему сознания, критически анализирует направления, существующие в психологии, занимается вопросами педагогической психологии и дефектологии, методологическими вопросами психологии.

Сразу после прибытия в Москву он принимает активное участие в создании дефектологической службы, в результате чего в 1929 году здесь будет создан Институт экспериментальной дефектологии, где Л.С. Выготский проработает до конца своих дней. Об-

учение детей с «дефектами» развития – глухонемых, отстающих в развитии, было важнейшей сферой его деятельности. Разработанный им принцип «компенсации» дефекта и сегодня лежит в основе клинической реабилитации и педагогического подхода к обучению детей с проблемами в развитии. Институт существует по сей день под названием Института коррекционной педагогики.

В Москве Л.С. Выготский становится членом редколлегий множества изданий: его блестящие предисловия сопровождают переводы известных зарубежных психологов и педагогов (Торндайка, Фрейда, Коффки и др.)

Именно в эти годы опубликованы его собственные важнейшие труды, как подготовленные в гомельский период его жизни («Психология искусства» и «Педагогическая психология»), так и новые. В последние годы жизни Выготский изучает высшие психические функции (мышление, память, внимание, восприятие...) и их развитие, происхождение и строение сознания, а также уделяет много времени и сил развитию психолого-педагогического подхода.

На протяжении почти половины своей короткой жизни Лев Семенович страдал туберкулезом, от обострения которого и скончался в возрасте 37 лет, оставив после себя научное наследие, которое до сих пор является предметом научных споров и источником новых идей, подходов и теорий в различных областях гуманитарного знания.

Как получилось, что имя Л.С. Выготского было забыто на долгие годы?

Действительно, только несколько работ Л.С. Выготского были опубликованы вскоре после его смерти, а затем в связи с репрессиями в науке в эпоху сталинизма его работы и имя были под запретом на долгие 20 лет.

Нападки на Выготского начались еще при его жизни, и были связаны, в первую очередь, с его работами по педологии – популярному в те годы направлению науки, объединявшему различные подходы (медицинский, психологический, биологический, педагогический) к развитию ребенка. В 1930-е годы он

наряду с другими ведущими советскими специалистами, развивающими это направление, был обвинен в так называемых «педологических извращениях». Многие специалисты были уволены со своих рабочих мест, а впоследствии отправлены в лагеря. Есть мнение, что преждевременная смерть Л.С. Выготского спасла его от подобной участи.

Только после смерти Сталина стала вновь возможной публикация трудов Выготского: в 1956 году были опубликованы его «Избранные психологические исследования», сопровождавшиеся вступительной статьей его ближайших коллег А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии. Но лишь спустя много лет, в 1982–84 годах в издательстве «Педагогика» впервые вышло собрание сочинений Льва Семеновича в 6 томах.

Почему идеи Л.С. Выготского по-прежнему актуальны для образовательного процесса?

В последние годы своей жизни Лев Семенович сосредоточился именно на проблеме обучения и развития. Проанализировав все известные подходы к связи обучения с умственным развитием детей, он заложил важнейшие принципы обучения ребенка, главный из которых заключается в том, что хорошее обучение не «плетется в хвосте развития», а ведет его за собой; согласно Выготскому, один шаг в обучении может стоить 100 шагов в развитии. Все сделанные Л.С. Выготским открытия и выводы, касающиеся проблемы обучения и развития, актуальны и сегодня. Современные педагоги и психологи опираются в своей деятельности на такие разработанные им понятия, как «зона ближайшего развития», «социальная ситуация развития», «критические возрасты», «сензитивные периоды в развитии ребенка». Одна из последних работ Выготского была посвящена проблемам специфики обучения и умственного развития детей разных возрастов – не только в школьном, но и дошкольном возрасте. Как известно, в настоящее время дошкольному обучению в нашей стране сегодня уделяется специальное внимание, и подход Выготского не-

обходимо учитывать при разработке принципов эффективного обучения и развития дошкольников.

Людмила Алексеевна, как Вы оцениваете вклад Л.С. Выготского в проблему изучения роли языка в развитии ребенка?

Выготский внес огромный вклад в развитие представлений о происхождении и развитии речи, о соотношении ее различных форм и ее роли в развитии мышления, что чрезвычайно важно для обеспечения успешного образовательного процесса.

Одной из наиболее значительных его работ была монография «Мышление и речь», опубликованная вскоре после смерти ученого. Опираясь на накопленный к тому времени в психологии фактический материал (исследования В. Келера, Ж. Пиаже), Выготский предлагает два пути изучения внутренней речи человека – одной из самых труднодоступных для изучения форм речи. Первый путь заключается в генетическом исследовании возникновения внутренней речи, а второй – в сопоставлении трех функционально различных форм речи – письменной, диалогической устной и внутренней. В этом контексте особый интерес представляет заочная полемика Выготского с его современником швейцарским ученым Жаном Пиаже, опиравшим феномен эгоцентрической речи ребенка. Сам же Пиаже, родившийся в том же году, что и Выготский, но проживший гораздо дольше, узнал о существовании своего оппонента и о его работах спустя десятилетия, только в конце 1950-х годов.

В отличие от Пиаже, который считал, что эгоцентрическая речь, пик которой приходится на 3-летний возраст, асоциальна по своей природе и постепенно отмирает к школьному возрасту, Л.С. Выготский пришел к выводу, что эгоцентрическая речь не исчезает, а интериоризируется, становится внутренней речью – важнейшим средством мышления личности.

Примечателен тот факт, что именно в Женевском университете, где трудился Пиаже, сегодня работает коллектив ученых, отстаивающих позиции Выготского в педагогике и педагогиче-

ской психологии (профессора Бернар Шневли, Фредерик Ивон и др.).

Какое развитие получили идеи Л.С. Выготского в отечественной науке?

Под непосредственным или косвенным влиянием Выготского сформировались взгляды целой плеяды известных отечественных ученых. Ближайшими учениками и соратниками Выготского были автор теории деятельности Алексей Николаевич Леонтьев, впоследствии ставший первым деканом основанного в 1966 году факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, всемирно известный нейрорепсихолог Александр Романович Лурия, автор концепции психического развития ребенка Даниил Борисович Эльконин, автор теории поэтапного формирования умственных действий Петр Яковлевич Гальперин и многие другие, чьи идеи и подходы лежат в основе современной отечественной психологии и педагогики. В свою очередь, на работы этих ученых опираются многие современные исследования, а также практические подходы в психологии и педагогике. В основу исследований и образовательного процесса на факультете психологии МГУ (декан – профессор Ю.П. Зинченко) всецело положен культурно-исторический подход Л.С. Выготского.

Известно ли имя Выготского зарубежным специалистам? Насколько популярен его подход за рубежом?

Сам Выготский выезжал за пределы страны только один раз – для участия в работе Международного конгресса в Лондоне по проблеме обучения глухонемых в Лондоне, посетив по дороге Германию и Францию. Тем не менее, уже при жизни его работы издавались на иностранных языках. В настоящее же время за рубежом наблюдается настоящий бум, связанный с его именем и его подходом. Согласно данным американских ученых, опубликованным в 2012 году, Выготский относится к числу самых цитируемых русскоязычных психологов в источниках на английском языке.

В американской психологии интерес к идеям Выготского проявился еще в

1970-е годы (работы Майкла Коула, Джеймса Верча). В период с 1987 по 1999 годы в США был издан перевод на английский язык собрания сочинений Выготского в шести томах.

Переводы работ Выготского на французский язык появились значительно позже, но в настоящее время ученые из франкоязычных стран мира активно развивают совершенно особый, отличный от североамериканского подход к анализу и применению идей Выготского (Люсьен Сэв, Бернард Шневли, Фредерик Ивон, Мишель Броссар, Фредерик Сосе и др.) Труды Л.С. Выготского переведены, как минимум, на 19 языков. Произведение «Мышление и речь» только на английском языке переиздавалось не менее 11 раз. На эту работу в англоязычных публикациях сделано более 20 тысяч ссылок. «Психология искусства» на разных языках переиздавалась 16 раз.

Научные центры и институты, базирующиеся на подходе Выготского и развивающие его идеи, существуют сегодня во многих странах – во Франции, Португалии, Бразилии, Анголе. Его идеям посвящены научные семинары, конференции и конгрессы в самых разных уголках мира. Так, в какой-либо из франкоязычных стран раз в два года проводится Научный семинар «Выготский». В Португалии создано общество Выготского и Институт Выготского, по инициативе Президента которых профессора Жоакима Кинтино-Айреса, начиная с 2010 года, каждые два года проводится Международная конференция памяти Выготского.

Ведется ли дальнейшая разработка идей Л.С. Выготского?

Учитывая возраст, в котором оборвалась жизнь ученого, кажется естественным, что его теория осталась незавершенной. Этим объясняется тот факт, что разными учеными идеи Выготского интерпретируются по-разному, и ведутся постоянные научные дискуссии, связанные с осмыслением его идей. В связи с этим необходима дальнейшая систематизация наследия Выготского, требующая сопоставления подходов как отечественных, так и зарубежных ученых к пониманию его взглядов.

В настоящее время ведется работа над изучением архивов Выготского, материалы из которых в скором времени планируется опубликовать как на русском, так и на английском языках. Популярность Выготского и его идей в России и во всем мире не только не проходит с годами, а, напротив, все возрастает.

В одном из номеров Национального психологического журнала – 2014, №1(13) – (главный редактор Ю.П. Зинченко) специальный раздел посвящен обсуждению научного наследия Льва Семеновича.

Практически каждый год в разных странах мира выходят в свет научные монографии, посвященные творчеству Выготского и анализу и развитию его идей. Так, в 2012 году под редакцией академика РАО Ю.П. Зинченко и профессора Женевского университета Ф. Ивона на французском языке вышел в свет сборник ранее не переведенных статей Выготского в сопровождении текстов известных специалистов

из России и франкоязычных стран – Франции, Швейцарии, Канады, Бельгии. Сборник стал результатом многолетнего сотрудничества факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, факультета образования Университета Монреаля и Университета Женевы. Сборник получил многочисленные отклики и пользуется широкой популярностью среди франкоязычных специалистов и студентов.

Существуют ли какие-то инициативы по увековечиванию памяти Л.С. Выготского?

На родине Выготского, в Белоруссии, его имя уже носят улица в Минске и Государственный педагогический колледж в Гомеле, где Выготский провел детство и первые годы своей профессиональной деятельности после окончания Московского университета. В Москве, где Выготский жил и работал последние, наиболее продуктивные 10 лет своей жизни, имя Выготского носит Институт психологии РГГУ. Для увековечивания памяти Л.С. Выготского Российская академия образования обратилась к мэру г. Москвы С.С. Собянину с инициативой о присвоении его имени одной из улиц Москвы, а к Министру образования и науки Российской Федерации Д.В. Ливанову с просьбой об учреждении ведомственной награды Министерства образования и науки Российской Федерации медали имени Л.С. Выготского.

Хотелось бы также предложить, чтобы Институту коррекционной педагогики, созданному благодаря активному участию Выготского, также было присвоено его имя. ■

«Говорить — еще не значит быть человеком»: критический анализ современных исследований «языка» животных в свете идей Л.С. Выготского

Е.Е. Соколова, Е.Ю. Федорович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Поступила: 10 сентября 2016 / Принята к публикации: 16 сентября 2016

«Speaking does not mean being a human»: critical analysis of current studies of the “animal language” in accordance with L.S. Vygotsky’s ideas

Elena E. Sokolova, Elena Yu. Fedorovich*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

* Corresponding author. E-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru

Received: September 10, 2016 / Accepted for publication: September 16, 2016

Настоящая статья посвящена представлению и критическому анализу с позиций психологической школы Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева—А.Р. Лурия весьма популярных в настоящее время и нередко считающихся успешными проектов обучения высших обезьян «человеческому языку». Показано, что авторы подобных исследований и их популяризаторы за рубежом и в нашей стране игнорируют качественные различия между психологическими механизмами коммуникации человека и животных, а также их функциями в регуляции поведения тех и других. Это обусловлено, в частности, тем, что сравнение человека с животными осуществляется на основании видимого функционального сходства некоторых аспектов их коммуникативного поведения, а наблюдаемые различия в них признаются количественными, а не качественными. Проведенный в статье критический анализ собранных в подобных проектах данных показал следующее. Человекообразные обезьяны могут использовать некоторые знаковые средства («языковые символы») при решении текущих задач своей биологически обусловленной жизнедеятельности (особенно в специально созданных людьми условиях) для манипуляции поведением других индивидов, в том числе экспериментатора, однако ни одно из животных — участников подобных экспериментов не приобрело в результате использования этих символов способность управлять собой в контексте определенных социальных (конвенциональных) требований. Между тем, согласно Л.С. Выготскому, произвольная регуляция собственного поведения с помощью знаковых средств именно как «психологических орудий» и есть то, что качественно отличает человека от животного, и эта произвольная регуляция возникла в процессе исторического развития человека в его трудовой (совместной, социально обусловленной и орудийно опосредствованной) деятельности. Делается вывод о том, что игнорирование самой существенной особенности человеческого языка — его использование в функции овладения собственным поведением и регуляции своих психических процессов приводит к неадекватной интерпретации полученных данных при изучении поведения животных, и к биологическому редукционизму в объяснении деятельности человека.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, язык, «говорящие обезьяны», сравнительная психология, психологическое орудие, произвольная регуляция.

This paper is based upon the ideas of the psychological school of L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev and A. R. Luria and presents a critical analysis of currently popular and allegedly successful projects of teaching human language to apes. The paper shows that the authors of such studies and their promoters ignore qualitative differences between psychological mechanisms of human and animal communication, as well as their functions in behavioral regulation of both. This is explained, in particular, by the fact that the human-animal comparison originates from some visible and functional similarities of certain aspects of their communicative behavior. Moreover, the observed differences are recognized as quantitative distinctions, but not qualitative ones. In this paper a critical analysis of data submitted by such projects is presented. The outcome is as follows. Though apes, especially in vitro, can use some symbolic means (language symbols) to manipulate the behavior of others, none of the animals, subjected to such experiments have acquired an ability to control themselves in the context of certain social (conventional) requirements. Meanwhile, according to L. S. Vygotsky, the arbitrary regulation of one's own behavior with the use of symbolic means as «psychological tools» is what determines a human as a being, qualitatively different from an animal. Moreover, this arbitrary regulation has emerged in the course of historical development through human labor (common, socially-induced and tool-mediated) activity. Hence, the conclusion is that if the most important features of human language (its use on the way of mastering one's own behavior and regulating one's own mental processes) is ignored, this leads to inadequate interpretation of the data collected in animal behavior studies, as well as to biological reductionism of human activity explanation.

Key words: L.S. Vygotsky, language, language-trained apes, comparative psychology, psychological tools, arbitrary regulation

Обращение в настоящей статье к идейному наследию Л.С. Выготского вызвано не только очередной юбилейной датой. Оно обусловлено необходимостью критического анализа широко распространенных и активно популяризируемых в настоящее время исследований «говорящих обезьян», т.е. обезьян, специально обучаемых и обученных, как утверждают авторы подобных экспериментов, «человеческому языку». Мы беремся доказать, что при всем внешнем сходстве «языкового поведения» обезьян в специально созданных условиях, с одной стороны, и языков человека (в том числе жестового), с другой, между ними существует принципиальная разница, которую со-

ми психическими процессами. Как писал впоследствии разделяющий данные идеи В.П. Зинченко, «слово выступает <...> как главный принцип организации человеческой деятельности. Не только человек овладевает словом, но и слово овладевает им» (Зинченко, 2008, С. 131).

К методологии современных сравнительно-психологических исследований

На протяжении последней четверти века доминирующей тенденцией в сравнительно-психологических исследованиях за рубежом было подчеркивание сходства между психикой лю-

аналогии, осознание своих психических функций, представление будущего и прошлого не являются столь уникальными, как думали ранее (Savage-Rumbaugh et al., 1998; Smith et al., 2003)¹.

Яркой иллюстрацией указанной позиции является то, что в современных ведущих зарубежных журналах, публикующих статьи по сравнительно-психологической проблематике (например, «Animal Behaviour», «Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences», «PLoS ONE», «Journal of Neuroscience», «Behavioral and Brain Sciences» и др.), для обозначения людей используется словосочетание «human animals», для животных, соответственно, словосочетания «nonhuman animals», «animals, other than humans», а для тех и других – «animals, including humans» или «many animals, especially humans». Кроме того, заметным трендом последнего времени стало исследование у животных наличия (или, по меньшей мере, предпосылок) таких присущих человеку нравственных качеств, как честность, чувство справедливости, альтруизм т.п.

Наиболее известными, вошедшими во многие зарубежные и отечественные учебники, широко разрекламированными и в сравнительно-психологических исследованиях и за пределами научных сфер являются исследования по обучению человекообразных обезьян языкам-посредникам, сходным с человеческими. Это язык глухонемых, а также система визуальных символов – лексиграмм. Один из основателей когнитивной этологии Дон Гриффин (D. Griffin) считал, что исследования коммуникации животных, как в естественных, так и в искусственно созданных людьми условиях, являются ключевым фактором, определяющим решение вопроса преемственности между психикой животных и людей. Согла-

¹ Распространена эта точка зрения и в нашей стране. Так, например, М.Л. Бутовская пишет: «В последние годы человеку последовательно отказывали в его уникальности относительно таких феноменов, как орудийная деятельность, самосознание, культура <...>. Язык представляет собою последний бастион сторонников качественной уникальности человека» (Бутовская, 2005, С. 149), который, впрочем, как следует из содержания статьи, тоже вот-вот капитулирует (см. также Зорина, Смирнова, 2006; Резникова, 2005; Бурлак, 2008).

Л.С. Выготский видел эту принципиальную разницу в «орудийной функции» человеческого языка как одной из знаковых систем, которые дают возможность человеку, в отличие от животных, овладеть собственным поведением и своими психическими процессами

вершенно игнорируют как сами авторы работ в области обучения обезьян человеческому языку, так и исследователи, ссылающиеся на данные работы. Л.С. Выготский видел эту принципиальную разницу в «орудийной функции» человеческого языка как одной из знаковых систем, которые дают возможность человеку, в отличие от животных, овладеть собственным поведением и свои-

дей и животных при игнорировании качественных различий между ними. Многие известные в этой области ученые утверждают, что традиционные отличительные признаки людей такие, как использование орудий, культура, грамматически структурированный язык, причинно-следственное мышление, атрибуция другим индивидам психических состояний, рассуждения по

Елена Евгеньевна Соколова –

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: ees-msu@mail.ru

Елена Юрьевна Федорович –

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru

Для цитирования: Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю. «Говорить – еще не значит быть человеком»: критический анализ современных исследований «языка» животных в свете идей Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 8–19. doi: 10.11621/npj.2016.0302

For citation: Sokolova E.E., Fedorovich E.Yu. (2016). «Speaking does not mean being a human»: critical analysis of current studies of the “animal language” in accordance with L.S. Vygotsky’s ideas. *National Psychological Journal*, [Natsional’nyy psikhologicheskii zhurnal], 3, 8–19. doi: 10.11621/npj.2016.0302

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

сно принятой до недавнего времени (точнее – до начала широкого обсуждения проблемы возможностей атрибуции животными другим индивидам психических состояний, так называемой theory of mind) точке зрения, считалось, что доказанные «человекоподобные» свойства коммуникативного поведения высших животных, в том числе в «языковых экспериментах», будут предполагать и преемственность «почти во всем остальном», демонстрируя наличие непрерывности между психикой животных и людей и приводя к выводу о том, что некоторые (а вероятно, и многие) животные могут «балансировать» на грани человеческих качеств (Griffin, 1978; Rendall et al., 2008).

Обозначенная выше тенденция – игнорирование качественных различий между человеком и животными обусловлена, с нашей точки зрения, помимо прочих, двумя основными причинами.

Первая. Сравнение человека с животными осуществляется на основании видимого сходства функций тех или иных видов их поведения. Так, один из основателей современных сравнительных исследований когнитивных способностей (Comparative Cognition) У. Хониг писал, что анализ поведения является постольку убедительным, поскольку «он помещает изучение когнитивных процессов и когнитивного поведения как человека, так и животных в рамки функционального и экспериментального его исследования» (Wasserman, Zentall, 2006, p. 7). Он делает вывод о том, что человеку «не нужен новый вид психологии, чтобы справиться с когнитивными событиями» (там же). Следуя этой логике, О.В. Чеснокова и Е.В. Субботский обнаруживают филогенетические предпосылки «социального интеллекта» человека в способности социальных насекомых «к самоорганизации и согласованности действий различных особей», а также в поведенческих стратегиях высших приматов «в форме сознательного, заранее планируемого обмана тех членов своей стаи, с которыми животные не могли вступать в явную борьбу,

но с которыми у них возникали конкурирующие интересы» (Чеснокова, Субботский, 2010, С. 23, 24). Приведем еще один подобный пример. Истоки культуры человека ищутся в «культурных традициях» животных на основании внешнего сходства таких характеристик поведения последних, как «инновации» (т.е. появление у того или иного индивида новых поведенческих навыков), «традиции» (воспроизведение последующими поколениями нового навыка, возникшего в предыдущем), стандартизация (постоянство навыка на протяжении определенного времени) и т.п. Между тем, как было показано нами в ранее опубликованной статье (Соколова, Федорович, 2016), за внешним сходством поведенческих особенностей у животных разных видов и человека могут скрываться качественно различные психологические механизмы их поведения.

Вторая. В зарубежных исследованиях (равно как и в ряде отечественных) поиск сходства психических способностей (minds) животных и человека обуславливается имплицитным принятием точки зрения Ч. Дарвина на преемственность их развития от животных к человеку. При этом различия между психическими качествами человека и высших животных, сколь бы велики они ни были, признаются преимущественно как различия в «степени, а не в типе/роде». Например, Э. Вассерман и Т. Центаль пишут, что «сравнительная психология на протяжении более чем столетия была «околдована», сбита с толку необходимостью примирить явный когнитивный разрыв между психикой человека и животных с одним из «стойких наследий» Дарвина – его провокационным предположением о психической непрерывности (mental continuity) между человеком и животными» (Wasserman, Zentall, 2006, p. 5)². Известная своими работами по обучению попугая жако «языку» Айрин Пепперберг³ прямо утверждает: «На протяжении 35 лет ученые демонстрировали при помощи тестов, проводимых как в природе, так и в лабораториях, что возможности животных решать

сложные проблемы образуют континуум с таковыми у людей» (Pepperberg, 2005, p. 469). Подобной точки зрения придерживались и придерживаются многие зарубежные исследователи поведения и психических возможностей высших позвоночных. Это, например, пионер исследований шимпанзе в природе Дж. Гудолл (Jane Goodall), основатель культурной приматологии У. Мак-Грю (W.Mc Grew), известный японский исследователь шимпанзе в природе Т. Нишида (T. Nishida) и не менее известный его соотечественник, приматолог Т. Матсуцава (T. Matsuzawa), основатель когнитивной этологии Д. Гриффин (D.R. Griffin), известный голландский приматолог и этолог Франс де Вааль (F. de Waal).

«Дарвиновская парадигма» непрерывности эволюционного развития от высших животных до человека лежит в основе практически всех исследований, в которых человекообразных обезьян обучали пользоваться системами знаков или, как принято говорить, языками-посредниками для обозначения своих желаний и поддержания «диалогов» с людьми (Penn et al., 2008). В ставшей широко известной книге З.А. Зориной и А.А. Смирновой (Зорина, Смирнова, 2006), в которой описываются и анализируются эксперименты по обучению обезьян человеческой речи, приводятся разные оценки результатов подобных экспериментов. Однако авторы книги склоняются к мысли, что разрыв в познавательных способностях человека и человекообразных обезьян отсутствует и «тем самым основательно подтверждается выдвинутое Ч. Дарвином представление о том, что разница между психикой человека и высших животных, как бы велика она ни была, это разница в степени, а не в качестве» (Зорина, Смирнова, 2006, С. 303)⁴.

Следует отметить, что некоторые зарубежные специалисты считают, что отдельные человеческие способности представляют собой все-таки нечто качественно отличное от таковых у животных (Suddendorf, Corballis, 2007; Premack,

² Как пишут эти авторы в 3-ей главе своей книги «Происхождение человека и половой подбор» («The Descent of Man and Selection in Relation to Sex», Darwin, 1871) Ч. Дарвин затронул почти все проблемы, которые исследовались после этого в сравнительной психологии.

³ Все встречающиеся ныне ссылки на то, что попугай может использовать символы и оперировать понятиями для коммуникации с людьми имеют своим истоком работы А. Пепперберг, которая работала с одним-единственным жако Алексом. Заметим, что после его смерти ни один из других попугаев не повторил его «языковую карьеру».

⁴ Отметим, однако, что твердую позицию в отношении принципиальной разницы между человеческим языком и естественными или искусственными системами коммуникации у животных занимает Е.Н. Панов – известный исследователь коммуникации у животных (Панов, 2012).

2007). Тем не менее, уникальный человеческий аспект этих способностей трактуется, как правило, в достаточно узком смысле. Так, специфичность человеческого языка видится лишь в одной или нескольких его характеристиках, напри-

и у животных. Таковы, например, попытки поиска рекурсии в коммуникации тамаринов У. Фитча и М. Хаузера (Shettleworth, 2010, p. 544). Как утверждала Кэтлин Гибсон, «стоит мне принять, что какой-то признак уникален для

Ученые утверждали (а некоторые продолжают утверждать и сейчас), что человекообразные обезьяны научались десяткам или даже сотням знаков, при помощи которых они взаимодействовали со своими тренерами. При этом СМИ пошли еще дальше, утверждая, что животные «выучили язык жестов» и могут вести беседы

мер, в рекурсии (Hauser et al., 2007) или в уникальной комбинации его «компонентов» (Pinker, Jackendoff, 2005). Как пишет одна из известных современных специалистов в области сравнительных исследований когнитивных способностей и эволюционной биологии С. Шеттлворс, «вопросы типа “все-или-ничего” или, иначе, “существует или нет данная способность у животных?”, являются не лучшими ориентирами для сравнительного исследования. Более результативным является установить важные характеристики/свойства человеческого языка и задать вопрос, какие из них, если таковые имеются, присутствуют в системах коммуникаций любого другого биологического вида, и почему» (Shettleworth, 2010, p. 514). При этом авторы и комментаторы «языковых исследований» с животными традиционно ссылаются на особенности человеческого языка, выделенные более сорока лет тому назад Ч. Хоккетом (Хоккет, 1970) и гораздо позднее пересмотренные У. Фитчем (Фитч,

человека, как тут же оказывается, что он вовсе не уникален!» (Зорина, Смирнова, 2006, С. 288).

Краткая история исследований обучения языком-посредником человекообразных обезьян

Предположение, что биологические виды филогенетически наиболее близкие к человеку, должны обладать и наиболее сходными с человеческими средствами коммуникации, привело к продолжающимся не одно десятилетие попыткам обучить человекообразных обезьян разным формам человеческого языка. Первые проекты (1900–1930-е гг.) по обучению живущих в человеческих семьях шимпанзе говорить были неудачными. Анатомическая структура вокального аппарата не позволяет обезьянам артикулировать речь. В связи с этим еще в середине 1920-х гг. было высказано предположение, что опыт-

Хотя обученные языку антропоиды часто использовали цепочку из 2-х или 3-х знаков или символов и явно могли выразить с ее помощью просьбу о пище или о внимании к себе, некоторые ученые усомнились в том, что животные научались именно языку, так сказать, с большой буквы «Я»

2013). Среди них – неограниченный ряд сигналов, рекурсия, продуктивность, перемещаемость, референция и др.

При более пристальном взгляде на эту позицию обнаруживается, что она не слишком отличается от дарвиновской. Тем более, что ученые, защищающие ее, все время пытаются доказать, что указанные (и особенно интересующие нас языковые) уникальные характеристики коммуникации и способностей человека все-таки могут присутствовать

ный учитель глухонемых людей мог бы быть успешным и в обучении шимпанзе, а в качестве альтернативы словесному был предложен жестовый язык. Однако систематические попытки обучить обезьян невербальным формам коммуникации начались лишь в 1960-е гг., которые вместе с 1970-ми годами стали «золотым веком» исследований лингвистических возможностей «приматов, иных, чем люди» («primates other than humans»).

Чаще всего в литературе упоминаются попытки обучить шимпанзе Ушо, гориллу Коко и орангутанга Чантека отдельным знакам (signs), взятым из American Sign Language (ASL, один из вариантов языка для глухонемых; проекты Fouts, 1973; Gardner, Gardner, 1969; Millex, 1983; Pettersson, 1978). Кроме того, шимпанзе Сара была обучена выкладывать условные (arbitrary) пластиковые символы, обозначающие слова, на магнитную доску (проект Premack, 1971), а шимпанзе по имени Лана использовала одну из первых версий компьютерной клавиатуры, на которой находились условные символы (symbols), названные лексиграммами (проект Rumbaugh, 1977).

На первый взгляд все эти проекты казались успешными. Ученые утверждали (а некоторые продолжают утверждать и сейчас), что человекообразные обезьяны научались десяткам или даже сотням знаков, при помощи которых они взаимодействовали со своими тренерами. При этом СМИ пошли еще дальше, утверждая, что животные «выучили язык жестов» и могут вести беседы. С того дня (и до сих пор!) утверждения о том, что человекообразные обезьяны могут разговаривать с людьми, используя символы или язык жестов, чрезвычайно распространены в популярных журналах и книгах, и даже в учебниках для колледжей в США и других странах.

Однако, хотя обученные языку антропоиды часто использовали цепочку из 2-х или 3-х знаков или символов и явно могли выразить с ее помощью просьбу о пище или о внимании к себе, некоторые ученые усомнились в том, что животные научались именно языку, так сказать, с большой буквы «Я». Одним из первых с критикой подобных исследований выступил Стивен Пинкер (Steven Pinker). Он заметил, что шимпанзе не выучили язык жестов, они выучили просто некоторые жесты (Пинкер, 2004). Однако главным критиком языковых проектов выступил Герберт Террес (Herbert Terrace) из Колумбийского Университета, который специально приобрел детеныша шимпанзе и назвал его Ним Чимпский (Nim Chimpsky) в честь известного лингвиста Н. Хомского (Noam Chomsky). Г. Террес и другие, часто сменявшиеся учителя обучали Нима

жестам, основанным на ASL, и достигли в этом определенного успеха (впрочем, столь же успешны были и аналогичные попытки обучения Уошо, Сары, Коко, Чантека и Ланы в рамках более ранних проектов). После того, как Ним был отдан в Институт Исследований Приматов в Оклахоме⁵, Г. Террес перешел к анализу накопленных его командой данных (Terrace et al., 1979).

Основным вопросом, подлежащим выяснению, был следующий: являлись ли цепочки жестов, используемых шимпанзе (например: «дай апельсин мне дай кушать апельсин мне кушать апельсин дай мне ты»), настоящими предложениями. В конце концов Г. Террес сделал вывод о том, что комбинации знаков, которые создает шимпанзе, все-таки не обнаруживают ту же самую структуру, которая несомненна в предложениях ребенка. Он показал, что Ним никогда не выстраивал из знаков настоящие предложения, несмотря на то, что цепочки знаков были достаточно большими, дополнительные знаки в них не несли добавочной информации, а реальные «предложения» в среднем насчитывали всего 1,5 знака. Внимательное изучение своих видеозаписей и фильмов его предшественников, убедило Г. Терреса в том, что Ним, Уошо и другие обезьяны чаще всего после настойчивых побуждений со стороны людей просто подражали им, так как многие знаки обезьян тотчас же следовали за похожими знаками, показываемыми тренерами. Последние же интерпретировали отдельные ответы обезьян как предложения.

Так, например, супруги Келлог утверждали, что однажды Уошо, когда ей показали куклу в чашке, просигналила: «Ребенок в моем питье» («Baby in my drink»). Г. Террес так описывает соответствующую сцену из фильма, отснятого ранее тренерами этой обезьяны. Уошо находится рядом со своей учительницей Сюзен Николс (Susan Nichols), в руках у которой были чашка и кукла. С. Николс указывает на чашку и подает знак «это». Уошо подает знак «ребенок». Мис-

сис Николс подносит чашку и куклу ближе к Уошо, позволяя ей дотронуться до них, а затем медленно отодвигает их от Уошо, сигналивая «это» и указывая на чашку. Уошо сигналил «в» и отворачивается. Миссис Николс вновь подносит чаш-

Люди не только предоставляли обезьянам готовую систему знаков, но и целенаправленно (часто придумывая особые оригинальные приемы) обучали их способам использования этих знаков. Например, на отдельном этапе программы подготовки шимпанзе учили тому, что они могут получить тот или иной объект в ответ на предъявление экспериментатору строго определенного знака

ку и куклу ближе к Уошо, которая снова смотрит на эти два предмета и сигналил «ребенок». Затем, когда миссис Николс подносит чашку еще ближе, Уошо сигналил «в». «Это» – снова «спрашивает» (подает знак) миссис Николс и указывает на чашку. «Мое питье», – сигнализирует Уошо. Проанализировав отснятый супругами Келлог материал, Г. Террес поставил под сомнение их утверждение, что Уошо строила свои высказывания спонтанно, творчески используя слова-знаки.

После отчета Г. Терреса, написанного им по результатам тщательного анализа видеоматериалов его собственных исследований и экспериментов его предшественников, настроения в научной среде серьезно изменились, финансирование проектов сократилось, а некоторые ученые покинули данную область исследований. Сейчас, в целом, признается, что самые ранние проекты в конечном итоге не продемонстрировали ничего большего, как обучение шимпанзе множеству «хитроумных трюков» по выпрашиванию пищи (Shettleworth, 2010).

Прошло несколько лет и в Центре по изучению проблем языка при Университете штата Джорджия, США была запущена новая программа по обучению языкам-посредникам приматов. Два шимпанзе – Шерман и Остин – должны были взаимодействовать между собой при помощи клавиатуры, «договариваясь» об использовании орудий для добывания пищи. Сначала их обучили лексиграммам, обозначающим пищу, и

необходимые для получения этой пищи орудия. Оба шимпанзе оказались, по сообщениям авторов проекта, способными, посмотрев на лексиграмму, на которую указывал другой шимпанзе⁶, вытащить из коробки обозначенный им

объект. Считается, что тем самым было показано, что, по меньшей мере, выращенные среди людей человекообразные обезьяны могут иметь общее представление о назывании/присвоении имен (concept of naming).

Следует отметить, что люди не только предоставляли обезьянам готовую систему знаков, но и целенаправленно (часто придумывая особые оригинальные приемы) обучали их способам использования этих знаков. Например, на отдельном этапе программы подготовки шимпанзе учили тому, что они могут получить тот или иной объект в ответ на предъявление экспериментатору строго определенного знака. Потом их обучали «называть» (показывать соответствующим знаком) объект (например, банан), а получать для вознаграждения другие объекты. Также была разработана специальная программа обучения обезьян обращать внимание на то, что сигнализирует другой шимпанзе, кроме того, их отдельно обучали обмениваться знаками друг с другом.

Самым обсуждаемым проектом последних лет (несмотря на то, что основные публикации по его результатам были сделаны еще в середине и в конце 1990-х гг.) является работа команды С. Севидж-Румбо с бонобо (Pan paniscus) Кензи (до этого участниками проектов по обучению языкам-посредникам были обыкновенные шимпанзе – Pan troglodytes). Описание и критика с методологической точки зрения проектов этой группы дана в статье Hanzel

⁵ Это произошло, в том числе, из-за возросших сложностей содержания подросткового самца шимпанзе, прежде всего из-за наносимого им ущерба окружающей среде, воспринять что-то, заметив, не помогли ни его знание жестов, ни умение обмениваться ими с людьми.

⁶ Подчеркнем, что в природе шимпанзе никогда не указывают друг другу с целью референции, однако в «языковых» экспериментах их специально этому учат.

I. Sue Savage-Rumbaugh's Research into Ape Language (Hanzel, 2012). Проект «Кензи», по словам экспериментаторов, отличался следующими двумя особенностями. Первая: Кензи спонтанно научился использовать и понимать лексиграммы в ходе наблюдения за взаимодействиями людей со своей приемной матерью Мататой (Savage-Rumbaugh, 1986)⁷. Вторая: Кензи понимал, по словам исследователей, человеческую речь.

В возрасте 2,5 лет Кензи начал использовать панель (keyboard) с лексиграммами, чтобы заявлять людям о своих желаниях. С. Сэвидж-Румбо с коллегами решили специально не тренировать Кензи, чтобы увидеть, сможет ли он продолжать усваивать «лексиграммы» в ходе ежедневных взаимодействий с учеными, которые разговаривали с ним, используя и лексиграммы, и речь, как если бы он их понимал. Иными словами, они обращались с ним как родители с ребенком, который постоянно слышит речь взрослых, но еще не говорит. Кензи мог перемещаться по огороженной лесистой территории института. При этом его всегда сопровождали люди, «постоянно беседующие с ним с помощью портативных панелей с лексиграммами о том, что происходит или вот-вот произойдет» (Shettleworth, 2010, p. 541)⁸. Понимание Кензи разговорных предложений на английском сравнивалось исследователями непосредственно с таковым у 2-х-летнего ребенка (Savage-Rumbaugh et al., 1993). Например, Кензи и девочку 2,5 лет просили выполнить инструкции, выраженные на английском языке вслух простыми, но ранее никогда не употреблявшимися в их присутствии фразами типа: «Возьми телефон, который находится снаружи» (“Get the telephone that’s outdoors”) или «Кензи, сделай так, чтобы собачка укусила змею» (“Make the doggie bite the snake”) (Brakke, Savage-Rumbaugh, 1996). Были предприняты все меры предосторожности, чтобы человек, производивший вслух инструкцию, не давал

непроизвольно никаких других дополнительных подсказок (ему надевали маску). В этих тестах Кензи выполнял задания, по словам авторов, сопоставимо с их выполнением девочкой. В других тестах его компетенция по созданию предложений с лексиграммами была сравнима с таковой у 1,5-годовалого ребенка. Авторы считают полученные ими результаты доказательством того, что демонстрации Кензи знаков-жестов не были просто оперантами, т.е. действиями, приводящими к результату, полезному для того, кто их совершал, скорее он использовал и понимал слова и составленные из слов предложения как презентации состояний мира (Savage-Rumbaugh et al., 1993).

После доклада Г. Терреса исследователи группы С. Сэвидж-Румбо стали более осторожными в своих выводах. Например, они использовали фразу «неслучайные сочетания лексиграмм» вместо слова «предложения». Но, по-прежнему, «неслучайные комбинации лексиграмм» Кензи редко превышали три лексиграммы. А «обмен мнениями» между Кензи и Сью Сэвидж-Румбо в «небрежной беседе» напоминал описанный Терресом (см. выше) клип из фильма «Ребенок в моем питье»⁹.

Подчеркнем еще раз: авторы всех подобных исследований имплицитно базируются на идее отсутствия качественных различий между человеком и животными, причем, не только в отношении их языка. Так, в уже упомянутой ранее книге З.А. Зорина и А.А. Смирнова утверждают, что «шимпанзе оказались способными к обобщению не только на допонятийном (применение знаков к похожим предметам той же категории), но и на протопонятийном (применение знаков к объектам другой категории и сенсорной модальности) уровне. Уже на этой стадии экспериментов они продемонстрировали способность к символизации, т.е. умению связывать нейтральный знак с предметом, явлением или понятием и использо-

вать этот знак в некоторых новых ситуациях» (Зорина, Смирнова, 2006, С. 164). В более поздней работе З.А. Зорина, говоря о том, что степень сходства «языкового» поведения антропоидов с языком человека не стоит преувеличивать (Зорина, 2008, С. 166), повторяет вывод С. Сэвидж-Румбо, что «в то же время <...> оно все же обладало многими чертами человеческого языка, хотя и в самой зачаточной форме», и предлагает сравнивать его с языком двухлетнего ребенка (там же, С. 165).

Качественные различия между деятельностью животных и человека

На наш взгляд, прямое сопоставление психики и/или поведения животных, с одной стороны, и психики и/или поведения человека, с другой, невозможно из-за качественного различия их механизмов. Об этом неоднократно говорили как Л.С. Выготский, так и его ученики и последователи. Напомним читателю важные для ученого (впоследствии для всех представителей культурно-деятельностной психологии, к которым мы относим и себя) идеи. Л.С. Выготский, который был марксистки ориентированным автором не по принуждению, а по убеждению, полностью разделял мысль классиков марксизма (впрочем, не только их) о том, что «человека создал труд» как «деятельность, возникшая в процессе исторического развития человека» (Выготский, 1984, С. 85). В процессе труда, подчеркивал ученый, «действуя на внешнюю природу и изменяя ее, он [человек – Е.С., Е.Ф.] в то же время изменяет и свою собственную природу и действует на нее – делает себе подвластной работу своих, естественных сил. Подчинение себе и этой “силы природы”, т.е. своего собственного поведения, есть необходимое условие труда» (Выготский, 1982а, С. 106). При этом по-

⁷ Следует сказать, что Матата, будучи выращенной среди бонобо, в ходе работы с ней экспериментаторов так ни разу за два года не использовала ни одной лексиграммы и, в конце концов, когда она стала опасной для людей, ее отправили обратно в Yerkes Primate Center.

⁸ Следует при этом особо отметить, что в фильмах, выложенных группой С. Сэвидж-Румбо в Интернете для иллюстрации подобных способностей Кензи, можно заметить, что во время прогулок и подобных «бесед» с людьми человекообразная обезьяна находится на поводке, т.е. передвижение Кензи всегда контролируют люди.

⁹ У «языковых проектов» есть одно неоспоримое достижение: они, как признают эксперты, привели к существенному продвижению в понимании процесса приобретения языка человеческими детьми, а также использования языка глухими людьми. Более пристальное рассмотрение учеными того, что на самом деле происходит, когда дети приобретают свои первые слова и предложения, до некоторой степени было простимулировано исследованиями обучения языком-посредником человекообразных обезьян (Shettleworth, 2010).

добное подчинение, как он неоднократно показывал, происходит посредством использования «психологических орудий» (психологических инструментов), одним из которых и является слово.

На заре человеческой истории развитие воздействия на природу и управления собой шло рука об руку. Для иллюстрации этого положения Л.С. Выготский приводит следующий пример (взятый им, в свою очередь, из работ К. Бюлера): на Борнео и Целебесе были найдены орудия – палки для копания, к которым были приделаны с одной стороны некие маленькие палочки. При разрыхлении земли палкой маленькая палочка издавала звук, который имел особую функцию – ритмическое регулирование работы, что заменяло собой словесную команду человека. Такое «внутреннее сплетение знака и орудия, которое нашло материальное символическое выражение в первобытной палке для копания, указывает, как рано знак (и далее – высшая его форма, слово) начинает участвовать в операции употребления орудий у человека и выполнять ни с чем не сравнимую, своеобразную функциональную роль в общей структуре этих операций, стоящих в самом начале развития человеческого труда. Эта палка коренным образом отличается от палки обезьян, хотя генетически, несомненно, с ней связана» (Выготский, 1984, С. 84).

В отличие от многих исследователей, видящих между животным и человеком лишь количественные различия, Л.С. Выготский прямо пишет о том, что психолог должен принципиально различать два типа деятельности: «это поведение животного и поведение человека; деятельность, являющаяся продуктом биологической эволюции, и деятельность, возникшая в процессе исторического развития человека. <...> По прекрасному выражению Ф. Энгельса, “труд создал самого человека” <...>, т. е. создал высшие психические функции, отличающие человека как человека» (Выготский, 1984, С. 85).

Заметим, что мысль о возникновении человеческого языка в трудовой деятельности, качественно отличающей человека от животных, совершенно чужда многим современным исследователям (и отечест-

венным), ищущим прямые аналогии между психикой человека и психикой животных, в том числе в когнитивной сфере. Напротив, они «переворачивают» исходное утверждение школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурия о происхождении и развитии когнитивных процессов в деятельности. Так, например, Е.А. Сергиенко пишет, что «если в теории Леонтьева внешняя деятельность является источником и причиной возникновения и усложнения внутреннего мира человека, то у Герденфорса, напротив, именно когнитивное усложнение обуславливает становление более сложных видов деятельности. Эту точку зрения я разделяю и отстаиваю во многих своих работах» (Сергиенко, 2008, С. 341). Аналогичные утверждения можно встретить в работах С.А. Бурлак. По ее мнению, повышение наблюдательности было той движущей силой, которая привела к появлению человеческого языка (Бурлак, 2008, С. 91). Возникает естественный вопрос: а чем обусловлено подобное «когнитивное усложнение» или повышение наблюдательности? Ответа на него в работах указанных авторов мы не найдем. Один из сторонников подобной точки зрения А.Д. Кошелев, справедливо утверждает, что «ни язык антропоида, ни язык двухлетнего ребенка никак нельзя считать близкими к развитому языку человека» (Кошелев, 2006, С. 415), поскольку, по его мнению, эти различия коренятся в качественном различии их «интеллекта». И он не находит никакого удовлетворяющего его объяснения возникновению данного качественного различия. «По какой-то неизвестной причине [выделено нами. – Е.С., Е.Ф.], – пишет Кошелев, – мозг первобытного человека обрел совершенно новое качество: способность формировать относительные (не видоспецифические) структуры, которые дробят окружающий мир на самостоятельные классы элементов и организуют их в различные системы» (там же).

Между тем, Л.С. Выготский и представители его школы всегда утверждали, что подобной «неизвестной причиной» качественно иного когнитивного развития человека была его трудовая деятельность, отсутствующая у животных. Говоря образным языком, «в начале было Дело», а

уж потом появилось Слово и Мысль, опосредствованная Словом. Эту идею разделяют и некоторые биологи. Так, например, Е.Н. Панов весьма сочувственно цитирует работы А.Р. Лурия, в которых разрабатывалась общая для всей школы Л.С. Выготского идея: «Можно думать, что слово, которое родилось из труда и трудового общения, на первых порах истории было влечено в практику; изолированно от практики оно еще не имело твердого самостоятельного существования. Иначе говоря, на начальных этапах развития языка слово носило симпрактический характер» (Панов, 2012, С. 387). Заметим, что такие убеждения были характерны не только для представителей школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурия, но и для некоторых их коллег за рубежом, например, для А. Валлона. В современной литературе подобные идеи поддерживаются А. Вудсом и Т. Грантом, которые – опираясь уже на современные научные данные – утверждают, что «эволюция человека не приводилась в действие мозгом. Напротив, увеличенный мозг есть продукт эволюции человека, связанной, прежде всего, с изготовлением орудий труда» (Вудс, Грант, 2015, С. 341). Совместная деятельность людей, имеющая своей целью не простую «кооперацию» при решении индивидуальных задач, а именно сотрудничество, то есть совместный труд, и привел к необходимости координировать различные действия ее отдельных участников, имеющие разные цели, направленные на реализацию уже не биологических, а социальных смыслов. Что в свое время было прекрасно продемонстрировано в известных работах ученика Л.С. Выготского А.Н. Леонтьева¹⁰.

Развивает эти идеи известный психолог и лингвист А.А. Леонтьев в своей книге «Возникновение и первоначальное развитие языка». Он писал, что в условиях, когда успех, например, коллективной охоты как одной из форм трудовой деятельности определяется успешностью действий не отдельных индивидуумов, а согласованными действиями всего коллектива, «необходимо было выработать такие средства коммуникации, которые не просто сигнализировали бы о чем-то, но побуждали к определенному совместному действию

¹⁰ В настоящее время подобные идеи развиваются в работах М. Томаселло и его группы (Федорович, Соколова, 2015; Moll, Tomasello, 2007).

или к его прекращению, иными словами, являлись бы средствами общественной регуляции поведения» (Леонтьев, 1963, С. 46). Побуждение к подобным действиям тем более необходимо, что эти действия не имеют прямого (а иногда и косвенного) биологического смысла, тем не менее, успех коллективной деятельности зависит именно от них. В отличие от биологов и лингвистов, выносящих за скобки данную функцию языковых средств, А.А. Леонтьев постоянно подчеркивал, что специфика человеческого языка именно в его «регулирующей» функции.

В качестве средств такой регуляции Л.С. Выготский, как известно, называл не только собственно слово, но и другие психологические орудия: различные формы счисления, мнемотехнику, произведения искусства, письмо, схемы, карты, чертежи, различные условные знаки и т.д. Для животных совершенно немислимо осуществление операции «завязывания узелка на память» для организации чужого или своего поведения. Между тем это совершенно обычная операция для развитого человека¹¹. Еще более странно было бы представить себе животное, рисующее другому члену сообщества чертеж какой-нибудь машины, которую тот должен изготовить, руководствуясь данным чертежом. Подобные примеры можно умножать до бесконечности.

Существует ли «произвольная» деятельность у животных?

Поиск «аналогов» деятельности человека в поведении животных приводит некоторых авторов к предположению, что и поведение животных тоже «произвольно». Так, С.А. Бурлак, констатируя «подконтрольность» человеческой речи воле (Бурлак, 2008, С. 94), надеется определить, «насколько произвольна сигнализация животных». Он оценивает ее произвольность «по возможности отвечать на одну и ту же ситуацию разными сигналами, вплоть до нулевого» (там же, С. 92). Возникает вопрос: можно ли говорить здесь о произвольности, в смысле сознательного управления своим пове-

дением с помощью речи, или же мы можем признать у животных всего лишь зависимость различных ответов на одни и те же стимулы от разных «контекстов»? Мы склоняемся к последнему ответу.

Л.С. Выготский отвечал на вопрос о существовании произвольной регуляции психической функций у животных отрицательно: «Только действие человека, подчиненное его воле, есть волевое действие. К. Левин в прекрасном анализе психологии намеренных действий с полной ясностью выделяет свободное и волевое намерение как продукт исторического культурного развития поведения и отличительную черту психологии человека <...>. Эта свобода характерна для человека культуры. Она свойственна в несравненно меньшей степени ребенку и, по-видимому, также, примитивному человеку, вероятно, отличает человека от наиболее близко стоящих к нему животных в большей мере, чем его более развитой интеллект. Это разграничение совпадает с проблемой овладения» (Выготский, 1984, С. 85–86). Свобода действия человека, по Л.С. Выготскому, проявляется в его независимости от актуальной потребности, с одной стороны, и от непосредственно воспринимаемой ситуации, с другой. На материале многочисленных исследований, в том числе своих собственных, ученый показывает, что «в противовес высшим животным у человека возникает сложная функциональная связь между речью, употреблением орудий и натуральным зрительным полем. Без анализа этой связи психология практической деятельности человека всегда оставалась бы непонятной» (Выготский, 1984, С. 26). При этом речь развивается не в результате «внезапного открытия», совершаемого ребенком, как это утверждалось и утверждается другими психологами, в том числе современными, например, Е.А.Сергиенко, которая приписывает данное утверждение самому Л.С. Выготскому (Сергиенко, 2008, С. 352). Напротив, Л.С. Выготский подчеркивал, что «в то время как традиционная психология искала происхождение символической деятельности то в серии «открытий»

или других интеллектуальных операций ребенка, то в процессах образования обычных условных связей, видя в них лишь продукт изобретения или усложненную форму привычки, мы приведены всем ходом нашего исследования к необходимости выделить самостоятельную историю знаковых процессов, образующих особую линию в общей истории психического развития ребенка» (Выготский, 1984, С. 55). Эта история – продукт системы социальных связей и социального сотрудничества, не устает повторять Выготский. «Всякая символическая деятельность ребенка, – пишет он, – была некогда социальной формой сотрудничества и сохраняет на всем пути развития до самых высших его точек социальный способ функционирования. История высших психических функций раскрывается здесь как история превращения средств социального поведения в средства индивидуально-психологической организации» (Выготский, 1984, С. 56). Соответственно, подчеркивает ученый, «всякий волевой процесс первоначально процесс социальный, коллективный, интерпсихологический» (Выготский, 1982б, С. 116). Сначала «командует» (приказывает) взрослый, а ребенок исполняет приказ. Затем сам ребенок начинает командовать сам себе (например, «раз-два-три») и исполняет некое действие.

Поведения такого рода совершенно невозможно наблюдать ни у одного известного нам животного, которое управляло бы при помощи слова или любого другого «психологического орудия» своим поведением при решении текущих задач жизнедеятельности. Эта центральная мысль Л.С. Выготского не была замечена исследователями, пытающимися научить обезьян «человеческому языку». Ни одно из животных – участников подобных экспериментов – не приобрело в результате использования знаков способность управлять собой в контексте определенных социальных (конвенциональных) требований. Оно так и осталось животным, как правило, опасным для людей. Как отмечала в свою очередь С. Шеттлворс, в «языковых» тренингах

¹¹ Вспомним приводимые Л.С. Выготским известные случаи употребления подобных психологических орудий. Например, знаменитому путешественнику В.К. Арсеневу однажды в удэгейском селении был передан коготь рыси, чтобы он не забыл пожаловаться «высшему начальству» во Владивостоке на притеснения жителей со стороны местного купца (Выготский, 1983, С. 73).

шимпанзе оказались менее сходными с человеком, чем казалось когда-то в начале их проведения. Внимательный наблюдатель, просматривающий фильмы команды С. Эвидж-Румбо, может отметить, что все ее «говорящие обезьяны» ходят на поводках, зажав под мышкой папки с нарисованными на них лексикограммами. Также в кулуарах обсуждается тот факт, что со знаменитым Кензи могут работать только одна-две женщины, тогда как мужчинам заходить к нему опасно – овладение символическими языками не позволили этому самородку среди приматов овладеть конвенциональными правилами поведения в группе, что характерно даже для маленьких детей. Кроме того, следует указать оптимистически настроенным читателям, что все шимпанзе, которые воспитывались людьми, имели проблемы с поведением, из-за чего в скором времени переезжали в клетки на ночь, а потом, по достижении подросткового возраста, и в питомники. Не избежали этого ни Иони, ни Ушо, ни Сара, ни Ним, участвовавший в проекте Терреса.

Заслуживает интереса эпизод, произошедший со взрослым Нимом, который обитал в приюте. К нему приехал его бывший тренер, Ним обменялся с ним знаками, однако это не спасло мужчину от неприятностей, когда тот, не послушав отговаривающих его специалистов, вошел к «говорящему» шимпанзе в клетку. Весь драматизм стоящих за языковыми проектами отношений к своим подопечным людей, придумывающих за них их судьбу, хорошо виден в на редкость качественно сделанном документальном фильме «Проект Ним». Его можно найти, например, по адресу: https://www.youtube.com/watch?v=PRnYZLgJ_54.

Заключение

Вслед за Л.С. Выготским и его последователями мы настаиваем на том, что существует неразрывная связь языка с организацией развития и функционирования всей психической деятельности

людей: «Язык не просто пронизывает всю внутреннюю жизнь человека, но проникает в нее изначально, точнее, строит ее» (Зинченко, 2008, С. 130)¹². При этом, критерий отличия языка человека от «систем искусственных символов» или естественных систем коммуникации животных следует искать не в наборе тех или иных свойств грамматической или синтаксической структуры языка, доступных животным, или особенностей их сочетаний, но в особой организации жизни, в возможности строить групповые взаимодействия тем способом, который называется «трудо-

что высшие животные – особенно в искусственно созданных экспериментатором условиях – могут использовать некоторые знаковые средства («языковые символы») для манипуляции поведением других существ и, в частности, до известной степени манипулировать поведением экспериментатора для достижения своих индивидуальных целей, связанных, в основном, с получением пищи или привлечением к себе внимания. Однако ни одно из животных не может использовать и не использует знаки для управления своим поведением или для регуляции собственных психических процессов

выми отношениями». Этот критерий – использование языка в функции овладения собственным поведением и своими психическими процессами, необходимость которой возникла, прежде всего, в процессе исторического развития человека в его трудовой (совместной, социально обусловленной и орудийно опосредствованной) деятельности.

Надо отметить, что высшие животные – особенно в искусственно созданных экспериментатором условиях – могут использовать некоторые знаковые средства («языковые символы») для манипуляции поведением других существ и, в частности, до известной степени манипулировать поведением экспериментатора для достижения своих индивидуальных целей, связанных, в основном, с получением пищи или привлечением к себе внимания. Однако ни одно из животных не может использовать и не использует знаки для управления своим поведением или для регуляции собственных психических процессов. Несмотря на порой впечат-

ляющие способности к обучению знакам и правилам обмена ими с другими индивидами, использование человекоподобными обезьянами искусственных языков является преимущественно (если не всегда) прагматичным и «солипсическим».

Поэтому, мы думаем, читателю становится понятным первая часть названия нашей статьи, представляющая собой почти точную цитату из «Собачьего сердца» М.А. Булгакова. «Говорить», то есть использовать знаковые средства («языковые символы») и их сочетания при коммуникации с себе подоб-

ными, – еще не значит быть человеком. Быть человеком – значит управлять своей деятельностью (и психическими процессами как функциями этой деятельности) в контексте социально обусловленных целей, и язык в данном отношении является не только одним из средств, но и главным условием произвольной регуляции. Иными словами, узелок на память и иные психологические орудия (в том числе высшая их форма – слово) служат не столько для передачи «информации», сколько средством вовлечения другого в совместную, социально обусловленную деятельность и средством произвольного управления (овладения) собой. На наш взгляд, игнорирование этой, самой существенной, функции человеческого языка приводит как к неадекватной интерпретации полученных данных при изучении поведения животных, в том числе в экспериментах с «говорящими обезьянами», так и к очевидному биологическому редукционизму в объяснении деятельности человека.

¹² В силу необъятности темы мы оставляем здесь за скобками обсуждение в культурно-деятельностной психологии сложного вопроса о неотделимости психической и внутренней деятельности и дискуссии между ее представителями по поводу соотношения Слова и Дела в психическом развитии человека (об этом см., например, Соколова, 2006; Соколова, 2007 и др.).

Литература:

- Бурлак С.А. Переход от до-языка к языку: что можно считать критерием? // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – С. 89–100.
- Бутовская М.Л. Человек и человекообразные обезьяны: языковые способности и возможности диалога // Зоологический журнал. – 2005. – Т. 84. – № 1. – С. 149–157.
- Вудс А., Грант Т. Бунтующий разум: марксистская философия и современная наука. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. – 600 с.
- Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Л.С. Выготский. Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 1. – Москва : Педагогика, 1982а. – С. 103–108.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 3. – Москва : Педагогика, 1983. – С. 5–328.
- Выготский Л.С. О психологических системах // Л.С. Выготский. Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 1. – Москва : Педагогика, 1982б. – С. 109–131.
- Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Л.С. Выготский. Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 6. – Москва : Педагогика, 1984. – С. 5–90.
- Зинченко В.П. Шепот раньше губ, или Что предшествует эксплозии детского языка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – С. 101–134.
- Зорина З.А. Возможность диалога между человеком и человекообразной обезьяной : обзор экспериментальных исследований // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – С. 135–172.
- Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: способны ли высшие животные оперировать символами? – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 424 с.
- Кошелев А.Д. О языке человека (в сопоставлении с языком «говорящих» антропоидов) // Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: способны ли высшие животные оперировать символами? – Москва : Языки славянских культур, 2006. – С. 367–423.
- Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 139 с.
- Панов Е.Н. Парадокс непрерывности: языковой рубикон. О непроходимой пропасти между сигнальными системами животных и языком человека. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 456 с.
- Пинкер С. Язык как инстинкт. – Москва : УРСС, 2004. – 456 с.
- Резникова Ж.И. Интеллект и язык животных. Основы когнитивной этологии. – Москва : Академкнига, 2005. – 518 с.
- Сергиенко Е.А. Когнитивное развитие довербального ребенка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – С. 337–365.
- Соколова Е.Е. «Буква» и «дух» деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева в решении проблемы интериоризации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Выпуск 2 / под общ. ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. – Москва : Смысл, 2006. – С. 14–25.
- Соколова Е.Е. Линии разработки идей Л.С. Выготского в Харьковской психологической школе // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 1. – С. 3–12.
- Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю. К проблеме «культуры» у животных: критический анализ современных исследований с позиций психологии деятельности школы А.Н. Леонтьева // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 2. – С. 14–23. doi:10.17759/chp.2016120202
- Федорович Е.Ю., Соколова Е.Е. К методологии современных сравнительно-психологических исследований: Майкл Томаселло vs Алексей Н. Леонтьев // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции. В 5 тт. Т. 5. / отв. ред. Д.Б. Боговявленская. – Москва : Когито-Центр, 2015. – С. 439–442.
- Фитч У.Т. Эволюция языка. – Москва : Языки славянских культур, 2013. – 768 с.
- Хоккет Ч. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. – Москва : Прогресс, 1970. – С. 45–76.
- Чеснокова О.Б., Субботский Е.В. Социальный интеллект в условиях сложных социальных систем // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 2(4). – С. 22–29.
- Bekoff, M., Allen, C. & Burghardt, G., eds. (2002) *The cognitive animal: empirical and theoretical perspectives on animal cognition*. MIT Press. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts.
- Brakke, K. & Savage-Rumbaugh, E.S. (1996) *The Development of Language Skills in Bonobo and Chimpanzee—II; Production. Language and Communication*. 16, 361–380. doi: 10.1016/S0271-5309(96)00018-3
- Clayton, N. S., Bussey, T. J. & Dickinson, A. (2003) Can animals recall the past and plan for the future? *Nature Reviews Neuroscience*. 8, 685–691. doi: 10.1038/nrn1180
- de Waal, F. & Tyack, P. L. (2003) *Animal social complexity: Intelligence, culture and individualized societies*. Harvard University Press. doi: 10.4159/harvard.9780674419131
- Griffin, D. (1978) *The question of animal awareness: Evolutionary continuity of mental experience*. The Rockefeller University Press.
- Hanzel, I. (2012) Sue Savage-Rumbaugh's Research into Ape Language. *Science and Methodology*. Organon F. 19, 201–226.
- Hauser, M., Barner, D. & O'Donnell T. (2007) Evolutionary linguistics: A new look at an old landscape. *Language, Learning, and Development*. 3, 101–132. doi: 10.1080/15475440701225394
- Matsuzawa, T. (2001) *Primate origin of human cognition and behavior*. Springer. doi: 10.1007/978-4-431-09423-4

- Moll, H. & Tomasello, M. (2007) Co-operation and human cognition: The Vygotskian intelligence hypothesis. *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 362, 639-648.
- Penn, D., Holyoak K. & Povinelli, D. (2008) Darwin's mistake: Explaining the discontinuity between human and nonhuman minds. *Behavioral and Brain Sciences*. 31, 109-178. doi: 10.1017/S0140525X08003543
- Pepperberg, I. (2005) Intelligence and rationality in parrots / Rational animals? Eds. S. Hurley, & M. Nudds. Oxford University Press, 469-488.
- Pinker, S. (2004) Language as an instinct. Moscow, URSS. doi: 10.1016/j.cognition.2004.08.004
- Premack, D. (2007) Human and animal cognition: Continuity and discontinuity. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. 104. 13861-13867. doi: 10.1073/pnas.0706147104
- Rendall, D., Vokey, J. & Notman, H. (2008) Quotidian cognition and the human-nonhuman "divide": Just more or less of a good thing? / Commentary/ Penn et al.: Darwin's mistake: Explaining the discontinuity between human and nonhuman minds. *Behavioral and brain sciences*. 31, 146-147. doi: <https://doi.org/10.1017/S0140525X08003701>
- Rendell, L. & Whitehead, H. (2001) Culture in whales and dolphins. *Behavioral and Brain Sciences*. 24, 309-382. doi: 10.1017/S0140525X0100396X
- Savage-Rumbaugh, S., Murphy, J., Sevcik, R., Brakke, K., Williams, S. & Rumbaugh D. M. (1993) *Language, Comprehension in Ape and Child* (Monographs of the Society for Research in Child Development). University Of Chicago Press.
- Savage-Rumbaugh, S., Shanker, S. & Taylor, T. (1998) *Apes, language, and the human mind*. Oxford University Press.
- Savage-Rumbaugh, E.S. (1986) *Ape Language: From Conditioned Response to Symbol*. New York, Columbia University Press.
- Shettleworth, S. J. (2010) *Cognition, Evolution, and Behavior* (Second Edition). Oxford.
- Smith, J. D., Shields, W. & Washburn, D. The comparative psychology of uncertainty monitoring and metacognition. *Behavioral and Brain Sciences*. 26, 317-373. doi: 10.1017/s0140525x03000086
- Suddendorf, T., Corballis, M. (2007) The evolution of foresight: What is mental time travel and is it unique to
- Terrace, H. S., Petitto, L. A., Sanders, R. J. & Bever, T. G. (1979) Can an ape create a sentence? *Science*. 4421, 891-902. doi: 10.1126/science.504995
- Wasserman, E. & Zentall, T. (2006) *Comparative Cognition: A Natural Science Approach to the Study of Animal Intelligence* Comparative Cognition: Experimental Explorations of Animal Intelligence. Eds. E. Wasserman, & T. Zentall. Oxford University Press, Inc., 3-14.

References:

- Bekoff, M., Allen, C. & Burghardt, G., eds. (2002) *The cognitive animal: empirical and theoretical perspectives on animal cognition*. MIT Press. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts.
- Brakke, K. & Savage-Rumbaugh, E.S. (1996) The Development of Language Skills in Bonobo and Chimpanzee—II; Production. *Language and Communication*. 16, 361-380. doi: 10.1016/S0271-5309(96)00018-3
- Burlak, S.A. (2008) From protolanguage to language: where is the transition point? [*Razumnoe povedenie i yazyk. Vypusk 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya cheloveka*]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 89-100.
- Butovskaya, M.L. (2005) Human and apes: language skills and prospects for dialogue [*Zoologicheskii zhurnal*], 84, 149-157.
- Chesnokova, O.B. & Subbotskiy, E.V. (2010) Social intelligence in the context of complex social systems [*Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*], 4, 22-29.
- Clayton, N. S., Bussey, T. J. & Dickinson, A. (2003) Can animals recall the past and plan for the future? *Nature Reviews Neuroscience*. 8, 685-691. doi: 10.1038/nrn1180
- de Waal, F. & Tyack, P. L. (2003) *Animal social complexity: Intelligence, culture and individualized societies*. Harvard University Press. doi: 10.4159/harvard.9780674419131
- Fedorovich, E.Yu. & Sokolova, E.E. (2015) On the issue of current comparative psychological studies: Michael Tomasello vs Aleksey N. Leontiev. [*Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sbornik materialov yubileynoy konferentsii*]. Moscow, Vol.5, Kogito-Tsent, 439-442.
- Fitch, U.T. (2013) *Evolution of language*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Griffin, D. (1978) *The question of animal awareness: Evolutionary continuity of mental experience*. The Rockefeller University Press.
- Hanzel, I. (2012) Sue Savage-Rumbaugh's Research into Ape Language. *Science and Methodology*. Organon F. 19, 201-226.
- Hauser, M., Barner, D. & O'Donnell T. (2007) Evolutionary linguistics: A new look at an old landscape. *Language, Learning, and Development*. 3, 101-132. doi: 10.1080/15475440701225394
- Khokket, Ch. (1970) The problem of language universals. [*Novoe v lingvistike*]. Moscow, Vol. 5, Progress, 45-76.
- Koshelev, A.D. (2006) On human language (compared with the one of the apes) [*Zorina, Z.A. & Smirnova, A.A. O chem rasskazali «govoryashchie» obez'yany: sposobny li vysshie zhivotnye operirovat' simvolami?*] Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 367-423.
- Leontiev, A.A. (1963) *Language, its emergence and initial development*. Moscow, AN SSSR.
- Matsuzawa, T. (2001) *Primate origin of human cognition and behavior*. Springer. doi: 10.1007/978-4-431-09423-4
- Moll, H. & Tomasello, M. (2007) Co-operation and human cognition: The Vygotskian intelligence hypothesis. *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 362, 639-648. doi: 10.1098/rstb.2006.2000
- Panov, E.N. (2012) Paradox of continuity: the language Rubicon. An insurmountable gap between animal signal systems and human language. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Penn, D., Holyoak K. & Povinelli, D. (2008) Darwin's mistake: Explaining the discontinuity between human and nonhuman minds. *Behavioral and Brain Sciences*. 31, 109-178. doi: 10.1017/S0140525X08003543
- Pepperberg, I. (2005) Intelligence and rationality in parrots / Rational animals? Eds. S. Hurley, & M. Nudds. Oxford University Press, 469-488.

- Pinker, S. & Jackendoff, R. (2005) The faculty of language: What's special about it? *Cognition*. 95, 201-236. doi: 10.1016/j.cognition.2004.08.004
- Pinker, S. (2004) Language as an instinct. Moscow, URSS.
- Premack, D. (2007) Human and animal cognition: Continuity and discontinuity. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. 104. 13861-13867. doi: 10.1073/pnas.0706147104
- Rendall, D., Vokey, J. & Notman, H. (2008) Quotidian cognition and the human-nonhuman "divide": Just more or less of a good thing?/ Commentary/ Penn et al.: Darwin's mistake: Explaining the discontinuity between human and nonhuman minds. *Behavioral and brain sciences*. 31, 146-147. doi: https://doi.org/10.1017/S0140525X08003701
- Rendell, L. & Whitehead, H. (2001) Culture in whales and dolphins. *Behavioral and Brain Sciences*. 24, 309-382. doi: 10.1017/S0140525X0100396X
- Reznikova, Zh.I. (2005) Animal intellect and language. The basics of cognitive ethology. Moscow, Akademkniga.
- Savage-Rumbaugh, S., Murphy, J., Sevcik, R., Brakke, K., Williams, S. & Rumbaugh D. M. (1993) Language, Comprehension in Ape and Child (Monographs of the Society for Research in Child Development). University Of Chicago Press.
- Savage-Rumbaugh, S., Shanker, S. & Taylor, T. (1998) Apes, language, and the human mind. Oxford University Press.
- Savage-Rumbaugh, E.S. (1986) Ape Language: From Conditioned Response to Symbol. New York, Columbia University Press.
- Sergienko, E.A. (2008) Cognitive pre-verbal development of a child [*Razumnoe povedenie i yazyk*]. Issue 1. Communication systems of animals and human language. The origin of language. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 337-365.
- Shettleworth, S. J. (2010) Cognition, Evolution, and Behavior (Second Edition). Oxford.
- Smith, J. D., Shields, W. & Washburn, D. The comparative psychology of uncertainty monitoring and metacognition. *Behavioral and Brain Sciences*. 26, 317-373. doi: 10.1017/s0140525x03000086
- Sokolova, E.E. & Fedorovich, E.Yu. (2016) On the issue of animal "culture": critical analysis of current studies in accordance with L. S. Vygotsky's ideas [*Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*], 12, 14-23.
- Sokolova, E.E. (2006) The "letter" and the "sense" of A.N. Leontiev's activity approach in the context of interiorization problem solution [*Uchenye zapiski kafedry obshchey psikhologii MGU imeni M.V. Lomonosova*]. Moscow, Issue 2, Smysl, 14-25.
- Sokolova, E.E. (2007) Ways of developing L.S. Vygotsky's ideas in Kharkiv's psychological school [*Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*], 1, 3-12.
- Suddendorf, T., Corballis, M. (2007) The evolution of foresight: What is mental time travel and is it unique to humans? *Behavioral and Brain Sciences*. 30, 299-313. doi: 10.1017/S0140525X07001975
- Terrace, H. S., Petitto, L. A., Sanders, R. J. & Bever, T. G. (1979) Can an ape create a sentence? *Science*. 4421, 891-902. doi: 10.1126/science.504995
- Vygotsky, L.S. (1982) On psychological systems [*Sobranie sochineniy*]. Vol 1. Moscow, Pedagogika, 109-131.
- Vygotsky, L.S. (1982) Instrumental method in psychology [*Sobranie sochineniy*]. Vol 1. Moscow, Pedagogika, 103-108.
- Vygotsky, L.S. (1983) History of the higher mental functions development [*Sobranie sochineniy*]. Vol 3. Moscow, Pedagogika, 5-328.
- Vygotsky, L.S. (1984) Tool and symbol as means of children development [*Sobranie sochineniy*]. Vol 6. Moscow, Pedagogika, 5-90.
- Wasserman, E. & Zentall, T. (2006) *Comparative Cognition: A Natural Science Approach to the Study of Animal Intelligence Comparative Cognition: Experimental Explorations of Animal Intelligence*. Eds. E. Wasserman, & T. Zentall. Oxford University Press, Inc., 3-14.
- Woods, A. & Grant, T. (2015) *Rebellious Mind: Marxist philosophy and contemporary science*. Moscow, Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya".
- Zinchenko V.P. (2008) Whisper that goes before the lips OR what precedes children language explosion [*Razumnoe povedenie i yazyk*]. Issue 1. Communication systems of animals and human language. The origin of language. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 101-134.
- Zorina, Z.A. & Smirnova, A.A. (2006) What did "speaking" apes tell us? Are higher animals capable of using symbols? Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Zorina, Z.A. (2008) Prospects for dialogue between a human and an ape: experimental studies review [*Razumnoe povedenie i yazyk*]. Issue 1. Communication systems of animals and human language. The origin of language. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 135-172.

Лев Выготский между двух революций: к вопросу о политическом самоопределении ученого

В.С. Собкин

Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия.

Т.А. Климова

Московский Православный институт имени Св. Иоанна Богослова, Москва, Россия

Поступила 8 сентября 2016/ Принята к публикации: 20 сентября 2016

Lev Vygotsky between two revolutions: on the political self-determination of the scientist

Vladimir S. Sobkin*

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Tatiana A. Klimova

Moscow Orthodox Institute of St. John the Divine, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: sobkin@mail.ru

Received September 8, 2016 / Accepted for publication: September 20, 2016

Статье представлены тексты трех ранее неизвестных журнальных заметок Л.С. Выготского и комментарии к ним. Эти тексты опубликованы им в середине июля и начале сентября 1917 года в еврейском еженедельнике «Новый путь» под псевдонимами «Л.С.» и «W». В данных текстах Выготский описывает особенности политического поведения еврейского населения черты оседлости в связи с революционными событиями, происходящими в России. При этом он отмечает, с одной стороны, явное расхождение между активизацией партийной работы и политической риторикой, а с другой — снижение значимости проблем еврейской общинной жизни. В качестве одной из ключевых характеристик социально-психологического самочувствия еврейского населения в провинции Выготский отмечает абсентеизм — отсутствие интереса к политике. Параллельно ученый фиксирует нарастание в еврейской среде неуверенности и страха по поводу будущих политических и социально-экономических преобразований в России. В комментариях к заметкам Выготского даются определения, касающиеся особенностей деятельности различных еврейских политических партий и общественных организаций, приводятся сведения о различных политических документах и персоналиях, характеризуется социально-политическая обстановка перед выборами в Учредительное собрание. Особое место уделено анализу стилистики и структурных особенностей построения комментируемых текстов. Путем выявления неявных цитирований устанавливается взаимосвязь текстов Выготского с произведениями других авторов. Особое внимание уделяется моментам, касающимся обращения автора к религиозным текстам, что позволяет выделить характерную особенность «двойного видения» ученым реальных событий революции на фоне истории еврейского народа. Комментарии помогают вычлени особенности политической самоидентификации молодого Выготского в период между двумя революциями, что важно для изучения его биографии и понимания особенностей становления его мировоззрения.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, социокультурный контекст, Л.С. Выготский, творчество Л.С. Выготского, политическое самоопределение ученого, стилистика текста.

The paper presented texts of the three previously unknown Lvygotsky's journal notes and comments on them. These texts were published in mid-July and early September 1917 in the Jewish weekly «New Path» under the pseudonym «L.S.» and «W». In these texts, Lev Vygotsky describes the features of the political behaviour of the Jewish population in connection with the revolutionary events in Russia. On the one hand, a clear discrepancy between the activation of party work and political rhetoric is mentioned, and on the other hand, reduction of the significance of Jewish communal life is highlighted. As a key characteristic of social and psychological well-being of the Jewish population Vygotsky singles out absenteeism, i.e. the lack of interest in politics. Eventually the scientist captures the increase in uncertainty in the Jewish environment and fear of the future political, social and economic reforms in Russia. In the comments on Vygotsky notes, there are definitions relating to the various features of the activities of the Jewish political parties and public organizations, information about various policy documents and staff characterized by social and political situation before the elections in the Constituent Assembly (Uchreditel'noe Sobranie). Particular attention is paid to the analysis of stylistic and structural features of the commented text construction. By implicit quoting the relationship between Vygotsky's texts and the works of other authors is identified.

Particular attention is paid to the author's attitude to religious texts, which allows to select a characteristic feature of the «double vision» of real events of the revolution against the background of the Jewish history. The comments help to single out features of the political identity of the young Lev Vygotsky in the period between the two revolutions, which is important to study his biography and understanding of his world view.

Key words: cultural historical psychology, socio-cultural context, L.S. Vygotsky, creative work of L.S. Vygotsky, political self-determination of the scientist, text stylistics.

Настоящая статья продолжает цикл наших публикаций, посвященных раннему периоду жизни и творчества Л.С. Выготского (Собкин 1981, 2015а,б; Собкин, Климова 2016; Собкин, Леонтьев 1994; Собкин, Мазанова 2014а,б,в,г, 2015а). Она базируется на трех небольших заметках, опубликованных им в еженедельнике «Новый путь» в июле и сентябре 1917 года. Этот еженедельник был посвящен вопросам еврейской жизни. Выходил он на русском языке и издавался в Москве с января 1916 г. до октября 1917 г. (редактор издания С.С. Коган, главный редактор известный впоследствии советский ученый-юрист, криминолог, специалист по уголовному праву, член-корреспондент Академии наук А.Н. Трайнин).

Еженедельник «Новый путь» являлся изданием принадлежащим левому направлению, что и отражалось в содержании публикуемых материалов, касающихся как проблем внутренней еврейской жизни, так и общих вопросов культуры и политики. В еженедельнике печатались известные юристы, политики, деятели науки и культуры (О.И. Грузенберг, А.М. Эфрос, С.Г. Лозинский, Г.А. Ландау, Ю.И. Айхенвальд, Л.И. Кацнельсон и др.).

Общую целевую ориентацию журнала, выходящего на русском языке, определяло стремление к взаимодействию

еврейской и русской культур. В качестве примеров можно привести статью А.М. Эфроса «Чехов и евреи», его же публикации о творчестве М.З. Шагала, статью Е.Д. Кусковой «Евреи и русская интеллигенция», публикацию С.Я. Штрайха «Еврейские отношения И.И. Мечникова» и др. Принципиальная позиция еженедельника по еврейскому вопросу отражалась и в работах такого видного юриста, как О.И. Грузенберг (1866–1940). Он выступал в качестве адвоката по наиболее крупным в те годы еврейским делам (например, обвинение евреев города Орша в нападении на крестьянское население из побуждений религиозной вражды, дело о кишиневском погроме, дело Д. Блондеса, дело М. Бейлиса и др.).

Обращает на себя внимание тот факт, что многие авторы еженедельника «Новый путь» не только имели базовое юридическое образование, но и параллельно занимались преподавательской деятельностью (О.И. Грузенберг, А.Н. Трайнин, Ю.И. Айхенвальд). Возможно, именно этим и объясняется приглашение Л.С. Выготского, как студента юридического факультета Московского университета и, одновременно, студента филологического факультета Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского для работы в журнале. Лев Семенович работал в этом еже-

недельнике в качестве технического секретаря, что подтверждается справкой из его личного дела, хранящегося в Центральном Государственном архиве: ЦГА РСФСР-Ф.2306. – Оп.42.-Д.499.-Л.11 (Выгодская, Лифанова, 1996, С. 39).

Помимо обязанностей технического секретаря еженедельника Выготский также активно публиковался на его страницах. За полтора года работы в журнале, как нам удалось установить, им было опубликовано 11 материалов разного жанра. Наряду с литературно-критическими статьями об Андрее Белом, М.Ю. Лермонтове, юбилейной статьи, посвященной памяти еврейского писателя и общественного деятеля И.Л. Гордона, Выготским были опубликованы также три статьи, где центральным является вопрос о сопоставлении исторических событий общественно-культурной жизни евреев с современными процессами, происходящими в России. Это статьи «Траурные строки (День 9-го ава)», «Мысли и настроения (строки к Хануке)», «Avodimhoinu».

Кроме перечисленных работ, с марта по сентябрь 1917 года на страницах еженедельника «Новый путь» выходит ряд публикаций Выготского, которые являются непосредственным откликом на политические события, связанные с февральской революцией. Поскольку это небольшие, как правило, репортажные и информационные заметки, печатающиеся в разделах еженедельника «Еврейство в дни революции» и «В провинции», то они не включались в библиографические списки работ Выготского и практически до настоящего времени не были известны. Между тем, на наш взгляд, эти публикации интересны не только в информационном плане, но и потому, что позволяют (это представляется нам наиболее важным) охарактеризовать своеобразие реакций самого Выготского на февральскую революцию и последующие затем события вплоть до октября 1917 года.

В статье мы приведем три небольшие журнальные заметки Л.С. Выготского, снабдив их необходимыми, на наш взгляд, пояснениями. Когда мы комментировали эти работы, для нас, в первую очередь, было важно кратко реконструировать тот социально-политический контекст, детали которого «стерлись из

Владимир Самуилович Собкин –
доктор психологических наук, профессор,
академик РАО, руководитель Центра социологии
образования Института управления образованием РАО.
E-mail: sobkin@mail.ru

Татьяна Анатольевна Климова –
старший преподаватель кафедры общей и прикладной
психологии Московского Православного института
имени Св. Иоанна Богослова.
E-mail: t-klim@list.ru

памяти» за прошедшие сто лет и не всегда понятны современному читателю. Это касается как роли различных политических еврейских партий (Бунд, СЕРП, Поалей-Цион и пр.), так и деятельности разнообразных еврейских общественных организаций (ЕПО, ОЗЕ, ОРТ и др.). Помимо этого, нам нужно было обратить внимание читателей и на то, как Выготский свободно ориентируется в деталях общественной и политической жизни еврейского населения в России.

Другим важным обстоятельством, стимулировавшим нашу работу, явилось желание выделить те содержательные оценки Выготского, которые характеризуют особенности реакций еврейского населения России на революционные события. Заметим, что это, с определенными оговорками, позволяет реконструировать и собственную смысловую позицию Выготского в период кардинальных социально-экономических трансформаций в ситуации поли-

тической и ценностно-нормативной неопределенности. При этом подчеркнем, что процессы национальной и политической самоидентификации выступают у него в органическом и неразрывном единстве. И здесь следует отметить, что Выготский тонко улавливает в настроениях еврейского населения предчувствие будущей трагедии.

Предваряя представляемый материал, отметим, что в этих небольших заметках отчетливо проявляется принципиально важная для Выготского оппозиция партийной и общественной деятельности: «мертвой работы» и живой общинной жизни. В контексте его дальнейших исследований это противопоставление представляется нам крайне важным. Во-первых, встречающаяся у него метафора «мертвая работа» сводит «живую» социальную деятельность к функционированию, деформации фундаментальных смыслов общественной деятельности. Во-вторых,

еврейская община выступает у него как фундаментальная социальная единица, которая сохраняет, воспроизводит и, в то же время, развивает национально-культурные традиции народа.

И, наконец, еще одна линия, определяющая содержание наших комментариев, связана с желанием выявить стилистические особенности построения текстов Выготского, вскрыть их своеобразные взаимоотношения как с работами других авторов (путем выявления неявных цитирований), так и с более ранними и последующими текстами самого Выготского.

Публикуя эти небольшие заметки Выготского, мы пользуемся современными нормами русского языка за исключением тех случаев, когда автором намеренно используются грамматические нарушения.

После этого краткого вступления перейдем к самим текстам и нашим комментариям к ним.

«Новый путь» № 24-25, от 15 июля 1917 г., стб. 30-31.

Рубрика «В провинции».

Гомель.

Выборы в Городскую Думу¹.

Только что закончились выборы в Городскую Думу. Результаты их представляют значительный общественный интерес, как ценные показатели силы и влияния отдельных партий и групп в еврейском населении довольно большого провинциального центра.

Всего еврейскими партиями и общественными группами, как таковыми, было выставлено пять списков. Кроме того, Бунд² блокировался с местными организациями Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии³, партии социалистов-революционеров⁴ и польского социалистического объединения⁵, и поэтому отдельного списка не выставил, но внес своих кандидатов в общий список социалистического блока. Любопытно попутно отметить, что остальные еврейские социалистические партии (объединенная партия - «Серп»⁶ и с.-г. - и «Поалей-Цион»⁷) не примкнули к общему социалистическому блоку и образовали еврейский социалистический блок.

Были отдельные кандидаты-евреи и в общих списках (домовладельцев, большевиков и т.д.).

В общем, число всех евреев-гласных (при общем их количестве в 101 чел.) составляет 52 человека, что приблизительно соответствует численному соотношению городского населения.

Значительное преобладание социалистов (всего 65 чел.) сказалось и на еврейских списках. Помимо большого количества голосов, отданных Бундом общему социалистическому списку, первое место занимает список еврейского социалистического блока, из которого прошло 12 чел. Затем идут сионисты (7 чел.), национально-религиозная организация (4 чел.) и группа беспартийных общественных деятелей (2 чел.).

Чрезвычайно показательна последняя цифра. Крайний неуспех, выпавший на долю популярных местных общественных деятелей (выборщики в Г. Думу, члены всяких еврейских комитетов и т.д.), хотя и объясняется отчасти недостаточной активностью группы во время предвыборной кампании, но все же красноречиво свидетельствует о коренном перемещении общественных симпатий и настроений.

Предвыборная кампания, против ожиданий, прошла не очень оживленно. Наибольшую деятельность развили социалисты и сионисты. Остальных и не было слышно.

В общем, выборы довольно верно отразили общественную жизнь города. Вся она сосредоточилась внутри партий, которые как будто и не встречаются друг с другом в своей ра-

боте. Большие еврейские проблемы и стоящие на очереди общеврейские практические вопросы (конференция, съезд, строительство общины) проходят мимо всей этой деятельности. У местного обывателя создается невольное представление, будто все это существует где-то очень далеко. Бог еще знает, когда будет (да и существует ли вообще? да и будет ли?) и, во всяком случае, к нему никакого отно-

шения не имеет. Это не может быть, именно, принято за общественное равнодушие. Напротив того: стоит только этим вопросам встать, как вокруг них произойдет страшное столкновение⁸ вкусов, симпатий, взглядов, интересов, направлений, раздирающих на непримиримые части общество. Но пока мы проходим мимо всего этого – большого и трудного.

Л.С.

¹ «Гомель. Выборы в Городскую Думу» – заметка опубликована в еженедельнике «Новый путь» от 15 июля 1917 в рубрике «В провинции» стб. 30–31. Текст подписан инициалами Л.С. Данная заметка Выготского, появившаяся в июле 1917, отражает особенности политических настроений населения, проживающего в «черте оседлости». Для ее понимания следует иметь в виду, что сразу после Февральской революции началась подготовка выборов в Учредительное собрание. Временное правительство России, принявшее на себя власть в стране после отречения Николая II, должно было действовать только до созыва Учредительного собрания. 14 июня 1917 года было объявлено, что датой выборов назначается 17 сентября 1917 года, а созыв самого Учредительного собрания назначен на 30 сентября. Однако впоследствии (9 августа 1917) постановлением правительства под председательством А.Ф. Керенского дата выборов была перенесена на более поздний срок – 12 ноября 1917.

В связи с объявлением даты выборов в Учредительное собрание (17 сентября) по всей России началась активная политическая работа по выборам местных представительных органов власти (городских, губернских, окружных и др.). Эта ситуация и отражена в заметке Выготского о выборах в Городскую Гомельскую Думу.

² «Бунд» – название Всеобщего рабочего еврейского союза в Литве, Польше и России. Еврейская социалистическая партия действовала в Восточной Европе с 90-х годов XIX века и считала себя единственным представителем интересов многочисленного еврейского рабочего класса в Белоруссии. Это лево-социалистическая марксистская партия, выступавшая за нацио-

нально-культурную автономию, светскую систему просвещения, развитие культуры на языке идиш. Бунд противопоставлял себя сионистским течениям, выступая против эмиграции евреев в Палестину. Идеология Бунда строилась на следующих четырех принципах: социализм, секуляризм, идишизм и дойкайт (приверженность месту жительства: «там, где мы живем – там наша страна»).

В 1890 году Бунд участвовал в I съезде РСДРП и вошел в партию на правах автономной организации по вопросам еврейского пролетариата. На всех этапах своей деятельности Бунд активно участвовал в жизни общественных еврейских организаций и обществ (культурно-просветительских, филантропических и др.). После Февральской революции его численность возросла до 30 тысяч человек. Под давлением представителей Бунда в Советах рабочих и солдатских депутатов разного уровня Временное правительство 20 марта 1917 года отменило все 140 законов и распоряжений, ограничивающих права евреев во всех сферах общественной жизни. В марте 1921-го года Бунд на территории России самоликвидировался, часть членов была принята в РКП(б).

³ «...местными организациями Рос. Соц. Дем. Раб. партии...» – Российская социал-демократическая рабочая партия создана в марте 1898 года с участием «Общевейского рабочего союза в России и Польше». На II съезде в Лондоне в 1903 году произошло ее разделение на меньшевиков и большевиков. При выборах центральных органов партии сторонники Ю.О. Мартова оказались в меньшинстве, а сторонники В.И. Ленина – в большинстве. Большевики держали курс на гегемонию пролетариата в приближавшейся ре-

волюции, стремились создать партию профессиональных революционеров. Меньшевики же опасались криминализации партии. Мартовцы стояли за более свободную ассоциацию, ориентировались на либеральную буржуазию. В отличие от большевиков, слово «меньшевик» всегда было неформальным – партия всегда именовала себя социал-демократической. Меньшевики не выступали за установление пролетарской диктатуры в предстоящей революции, их идейный и теоретический уровень, как правило, был выше большевистского. Меньшевики считали, что пролетариат должен действовать в коалиции с либеральной буржуазией против самодержавия в России. Весной 1917 года большевики взяли курс на пролетарскую революцию и выделились в отдельную фракцию РСДРП(б).

⁴ «...партия социалистов-революционеров...» – (ПСР) партия эсеров, возникшая на модернизированной идеологии народничества («Земля и воля», «Народная воля»), признающей индивидуальный террор. Это наиболее многочисленная и самая влиятельная не марксистская социалистическая партия. После Февральской революции 1917 года по своей численности она достигла миллионного рубежа, приобрела господствующее положение в местных органах политического самоуправления и в большинстве общественных организаций, победила на выборах в Учредительное собрание. Эсеры вошли в коалиционное Временное правительство (февраль 1917) блокировавшись с меньшевиками-оборонцами. Членами партии были А. Керенский, Б. Савенков, М. Спиридонова и др.

⁵ «...польского социалистического объединения» – (ПСО) сыграло большую роль в октябрьском перевороте

в Западной области. Во главе Объединения формально стоял Стефан Хельтман, который был членом польской партии социалистов, но потом из нее вышел. Фактическим же руководителем Объединения был Станислав Берсон (уроженец Варшавы, 1895; расстрелян польскими легионерами 21.04.1919), участник борьбы за установление Советской власти на белорусской земле. Один из руководителей Минской организации Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). С 1917 года член РКП (б).

⁶ «...объединенная партия «Серп» – социалистическая еврейская рабочая партия («сеймовцы» или «сеймисты»); партия левого направления. Первая попытка создания СЕРП – декабрь 1905 года; в 1906-м состоялся первый съезд, на котором произошло избрание ЦК и принятие программы партии. В революции 1905-1906 гг. СЕРП руководил стачками, участвовал в коалиционных комитетах различных социалистических партий. Занимался организацией отрядов еврейской самообороны и профсоюзным движением. Партия играла заметную роль в студенческом движении, издательской деятельности. СЕРП имел значительное влияние в Витебской и Могилевской губерниях. СЕРП придерживался трех основных принципов: социализм, революционная борьба против самодержавия, территориализм. В национальном во-

просе придерживался принципа федерализма, необходимости национально-культурной автономии. При этом уделял особое внимание общинной жизни евреев, организации здравоохранения, поддержке социально слабых слоев населения, распространению знаний, организации потребительских и производственных товариществ, разрешению проблем еврейской эмиграции, организации статистики по всем вопросам еврейской жизни. Считал необходимым созыв национального Учредительного собрания, создание экс-территориальных национальных сеймов, которые будут удовлетворять национально-культурные потребности той или иной нации. Единицей национального самоуправления выступает еврейская община (когал); отсюда одно из важных требований – демократизация общинной жизни, создание областных советов общин. В мае 1917 года СЕРПовцы объединились с сионистами-социалистами, которые в тексте заметки обозначены, как «с-т» (окончательное слияние и создание объединенной еврейской социалистической рабочей партии ОЕСРП произошло в августе 1917 года). ОЕСРП поддерживало Временное правительство.

⁷ «поалей-цион» – (рабочие сиона); еврейская социал-демократическая рабочая партия. Первая группа образовалась в 1901 году в Екатеринославе. Представители этой партии придерживались

особого понимания национальной автономии в диаспоре (галуте). Разработанная программа партии (1906 год) в частности предусматривала обобществление средств производства и переустройство общества на социалистических началах путем классовой борьбы еврейского пролетариата в рядах интернациональной социал-демократии. Выступали за территориальную еврейскую автономию в Палестине, активно участвовали в создании групп еврейской самообороны. После Февральской революции к лету 1917-го года численность партии резко увеличилась (до 16 тысяч). Партия блокировалась с меньшевиками-интернационалистами, активно требуя созыва Учредительного собрания.

⁸ «...стоит только этим вопросам встать ... произойдет страшное столкновение...» – Следует подчеркнуть, что заметка Выготского появилась буквально накануне расстрела июльской мирной демонстрации в Петрограде (3-5/16-18 июля 1917 г.), которая была первоначально вызвана протестом против продолжения «войны до победного конца», а затем переросла в вооруженный протест против Временного правительства. В этом отношении фраза, которой заканчивается заметка Выготского свидетельствует о его способности тонко чувствовать и различать общественно-политические настроения в стране.

«Новый путь» № 29, от 3 сентября 1917 г., – стб. 29–31.

Рубрика: «В провинции».

Провинциальные заметки⁹.

Классическое «народ безмолвствует»¹⁰, думаю мне, всего ближе определяет истинное положение дел в провинции. Не то, чтобы народ молчал: слова, слова и слова, речи, возражения, декларации...

Пожалуй, никогда и не было еще такого помета слов¹¹. Но в некотором ином смысле эти слова остаются глубоко справедливыми в приложении к провинциальному еврейству бывшей черты оседлости¹² и оправданными живой действительностью.

С первого взгляда может показаться, что еврейское население живо отзывается на все происходящее в России, действительно участву-

ет в строительстве новой государственности, «расширяет, углубляет и закрепляет завоевания революции»¹³ на местах, что революция вызвала к жизни новые силы в еврействе, причастила всегда безучастное и стоящее в стороне провинциальное еврейство к огромной стихии политики¹⁴. В самом деле, митинги, организационные собрания, совещания, областные, губернские и районные конференции – явление повсеместное. Не только в столицах, как некогда, «гремят витии, кипит словесная война». От былой «вековой тишины» осталось очень мало¹⁵.

Но стоит лишь сколько-нибудь внимательно взглянуть во все это, чтобы заметить,

что это одна только видимость, мертвая деятельность, топтание на месте. Вся политическая деятельность заключена в узких пределах партийности, исчерпывается «учебными занятиями» организаций, которые выстраивают и перестраивают свои ряды, декларируют что-то, совещаются, готовятся. Все это внутрипартийная работа. Партия с партией не соприкасается даже, не встречается даже в своей работе, никто и ничто не выводит их в их деятельности из круга внутриорганизационного устройства. А если и случается кому-нибудь выйти во-вне, то лишь в том случае, если того требуют общеполитические обстоятельства: в Советах Рабочих Депутатов, в городских думах. В сфере же еврейской общественности нет такого вопроса или дела, которое столкнуло бы их друг с другом.

Разумеется, это проистекает из того же самого: мертвая работа¹⁶, ничем не связанная с текущей еврейской действительностью. Все, что совершается в пределах этой последней, проходит мимо, не задевая и даже не затрагивая «нормального» верчения по партийному кругу.

Ни в одном почти городе черты вы не услышите, чтобы на совещаниях, докладах, митингах, конференциях говорили об еврейском съезде¹⁷. Разве вскользь и мимоходом. Общественное внимание даже не заинтересовано ни в какой степени съездом. Вопросы, которые встанут перед ним, нигде не дебатуются.

Или взять к примеру строительство или реорганизацию общины. Мало того, что в этом направлении ничего не делается. Есть факт, почти повсеместный и чрезвычайно красноречиво свидетельствующий о настроениях провинциального еврейства. Этот факт – полнейшее отвращение общественного внимания от всего того, что составляет жизнь еврейской общины. В городах с еврейским населением в несколько десятков тысяч общественные организации, во круг которых еще так недавно кипела страстная борьба, остаются совершенно забытыми. ОПЕ, ОЗЕ, ОРТ¹⁸, общества пособия бедным и пр., и пр. не могут созвать собрания из-за недостатка интересующихся делами этих обществ. Положение беженских комитетов во многих местах чрезвычайно тяжелое.

Многие общественные учреждения переживают тяжелый кризис: нет деятелей. А ведь из всего этого складывается общинная жизнь. В общем, община переживает несомненный и глубокий упадок.

А нарождающаяся провинциальная печать говорит о кипучей деятельности, о вопросах

грандиозной и подавляющей важности, вставших перед еврейством.

Провинция по-прежнему привыкла думать, что не ей заниматься политикой: в центрах виднее. Только в городских самоуправлениях партии «завоевывают позиции», энергично ведут выборную кампанию и подсчитывают силы. В общем, итоги выборов почти повсеместно таковы, что количество занимаемых евреями мест довольно точно соответствует численности местного еврейского населения. Только изредка это затемняется блоками, соглашениями, абсентеизмом¹⁹ и пр.

Значительная часть провинциального еврейства, едва-ли даже не самая значительная, именно та, что осталась вне партий, не только политически глубоко равнодушна, не причащена революции, осталась вне политики, но и внутри еврейства не «само-определилась», не выявила своего отношения к разным течениям. А ведь за ней – решающее слово.

В ее молчании²⁰ зреет, надо думать, великий раскол, но пока она равнодушна в бездействии и безмолвии. Состояние растерянности и тяжелого недоумения не покидает ее.

Недоумение это едва-ли покрывается вполне вопросами: как быть и с кем идти? Причины, несомненно, глубже и сложнее. Они лежат в том общем кризисе, сдвиге, который особенно остро и болезненно переживает именно провинциальное еврейство.

Неудачная проба политикой и отрицательная реакция на революцию только частные проявления общего кризиса. Значительная часть еврейства осталась аполитичной и действительно вне революции.

И если партии хотят на нее рассчитывать, они должны не политически воспитать массы, а заново создать из нее «политические еврейские массы». До сих пор не произнесено еще такое слово, которое обратило бы ее к политике.

Единственное, на что живо отзывается провинциальное еврейство, это то, что осталось от старого, и на что отзываться все привыкли. Погромные попытки²¹, правда, не очень серьезного характера, но все же далеко не единичные и не ничтожные, все растущее антиеврейское настроение в населении, – все это привлекает к себе тревожные взоры всех. Пессимистические настроения в этом вопросе далеко не редки. Все обще-государственные затруднения (продовольственный вопрос, спекуляция, большевизм, вопрос о власти и пр.) здесь неизбежно преломляются через призму обостренного национального вопроса.

Этими тремя чертами – напряженной партийной «политикой», полнейшим упадком общинных дел в связи с безразличием к большому обще-еврейским вопросам и, наконец, тревожным всматриванием в «погромные горизонты» – определяются, пожалуй, важнейшие моменты в жизни и настроениях провинциального еврейства бывшей «черты».

⁹ «Провинциальные заметки» – данный текст опубликован в еженедельнике «Новый путь» № 29 от 3 сентября 1917 года, в рубрике «В провинции», стб. 29-31. Заметка подписана инициалами Л.С.

¹⁰ «...народ безмолствует» – отсылка к заключительным словам последней сцены трагедии «Борис Годунов» (1825) А. С. Пушкина.

Боярин Масальский, один из убийц вдовы Бориса Годунова и ее сына объявляет:

– Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы (Народ в ужасе молчит).

– Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! (Народ безмолвствует).

Эта заключительная ремарка является ярчайшим примером смыслового обобщения, примером «вбирания смысла словом». Здесь различные сюжетные линии трагедии, связанные со взаимоотношениями, с борьбой за власть, верностью и предательством – переводятся на совершенно иной уровень, когда политическая интрига между различными группами переходит на уровень отношений «власти и народа». Заметим, что именно этот аспект замыкания разных линий и уровней развития действия был принципиально важен для Выготского при анализе произведений искусства. Так, например, сопоставление «семейной драмы» Гамлета (отношения с матерью, дядей, Офелией) – с одной стороны, и собственно политический конфликт (Гамлет – Фортинбрас) – с другой, Выготский делает центральным моментов в работе над «Гамлетом».

Саму же фразу «народ безмолвствует» принято рассматривать как отчуждение народа от власти. Причем интерпретации здесь могут быть раз-

Я знаю, конечно, что освещение, которое придают всему этому настоящие строки, насколько противоречит общепринятому типу провинциальных описаний. Может быть, здесь взята и слишком пессимистическая нота. Но, как говорит Талмуд, всякий видит то, что ему мерещится²².

Л.С.

личны, о чем свидетельствуют и многочисленные режиссерские решения по сценическому воплощению этой трагедии. Например, это может интерпретироваться иносказательно как безропотное послушание народа власти, отсутствие желания, воли, смелости защищать свои интересы. Возможно и противоположное понимание: когда народное чувство ориентировано на иную нравственную систему ценностей и в этом отношении молчание – является нравственной позицией неприятия лживой власти. Таким образом, уже в самом начале заметки Выготский, своей отсылкой к Пушкину, задает читателю «особый нравственный камертон», который необходимо удерживать для ее понимания.

Современному читателю стоит обратить внимание также и на саму дату публикации заметки – начало сентября 1917 года. Напомним, что после отречения Николая II и перехода власти к Временному правительству предполагалось проведение Учредительного собрания, на котором и должна была быть сформирована легитимная власть в стране. Причем первоначально выборы в Учредительное собрание были назначены как раз на сентябрь (17 сентября 1917 г.). Однако политическая обстановка в Петрограде была крайне напряженной: практически сразу после отречения Николая II (уже 2 марта 1917 г.) по сути установилось двоевластие между Временным правительством и Петроградским советом, которое просуществовало до начала июля. После неудачного наступления на фронте (3–4 июля 1917 г.) большевиками была организована политическая демонстрация и предпринята попытка свержения Временного правительства. Демонстрация была расстреляна, на большевиков обрушились репрес-

сии, и, таким образом, Временному правительству удалось подчинить себе Советы. К сентябрю социально-политическая ситуация вновь крайне обострилась: неудачи на фронте, раскол РСДРП, ориентация фракции большевиков на пролетарскую революцию путем вооруженного восстания и т.д.

¹¹ «...слова, слова и слова... не было еще такого потопа слов» – комментируя это место, на наш взгляд, следует обратить внимание на три момента.

Во-первых, здесь очевидна отсылка к трагедии «Гамлет». Ответ Гамлета на вопрос Полония («Что вы читаете, принц? – ...слова, слова, слова...»). Эта фраза стала крылатым выражением, обозначающим пустоту и бессодержательность.

Во-вторых, заметим, что фраза «слова, слова и слова» – это не точное цитирование Шекспира. С нашей точки зрения здесь возможна и неявная отсылка Выготского к рассказу А.П. Чехова, который именно так и назывался: «Слова, слова и слова». Напомним, это рассказ о проститутке и телеграфисте. Парафраз из Гамлета у Чехова явно не случаен, поскольку оба героя его рассказа, играя в искренность, врут друг другу, будто в дурном спектакле: демонстрируют не живое поведение, а расхожие штампы, литературщину. Поэтому рассказ и заканчивается словами: «Пошлая музыка!». Если иметь ввиду отмеченный контекст, то тогда использование Выготским этого речевого оборота («слова, слова и слова») имеет еще и явно выраженную оценочную характеристику – фальши и пошлости той политической риторики, которая, по его мнению, характерна для данного периода.

В-третьих, забегая вперед, эту фразу стоит соотнести с финальной фразой заметки: «как говорит Талмуд, всякий видит то, что ему мерещится». Если

в этой связи обратиться к Талмуду то фраза «слова, слова, слова», комментируемая в Вавилонском Талмуде может быть соотнесена с проблемой речевого воздействия: «Не ходи сплетником среди народа твоего; не стой на крови ближнего» (Талмуд, Ваикра (Левит) 19:16). Высказывания подобно «словесным ударам» могут иметь разрушительный характер и приносить невозместимый ущерб. Таким образом, здесь можно отметить еще один смысловой аспект: агрессивность – небезобидность «потопа слов». Заметим, не потока, а именно «потопа» слов, что неявно отсылает читателя к библейскому контексту.

¹²«...бывшей черты оседлости» – граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям. Здесь важно обратить внимание на использование Выготским слова «бывшей». Дело в том, что 2 марта 1917 г. Временное правительство в своей первой Декларации объявило о необходимости отмены всех словесных, вероисповедальных и национальных ограничений. В ночь на 21 марта 1917 г. такой декрет и был подписан; в тот же день он вступил в силу; евреи стали полноправными гражданами России. Именно этот аспект сложившейся новой социально-экономической и социокультурной ситуации и подчеркивает Выготский, характеризуя черту оседлости, как бывшую. С нашей точки зрения на актуальность переживания Выготским новой гражданской идентичности, выразившейся в данной фразе, следует обратить специальное внимание.

¹³«...расширяет, углубляет и закрепляет завоевания революции» – ключевые слова революционной риторики, речевое клише многократно встречающееся в социально-политическом дискурсе революционного периода.

¹⁴«...причастила всегда безучастное и стоящее в стороне провинциальное еврейство к огромной стихии политики» – данная фраза, на наш взгляд, в смысловом отношении представляет особый интерес. Дело в том, что иудаизм (также как и ислам) не знает Таинства причастия. Причастие появляется только в христианстве, и заключает-

ся в освящении хлеба и вина как Тела и Крови Иисуса Христа. Причастие – (вкушение хлеба и вина) позволяет верующему соединиться с Богом; оно необходимо человеку для спасения души.

В этой связи оборот «причастие еврейства» в обычном понимании является оксюмороном (стилистический прием, сочетание несочетаемого). Поэтому «причастие еврейства» может рассматриваться как приобщение к чуждому, чуждому. Вместе с тем, в данном контексте, подобная фраза может иметь и другой смысл: приобщение к другой вере, к той новой духовности, которой и должна служить революция. Стоит добавить, что стилистика данного фрагмента характеризует, с нашей точки зрения, и ценностные ориентации самого Выготского. С одной стороны, это явное ощущение себя на границе двух культур (иудаизма и христианства): он пишет о евреях и при этом задействует глубинные культурно-смысловые контексты христианства (причастие). С другой стороны – «причастие революцией» – позволяет выявить определенные смысловые оттенки позитивного отношения Выготского к событиям Февральской революции.

¹⁵«...как некогда «гремят витии, кипит словесная война»... от былой вековой тишины осталось мало...» – заковыченные фразы взяты Выготским из стихотворения Н.А. Некрасова 1860 г.:

*В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России –
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...*

В этом стихотворении выразился скептицизм Некрасова по поводу намечающихся «великих реформ» и «смелости» статей, публиковавшихся в столичной печати. Стихотворение не было пропущено цензурой. Известен его первый вариант (1857 год – письмо И.С. Тургеневу). Сравнение разных фрагментов текста показывает, что определение «вековая тишина» появляется лишь в позднем варианте. Первоначально же были такие

строки: «а там, во глубине России,/ Что там?... Бог знает... Не поймешь!... Стоит такая тишина». Затем появился еще вариант: «Что там? некая тишина...». И наконец, – «вековая тишина». Заметим, что подобные замены, фиксируют своеобразное «нащупывание смысла», определяющего для Некрасова фундаментальную характеристику состояния России. Это состояние, конечно, чувствует и Выготский, сохраняя ключевое противопоставление «вековой тишины» и «политического витийствования» в связи с ожиданием реформ. Подчеркнем, что Некрасовское иронически-пренебрежительное отношение к самой возможности политических перемен оказывается важным для Выготского при оценке ситуации осени 1917 года. Добавим, что употребление старомодного слова «вития» (красноречивый человек, речистый, краснорбай...) восходит к А.С. Пушкину, к его знаменитому стихотворению «Клеветникам России» («О чем шумите вы, народные витии?»). Напомним, что в данном стихотворении Пушкин специально акцентирует внимание на внутренних национальных отношениях в России: «спор славян между собой» – фраза, ставшая крылатой.

¹⁶«...мертвая работа» (см. также выше «мертвая деятельность») – на наш взгляд, данная характеристика человеческой работы (деятельности) как мертвой в психологическом плане является крайне важной. По сути дела, метафора Выготского заостряет противопоставление живого и мертвого дела. Последнее характеризует социальное функционирование, лишённое внутренних связей с глубинными основаниями жизни личности в пространстве культуры. Подчеркнем, что для понимания последующих, собственно психологических исследований Выготского, оппозиция «живое-мертвое» оказывается концептуально важной. Это особое видение феноменологии психологических явлений как живых проявлений характерно для Выготского. Например, напомним сопоставление живого слова и мертвого слова, которое задано в качестве своеобразной поэтической рамки к сь-

мой главе книги Выготского «Мышление и речь». Так, эпиграфом к главе взята фраза О. Мандельштама: «Я слово позабыл, что я хотел сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернется», заканчивается же эта глава и вся книга фразой из стихотворения Н. Гумилева: «и как пчелы в улье опустелом дурно пахнут мертвые слова».

Среди последователей Выготского особый акцент на необходимость учета живой психологической реальности делал В.П. Зинченко, обсуждая например «живое движение» в своей монографии «Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили». В этой связи можно вспомнить и приводимый А.Н. Леонтьевым в своих лекциях пример с заключенными, которых заставляли выполнять «мертвую работу»: носить ведра с водой из одной проруби в другую. При этом Леонтьев подчеркивал важность о-живления деятельности, придания ей смысла, что и актуализировало возможность личностного самостояния у заключенных.

¹⁷«...говорили об еврейском съезде» – для понимания самой темы о необходимости созыва еврейского съезда важно иметь в виду, что данный вопрос возник в связи с принятием постановления Временного правительства, которое было подготовлено Министром юстиции (на тот момент эту должность занимал А. Керенский) при участии членов Политического и информационного бюро при евреях-депутатах Четвертой Государственной Думы. Этим законодательным актом (опубликован 22 марта 1917 г.) отменялись все «ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности». В России подобные ограничения регулировали около 140 нормативных документов. Таким образом, принципиально менялась вся нормативная база, регулирующая политическую, социально-общественную и экономическую жизнь евреев и других национальностей, проживающих в России. Именно в этой связи возникла необходимость созыва Всероссийского еврейского съезда, который должен был разрабо-

тать требования для предъявления их правительству еще до созыва Учредительного собрания, первоначально намеченного на сентябрь 1917 года. Подчеркнем, что идея о необходимости созыва еврейского съезда выдвигалась представителями различных еврейских партий. Приведем в качестве иллюстрации фрагмент резолюции «Об осуществлении национально-культурной автономии» X Конференции Бундта, которая состоялась в апреле 1917 года:

«Особым законом Учредительного собрания должны быть установлены публично-правовые учреждения, местные, областные и общегосударственные, избранные на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, для организации и руководства всей культурной жизнью еврейской нации в России...».

Необходимо подчеркнуть, что именно на принципиальную важность созыва Всероссийского еврейского съезда и обращает здесь внимание Выготский, понимая, как юрист, что снятие ограничений требует подготовки новой нормативно-правовой базы, регулирующей жизнь евреев, и, в первую очередь, жизнь еврейской общины как основной социальной структуры. С определенными оговорками, можно предполагать, что само понимание важности социальных отношений (в данном случае их нормативно-правового регулирования) выступает как один из ключевых принципов, на которых впоследствии и будет строиться культурно-историческая психология: вне культурной среды оказывается невозможным и становление национальной идентичности. Заметим, что подобное понимание, формулируемое молодым Выготским на идеологическом уровне, существенно расширяет традиционные представления о культурном развитии как о знаковом опосредовании. Как следует из текста заметки Выготского, именно в организации общинной жизни он и видел ту структурную социальную единицу, которая обеспечивает формирование и становление национально-культурной самоидентификации.

Возвращаясь к теме о необходимости созыва общеврейского съезда, важно иметь в виду, что существовала и иная точка зрения. Так, например, крупнейший историк, изучавший особенности жизни евреев в России, С.М. Дубнов по поводу созыва еврейского съезда писал: «Можно ли закладывать фундамент во время пожара?».

¹⁸«ОПЕ, ОЗЕ, ОРТ, общество пособия бедным и проч...» – благотворительные еврейские общества социальной направленности. Следует отметить, что благотворительность является основой существования еврейской общины, позволяя ощутить связанность людей друг с другом, обязывая их помогать своему ближнему.

ОПЕ – Общество по распространению просвещения между евреями в России, одна из старейших еврейских общественных организаций. Ее устав был утвержден правительством в октябре 1863 года. Общество поддерживалось купеческой элитой и другими предпринимателями. В его деятельности участвовали представители еврейской культуры, боровшиеся против религиозного консерватизма еврейских масс. Общество поддерживало научные исследования и художественное творчество. Особое внимание уделялось поддержке студенчества.

Следует отметить, что в Гомеле в этот период руководил ОПЕ отец Выготского – Симха (Семен) Львович Выгодский, что в частности подтверждается и текстом поздравления еврейского поэта Х.Н. Бялика, которое было опубликовано в журнале «Новый путь» (за 1916 г., № 13-14 от 24 апреля 1916 г. с.44-46) и подписано: «Комитет Гомельского Отделения ОПЕ, Председатель С. Выгодский». Опубликованный текст этого поздравления, как память хранится в архиве семьи Выготского.

ОЗЕ – Общество здравоохранения евреев возникло по инициативе группы еврейских общественных деятелей в августе 1912 года в Петербурге. Целью общества являлось изучение санитарно-гигиенических условий жизни евреев, распространение среди них актуальной информации, связанной с медициной и гигиеной. Одной

из главных целей общества являлось создание среди евреев единой общественной службы здравоохранения. Общество вело активную работу по охране материнства и младенчества; расширяло сеть ясель, детских садов, летних лагерей; организовывало амбулатории и диспансеры, передвижные поликлиники, поддерживало бесплатное обеспечение нуждающихся лекарствами, занималось обследованием физического и психического состояния еврейских масс. К августу 1917 года действовало 45 филиалов ОЗЕ в 35 губерниях.

ОРТ – Общество ремесленного и земледельческого труда, организация которая ставила своей целью распространение среди евреев и поощрение квалифицированного профессионального и сельскохозяйственного труда. Основная идея создания этого общества принадлежала видному ученому и писателю, профессору физиологии в Санкт-Петербургском университете Н. Баксту, который был убежден, что лишь образование и обучение полезным профессиям обеспечат будущее российского еврейства; нищие и угнетенные евреи «черты оседлости» просто не выживут, если не научатся своим трудом обеспечивать себя и свои семьи. Бакст не только продумал план создания организации, но и убедил в значимости своего замысла крупного железнодорожного магната Самуила Полякова (1836–1888). Благодаря усилиям барона Г. Гинцбурга удалось добиться благосклонности властей, и 22 марта 1880 года было получено разрешение на образование Временного комитета ОРТа. В его состав вошли наиболее видные еврейские предприниматели,

петербургский раввин и представители столичной еврейской интеллигенции. Был создан специальный фонд по поддержке деятельности ОРТа. Фонд содействовал экономическому оздоровлению русского еврейства (помощь в переселении ремесленников за черту оседлости, ссуды на покупку оборудования, помощь сельскохозяйственным поселениям, создание более сотни профессиональных школ). Во время первой мировой войны фонд оказывал помощь беженцам, переселенцам, помогал в поиске работы, в организации курсов обучения для взрослых. В настоящее время ОРТ является влиятельной Всемирной еврейской просветительской и благотворительной организацией.

¹⁹«абсентеизм» — склонение избирателей от участия в голосовании на выборах (от латинского *absens*, *absentis* — отсутствующий, англ. *absenteeism*), в более широком понимании, политическое поведение, характеризующееся бездействием; склонение от какого-либо политического участия (электорального поведения, партийной деятельности, участия в митингах и демонстрациях и т.д.).

²⁰«В ее молчании...» – в организации текста на наш взгляд появление этой фразы важно, поскольку композиционно возвращает читателя к самому началу статьи: «народ безмолвствует». Заметим, что для стилистики работ Выготского этот момент своеобразного повтора, «замыкания» начала и конца текста весьма характерен и подчеркивает целостность смыслового содержания. В данном случае безмолвие – политическое самоустранение, абсентеизм, выступают как самоустранение чисто внешне. Внутри же еврейства, и

это чувствует Выготский, зреет явный раскол.

²¹«Погромные попытки...» – в связи с резким ухудшением экономического положения и неудачами на фронте стало распространяться мнение, что в основном именно евреи выиграли от свержения самодержавия. Так, в апреле 1917 года комиссар Временного правительства докладывал из Одессы, что антиеврейские настроения очень сильны и «эксцессы вполне возможны». В Петрограде и других городах стали появляться прокламации, призывающие к погрому, а также периодические антисемитские издания. Еврейские погромы прошли в 60 населенных пунктах: Киевской, Подольской и Волынской губерниях. По решению сельских сходов евреев начали изгонять из деревень. Вспышки антисемитизма летом 1917 года проходили на фоне всеобщего хаоса, а порой и полного безвластия: вновь созданная милиция была плохо организована, судебные органы бездействовали, в губерниях начались самосуды.

²²«как говорит Талмуд, всякий видит то, что ему мерещится» – здесь Выготский использует характерный для него художественный прием возвращения к теме и ключевым словам, заданным в начале статьи. Как мы уже отмечали выше во фразе «слова, слова и слова» также содержится не явная отсылка к Вавилонскому Талмуду (подробнее см. коммент. 11). Заметим, что фиксация «пессимистической ноты» и параллельная отсылка к Талмуду позволяет нам сделать вывод о том, что Выготский пытается расширить горизонт видения конкретных проблем в контексте исторической судьбы еврейского народа. И это особый культурно-исторический масштаб рассмотрения проблем.

«Новый путь» № 29, от 3 сентября 1917 г., – стб. 31–32.

Рубрика: «В провинции».

Гомель.

Конференция с. – д23.

Закончившаяся недавно губернская конференция социал-демократической партии, происходившая в Могилеве – губ., была посвящена вопросам, связанным с выборной кампанией в Учредительное Собрание. Правда, подготовка к выборам началась далеко не всюду, но социал-де-

мократы опередили все остальные партии в смысле наиболее энергичной деятельности.

Первым был разрешен вопрос о списке кандидатов. Решено было идти отдельно, а не блокируясь с прочими социалистическими партиями, как это было при выборах в местные городские

думы. Разумеется, партийные организации соц.-дем. и Бунда идут вместе. Вопрос стоял лишь о распределении мест в списке между соц.-дем. и бундовцами и о кандидатах.

Первое место в списке предоставлено представителю Бунда – доктору Липецу²⁴ (Максу); второе председателю местного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов прапорщику Севруку²⁵.

Доктор Липец – старый работник Бунда, известный гомельчанам еще по своей работе за несколько лет до нынешней революции; по общим отзывам хороший оратор и, вообще, одна из видных сил партии.

Любопытны некоторые мотивы, выдвинутые на конференции и побудившие отдать первое место в списке бундовцу.

Во-первых, партийные организации Бунда в Могилевской губернии, в общем, сильнее и многочисленнее организаций соц.-дем.; во-вторых, только в губерниях бывшей черты оседлости могут рассчитывать бундовцы провести в Учреди-

тельное собрание своего представителя, пойдут же они вместе с соц.-дем. повсеместно; наконец, национальный антагонизм на местах столь силен, что это явится не только выразительной демонстрацией и вызовом, но и не лишним фактом.

Таким образом, позиция Бунда определилась. «Не затемняя классовую борьбу национальными тенденциями» и т.д.; менее ясна та позиция, которую займут прочие еврейские партии, и уж совсем загадочно будущее поведение всей огромной массы еврейства, которая останется вне партий.

Общее впечатление такое, что везде господствует нерешительность, и что вопрос об Учредительном Собрании вырешится не на местах, а в центре. Внепартийная же масса ничем себя не обнаруживает, и разве предстоящий съезд уяснит ей самой ее позицию.

W

²³Гомель. Конференция с.-д. – опубликована в еженедельнике «Новый путь» от 3 сентября 1917, в рубрике «В провинции», – стб. 31–32. Подписана псевдонимом W. Поскольку эта небольшая заметка посвящена политическим событиям в Гомеле, и размещена сразу после публикации статьи Л.С. Выготского «Провинциальные заметки», то у нас есть достаточно оснований для предположения, что ее авторство также принадлежит Выготскому. Однако нам не известны факты подписания каких-либо других его публикаций подобным образом. В этой связи можно предположить, что псевдоним «W» (дабл-V, т.е. «двойное V») возможно означает, что она написана двумя авторами – двумя Выгодскими: один из них – Лев Семенович, а второй, скорее всего, его отец Семен Львович, который в этот период вел большую общественную работу в Гомеле (смотри наши коммент. 18). Другие родственники: сестры Зинаида, Эстер (Эся) и Клавдия, а также двоюродный брат Давид, в качестве соавторов менее вероятны.

²⁴«...доктору Липецу (Максу)» – он же Давид Липец, Макс Гольдфарб, Давид Пе-

тровский, Товарищ Беннет (родился в 1886 году; расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 10.09.1937).

Человек невероятной судьбы. В 1902 – вступает в Бунд. В период революции 1905 года ведет работу среди рабочих Двинска, Белостока, Гомеля. В 1907 участвует в V съезде РСДРП как делегат от Бунда. Параллельно с участием в революционной деятельности получает степень доктора экономических наук Брюссельского университета (1910), является членом ЦК еврейской социалистической федерации Америки, а затем редактором ежедневной еврейской газеты «Forwards».

В конце 1919 года порывает с Бундом и вступает в РКП(б) и берет фамилию Петровский; занимает должность начальника Главного управления высших учебных заведений Рабочее-крестьянской Красной армии. С весны 1924 года направлен на работу в Коммунистический Интернационал. Около трех лет как уполномоченный исполкома Коминтерна действовал нелегально в США и Великобритании под псевдонимом

«Товарищ Беннет»; становится одним из руководителей Коммунистического движения в США. В 30-е годы после работы в Коминтерне занимает крупные должности в Наркомате тяжелой промышленности – начальник Главного управления учебных заведений.

²⁵«...прапорщику Севруку» – Поликарп Николаевич Севрук (точные даты жизни установить не удалось) до 1916 года служил помощником присяжного поверенного Екатеринбургского окружного суда Верхотурского уезда. В 1908 году им была опубликована брошюра: «Теория ренты Карла Маркса: Популярное изложение». 6 марта 1917 года был избран первый Гомельский Совет, который П.Н. Севрук и возглавил. Он являлся членом РСДРП, придерживался умеренных взглядов. В 1917 г. перешел на позиции революционного оборончества, что означало соединение идеи народной революции с желанием довести войну до победного конца. Позже присоединился к меньшевикам, был участником съезда меньшевистской партии в декабре 1917 г.

Литература:

- Библия. Книги Священного писания, Ветхого и Нового Завета (канонические). – Москва : Рос. библ. общ., 2012. – 1248 с.
Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. – Москва : Смысл, 1996.
Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.
Выготский Л.С. Психология искусства / под ред. М.Г. Ярошевского. – Москва : Педагогика, 1987. – 344 с.

- Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – Москва : Новая школа, 1997. – 334 с.
- Леонтьев Д.А., Собкин В.С. Психология искусства и психологическая методология в ранних работах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1994. – № 4. – С. 35–44.
- Собкин В.С. Вступительная статья. Л.С. Выготский: абрис социокультурного контекста // Выготский Л.С. Полное собрание сочинений. В 16 тт. Т. 1. Драматургия и театр. – Москва : Левь, 2015. – С. 10–75.
- Собкин В.С. К исследованию поэтики текстов Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. – Москва, 1981. – С. 143–145.
- Собкин В.С. Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского // Выготский Л.С. Театральные рецензии. – Москва : Институт социологии образования РАО, 2015. – 568 с.
- Собкин В.С. Комментарий к неизвестному репортажу Л.С. Выготского: впечатления о Февральской революции // Вопросы психологии. – 2016. – № 5. – С. 88–101.
- Собкин В.С., Климова Т.А. Неизвестный Выготский: об опыте перевода с древнееврейского // Вопросы психологии. – 2016. – № 4. – С. 1–20.
- Собкин В.С., Леонтьев Д.А. Психология искусства и психологическая методология в ранних работах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1994. – № 4. – С. 35–44.
- Собкин В.С., Мазанова В.С. Комментарии к статье Л.С. Выготского «Театр и революция» // Культурно-историческая психология. – 2015. – № 1. – С. 91–113.
- Собкин В.С., Мазанова В.С. Комментарии к театральной рецензии Л.С. Выготского «Гастроли Соловцовской труппы» // Диалог. – 2014. – № 9. – С. 39–48. DOI: 10.11621/npj.2014.0104
- Собкин В.С., Мазанова В.С. Комментарии к «Театральным заметкам» Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. – 2014. – № 3. – С. 82–96.
- Собкин В.С., Мазанова В.С. О чем рассказал гомельский «Вереск» Льва Выготского: опыт реконструкции социокультурного контекста // Вопросы психологии. – 2014. – № 6. – С. 89–106.
- Собкин В.С., Мазанова В.С. Опыт комментариев к одной театральной рецензии Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 37–48.
- Чехов А.П. Слова, слова и слова // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 тт. Т. 2. – Москва : Наука, 1975.
- Sobkin V.S., Lykova T.A., Kolomiets Y.O. (2016) Dynamics of drama students' personality features at theatre college. *Procedia – social and behavioral sciences*, 233, 42–45. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.10.125
- Sobkin V.S. (2016) L.S. Vygotsky and the Theater. *Journal of Russian & East European Psychology*, 53(3), 1–92. doi: 10.1080/10610405.2016.1230996

References:

- (2012) The Bible. Books of the Holy Scriptures, Old and New Testament (canonical). Moscow, Rossiyskoe bibliograficheskoe obschestvo, 1248.
- Chekhov, A.P. (1975) Words, words and words Chehov A.P. [Polnoe sobranie sochineniy i pisem]. In 30 Vols. Vol. 2. Moscow, Nauka.
- Leontiev, D.A., & Sobkin, V.S. (1994) Psychology of art and psychological methodology in the early works of L.S. Vygotsky. [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Series 14. Psychology. 4, 35–44.
- Sobkin, V.S. (2015) Introductory article. L.S. Vygotsky: the outline of the socio-cultural context. [Vygotsky L.S. Polnoe sobranie sochineniy] in 16 Vols. Vol. 1. Drama and Theatre. Moscow, LEV, 10–75.
- Sobkin, V.S. (1981) On the study of the poetics of Vygotsky texts. [Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya]. Moscow. 143–145.
- Sobkin, V.S. (2015) Comments on the theater reviews of Lev Vygotsky. [L.S. Vygotsky. Theatrical reviews]. Moscow, Institut Sotsiologii Obrazovaniya RAO, 568.
- Sobkin, V.S. (2016) Comments on the unknown reportage of L.S. Vygotsky: impressions of the February Revolution. [Voprosy psikhologii]. 5, 88–101.
- Sobkin, V.S., & Klimova, T.A. (2016) Unknown Vygotsky: on the experience of translation from the Hebrew. [Voprosy psikhologii]. 4, 1–20.
- Sobkin, V.S., & Leontiev, D.A. (1994) Psychology of art and psychological methodology in the early works of L.S. Vygotsky. [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Series 14. Psychology. 4, 35–44.
- Sobkin, V.S., & Mazanova, V.S. (2015) Comments on «Theater and Revolution», the article by L.S. Vygotsky [Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya]. 1, 91–113.
- Sobkin, V.S., & Mazanova, V.S. (2014) Comments on theatrical reviews "Solovtsovskiy troupe tour" of L.S. Vygotsky. [Dialog]. 9, 39–48.
- Sobkin, V.S., & Mazanova, V.S. (2014) Comments on the «Theatrical Notes» of L.S. Vygotsky [Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya]. 3, 82–96.
- Sobkin, V.S., & Mazanova, V.S. (2014) What did Homel «Heather» of Lev Vygotsky say: the experience of reconstructing the sociocultural context. [Voprosy psikhologii]. 6, 89–106.
- Sobkin, V.S., & Mazanova, V.S. (2014) Previous comments on the theatrical review of L.S. Vygotsky. [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]. 1, 37–48. DOI: 10.11621/npj.2014.0104
- Sobkin V.S., Lykova T.A., Kolomiets Y.O. (2016) Dynamics of drama students' personality features at theatre college. *Procedia – social and behavioral sciences*, 233, 42–45. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.10.125
- Sobkin V.S. (2016) L.S. Vygotsky and the Theater. *Journal of Russian & East European Psychology*, 53(3), 1–92. doi: 10.1080/10610405.2016.1230996
- Vygotskaya, G.L., & Lifanova, T.M. (1996) Lev Vygotsky. A life. Activities. Strokes to the portrait. Moscow, Smysl.
- Vygotsky, L.S. (1999) Thinking and speech. Edition 5. Moscow, Labirint, 352.
- Vygotsky, L.S. (1987) Psychology of Art. Moscow, Pedagogika, 344.
- Zinchenko, V.P. (1997) Mandelstam's shepherd's crook and Mamardashvili's smoking pipe. By the beginning of organic psychology. Moscow, Novaya Shkola, 334.

Юбилей первых психологических факультетов России

В 2016 году исполняется 50 лет со дня основания первых двух факультетов психологии в России. Они были созданы в соответствии с приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 6 декабря 1965 «Об организации факультетов психологии в Московском и Ленинградском государственных университетах».

Создателем и многолетним деканом факультета психологии МГУ был А.Н. Леонтьев, инициатором создания факультета психологии ЛГУ был Б.Г. Ананьев, а первым деканом. Создателем и многолетним деканом факультета психологии МГУ был А.Н. Леонтьев, инициатором создания факультета психологии ЛГУ был Б.Г. Ананьев, а первым деканом – Б.Ф. Ломов.

Факультет психологии Московского государственного университета был создан на базе отделения психологии философского факультета в соответствии с указанным приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР и приказом ректора МГУ от 9 апреля 1966 года. В 1943 г. на базе кафедры по подготовке психологов на философском факультете было открыто отделение психологии, которое возглавил крупнейший советский психолог С.Л. Рубинштейн. В разные годы на ней работали В.А. Артемов, К.М. Гуревич, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, Н.Д. Небылицын, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, Д.Б. Эльконин, П.М. Якобсон.

В 1940-60-е годы в Московском университете преподавали профессора: В.А. Артемов, С.Г. Геллерштейн, Ф.Д. Горбов, К.М. Гуревич, Н.И. Жинкин, С.В. Кравков, А.Н. Леонтьев, Н.Н. Ладыгина-Котс, А.Р. Лурия, М.К. Мамардашвили, О.И. Никифорова, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, Б.М. Теплов,

Факультет психологии МГУ

Факультет психологии СПбГУ

Среди выпускников отделения были будущие ученые и организаторы психологической науки: А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, О.К. Тихомиров, Л.И. Анцыферова, Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Давыдов,

О.А. Конопкин, В.П. Зинченко, В.И. Луковский, А.М. Матюшкин, Н.Н. Поддьяков, Я.А. Пономарев, Е.Д. Хомская, Л.С. Цветкова и другие. В 1966 г. первым деканом факультета психологии стал А.Н. Леонтьев.

«Психология становится по-настоящему действенной наукой о человеке»

Интервью с А.Г. Асмоловым,

доктором психологических наук, профессором, академиком Российской академии образования, заведующим кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, директором Федерального института развития образования, посвященное 50-летию создания факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
Поступила 22 сентября 2016/ Принята к публикации: 26 сентября 2016

«Psychology is becoming a truly efficient science of studying a person»

Interview with A.G. Asmolov,

Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Head of the Chair of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Director of the Federal Institute of Education Development, dedicated to the 50th anniversary of the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University
Received September 22, 2016 / Accepted for publication: September 26, 2016

Автор отмечает возрастающую роль психологии в жизни современного общества, вхождение ее в общественную жизнь в самых разных ипостасях. Психология становится по-настоящему «действенной» наукой о человеке. Рассматриваются наиболее существенные достижения современной психологии, такие как формирование практической психологии образования, создание системно-деятельностного подхода к познанию, вхождение психологии в мир когнитивной науки, возникновение психологии чрезвычайных ситуаций и др. Особенно подчеркивается, что сегодня психология стала реальностью и к различным ее направлениям относятся как к «архитектору» собственной ментальной и экономической жизни во всем мире, в том числе, и в нашей стране, психология превращается в конструктивную реконструирующую науку, что видно не только из программ построения стандартов современного образования, но и из программ развития толерантности в обществе как нормы по поддержке многообразия. Значительное внимание автор уделяет освещению деятельности факультета психологии МГУ имени Ломоносова, как центра психологической науки при всем ее возрастающем многообразии и развитии. Накануне юбилея – 50-летия факультета А.Г. Асмолов, вся жизнь которого была неразрывно связана с этим учебным и научным центром, анализирует его успехи и достижения, его вклад в развитие мировой психологической науки. Он перечисляет имена наиболее выдающихся выпускников факультета, достигших впечатляющих результатов в различных отраслях психологии, работающих ныне в разных уголках страны и мира. Подчеркивается, что факультет начинает быть «законодателем моды» новых трендов психологической науки. Развиваются такие интересные направления психологии, как психология неопределенности, психология сложности, психология разнообразия и пр. Идеи, развитые на факультете психологии, становятся мировыми идеями.

Ключевые слова: история психологии, высшая школа, психология, отрасли психологии, психологическая практика.

The author emphasizes the increasing role of psychology in the life of modern society, entering into the social life in a variety of forms. Psychology is a truly «effective» science of studying a person. The most significant achievements of modern psychology are considered: the development of practical educational psychology, the creation of system activity approach to cognition, the occurrence of psychology in the world of cognitive science, psychology of emergencies, etc. Psychology has become a reality and its various areas are treated as «the architect» of mental and economic life throughout the world, including Russia, psychology turns into a efficient reconstructing science that can be observed not only in the construction program standards of modern education, but also in the programs of tolerance development in the society as a support of diversity standards.

Considerable attention is paid to the activities of the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, as a center of psychological science with all its increasing diversity and development. On the eve of the 50th anniversary of the Department of Psychology, A.G. Asmolov, whose life was closely connected with the educational and research center, examines successes and accomplishments of the Department, contribution to the world of psychology.

A.G. Asmolov lists the names of the most outstanding graduates of the Department who have achieved impressive results in various branches of psychology and are now in different parts of the Russian Federation and of the world working in the sphere of psychology. The Department is said to be a «trendsetter» in psychology. Such interesting areas as psychology of uncertainty, psychology of complexity, psychology of diversity, etc. are being developed. The ideas that emerge at the Department of psychology are becoming the ideas known in the whole world.

Keywords: history of psychology, school of psychology, areas of psychology, psychological practice.

Александр Григорьевич, десять лет назад, когда мы отмечали 40-летний юбилей факультета, психологическая наука и практика были иными. Изменилась ли, на Ваш взгляд, роль психологии в жизни общества?

Каждый раз, когда думаешь о миссии психологии, то косвенным признаком ее роли является вхождение ее в общественную жизнь в самых разных ипостасях. Сегодня в разных сложных ситуациях все привычно говорят: «приглашаем психологов», «помогают психологи». Показательным является и появление на экранах большого количества фильмов, героями которых являются менталисты, например, «Метод Фрейда». Хотя я не очень рад этому. Сегодня наряду с психологией как наукой о душе, развивается движение когнитивных наук, ментальных наук, возникает психология как гибридная когнитивная наука, формируется ментальная наука как ведущая наука о человеке, которая, по словам А.Н. Леонтьева, может стать не только «деятельностной, но и действенной» наукой о человеке. Сегодня это происходит. Психология становится по-настоящему действенной наукой о человеке.

Всегда ли у нее это получается? Не приведут ли наши ожидания, говоря языком Эриха Фромма, к «революции обманутых надежд»? Если в 1983–1984 годах я писал, что практическая психология похожа на «улыбку чеширского кота»: улыбка есть, а кота нет, то сегодня психология стала реальностью и к различным ее направлениям относятся как к «архитектору» ментальной и экономической жизни во всем мире, в том числе, и в нашей стране.

Какие наиболее существенные достижения появились в психологии за последние годы?

Первое, что хотелось бы отметить: за последние 25 лет сформировалась практическая психология образования, поддерживающая индивидуальность личности учителя, ученика, ребенка, родителя. Психолог все больше берет на себя волшебную роль «мастера по разнообразию». Появление практической психологии образования как движущей силы развития образования – это то, что является достижением современной психологии. Второе – любые современные образовательные стандарты спроектированы с опорой на культурно-деятельностную методологию познания Льва Выготского, Алексея Леонтьева, Александра Лурия, Петра Гальперина, Василия Давыдова, Владимира Зинченко, Даниила Эльконина, Николая Поддьякова и других блистательных исследователей.

Не всеми рефлексруется то, что современная модель образования перешла от адаптивной традиционной «ЗУНоской» модели к универсальной модели вариативного развивающего смыслового образования. Здесь ключевую роль сыграла психология и, прежде всего, культурно-историческая, культурно-деятельностная психология, в том числе, системно-деятельностный подход к познанию, который создан на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Третье – психология сегодня, как никогда, входит в мир когнитивной науки. Не когнитивной науки, которая становится наукой о познании, ментальной наукой (они гибриды по отношению к психологии). Но любые исследования по сложным моделям искусственного интеллекта, по нейролингвистике, по нейробиологии так или иначе вырастают из психологической наук, в том числе – из психофизиологии.

Я хочу сказать, что еще до появления термина «нейронаука», который является современным дискурсом, или «нейрокогнитивная наука» появился замечательный конструкт – «нейропсихология», предложенный А.Р. Лурия как определение науки о развитии и распаде высших психических функций. И то, что имя А.Р. Лурия, наряду с именем У.Г. Пенфилда, не становится менее значимым, и то, что подходы нейропсихоло-

гии (в широком смысле слова) к пониманию сознания резко отличаются от упрощенных к нему подходов – это невероятно важный шаг вперед.

Появилось такое направление практической психологии как психология чрезвычайных ситуаций. Очень важно, что психологи стали мастерами как предотвращения конфликтов, так и помощи людям, социальным группам и нациям в ситуациях психологических травм. Иногда не только личность, но и целые социальные группы, даже целые этносы испытывают тяжелейшие травмы, в том числе, травмы депортации.

Наконец, достижением современной психологии я считаю то, что она превращается в конструктивную реконструирующую науку, что видно не только из программ построения стандартов современного образования, но и из программ развития толерантности в обществе как нормы по поддержке многообразия. Это способствует уменьшению рисков ксенофобии, национализма, в том числе нацизма, в нашей стране.

В этом году факультету психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, с которым связана вся Ваша жизнь, исполняется 50 лет. Какую роль сыграл факультет в развитии психологии в стране и мире?

Из своих 67 лет около пятидесяти я провел на факультете психологии МГУ. В 1969 году в моей трудовой книжке было отмечено, что я оформлен там в замечательной роли лаборанта лаборатории психофизики.

Все годы, начиная со своего образования в 1966 году, факультет психологии был и остается тем, что в современной методологии конструирования реальности называют «think tank» – «мозговым трестом» развития человека и общества. И когда мы говорим о культурно-деятельностном движении, мы имеем в виду не только замкнутую определенными рамками научную школу. Культурно-деятельностная психология – это конструирование реальности, это движение, которое сегодня имеет «широкую диаспору» во многих странах мира.

Если вы посмотрите Штаты, где блистательно работают наши выпускники, посмотрите Голландию, где есть ростки концепции Л.С. Выготского, возьмете наиболее цитируемые в мировой научной периодике работы, то обнаружится, что по-прежнему «пальму первенства» держат цитаты из А.Р. Лурия о культурно-деятельностном подходе. Их используют те, кто общался и развивался в общении с выпускниками нашего факультета. Это, например, Юрий Энгстрём – один из самых цитируемых авторов центра деятельности анализа Хельсинского университета. Идеи, развитые на факультете психологии, становятся мировыми идеями. В мире большой популярностью пользуются работы выпускницы факультета Анны Стаценко, которая разрабатывает интереснейший подход к проблеме сознания. Она была ученицей А.А. Леонтьева. Елена Григоренко – автор работ, которые уникальны по всем индексам цитирования. Этот список можно продолжать очень долго.

Почему я с этого начал?

Созданный в 1966 году факультет психологии МГУ был и остается центром психологической науки при всем ее возрастающем многообразии и развитии. Сегодня факультет психологии отличают разные направления и подходы к психологии. Придерживаясь формулы Н.А. Бернштейна «задача рождает орган», я думаю, что в ближайшее время, отзываясь на ключевые вызовы современности, отличающиеся неопределенностью, сложностью, разнообразием, на факультете будут отчетливо отразиться новыи поколения исследователей такие направления, как психология неопределенности (его и сейчас ведут замечательные ученые Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев, Г.У. Солдатова), психология сложности (ей занимается выпускник факультета, профессор Высшей школы экономики А.Н. Подьяков), психология разнообразия (сейчас это направление разрабатывают М.С. Егорова, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризов и еще целый ряд исследователей).

Почему я говорю, прежде всего, об этих зонах, связанных с психологией безопасности? Они уже выходят за рамки факультета, и факультет начинает быть «законодателем моды» новых трендов психологической науки. Концепция универсальных действий, решающая задачу как «научить учиться», и приводящая, в конечном счете, к изменению ментальности учителя, поскольку она делает его современным человеком, разрабатывалась в исследованиях кафедры детской психологии и опиралась на работы П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, И.И. Ильясова. Эта концепция является ключом при ответе на вопрос: как научить учиться? Она помогает увидеть, что ведущей линией в образовании является «компетентность к обновлению компетенции», которая является трендом современной жизни. Наши блистательные нейропсихологи, мастера в области специального коррекционного образования, специальной психологии востребованы там, где речь идет о восстановлении психических функций. Они определяют имидж факультета, это его замечательная практика. Сбываются предсказания Л.С. Выготского о том, что камнем, который заложили строители науки психологии, который они поставили «во главу угла» является практическая психология, методология проектирования культурных психотехник и практик, определяющих развитие человека и общества. Она идет через кафедры возрастной, детской психологии, психологии личности, общей психологии, через работы кафедр инженерной, организационной психологии. И, безусловно, она идет через уникальные работы по функциональному состоянию, по стрессу, через интереснейшие работы по пониманию и поддержке личности, принадлежащие кафедре клинической психологии, в частности, интереснейшие работы А.Ш. Тхостова. Особо выделил бы изучение роли аффекта в жизни человека и аномалий дизонтогенеза, которые начинались в исследованиях В.В. Лебединского. Для меня сверхважна клиническая психология личности, которая ярко пред-

ставлена крупнейшими фундаментальными исследованиями поведения человека в ситуации неопределенности, приводящей как к дистрессам, так и к использованию неопределенности как ресурса развития. Это работы Е.Т. Соколовой. Очень интересны современные работы по пониманию информационной социализации личности, принадлежат перу Г.У. Солдатовой. В близких плоскостях идут работы по социальной психологии, социальной психологии личности. Этим направлением занимаются Т.Г. Стефаненко, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. В области когнитивной науки также проводятся серьезные исследования. Интересны исследования А.Н. Гусева по поведению человека в ситуации неопределенности, конструктивно-деятельностный подход к когнитивной науке М.В. Фаликман.

Я долго мог бы те перечислять работы, которыми можно было бы в буквальном смысле слова гордиться. Все это показывает, что Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия задали факультету психологии, как мозговому центру, все эти зоны ближайшего развития.

Что бы Вы пожелали факультету в канун его 50-летия?

Одним из главных моментов творческой эволюции любого мозгового треста является критическое мышление, критическая рефлексия, для того, чтобы любой сотрудник факультета испытывал постоянное стремление к развитию, стал бы человеком перспективным.

Мне очень хочется, чтобы мы в большей мере обрели особую идентичность, идентичность факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова как нашу профессиональную и нравственную идентичность. И четко могли бы отвечать на вопрос: «Что твоя Родина?» – «Моя Родина – это факультет психологии». А он начинается с таких дел, где мы конструируем профессиональную общность и мыслим психологию как конструктивную науку. ■

Психологические школы Москвы и Петербурга – от противостояния к дружбе

В.М. Аллахвердов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Поступила 16 сентября 2016/ Принята к публикации: 27 сентября 2016

Moscow and St. Petersburg psychological schools: from opposition to friendship

Victor M. Allakhverdov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Received: September 16, 2016 / Accepted for publication: September 27, 2016

Делается попытка подвести итоги взаимодействия двух самых крупных психологических школ в России – психологических школ Москвы и Санкт-Петербурга. Это всего лишь зарисовка, посвященная 50-летию юбилею психологических факультетов Москвы и Петербурга, а не исторический труд. Сложные отношения между психологическими школами, берущие начало в далеком прошлом, прошли через разные исторические этапы. Противостояние славянофильской и западнической традиций сказалось на исходном различии этих школ. Возникла оппозиция: или мы изучаем человека во всей его полноте, со всем богатством его субъективного опыта, но теряем в надежности наших высказываний (московский акцент), или мы изучаем человека точно, объективными методами, но теряем в целостности наших представлений (акцент петербургский). Обе психологические школы, пережив подъемы и спады, сохранили свою самобытность и свой акцент в исследованиях. Москвичи в своих исследованиях чаще ориентируются на более крупные проблемы и до сих пор опираются на масштабные идеи Выготского–Леонтьева. Петербуржцы более конкретны, более эмпиричны, но все-таки продолжают с тоской и надеждой думать о создании общей концепции человека, к чему их призывал Ананьев. Сегодня между двумя школами нет никакого противостояния, а лишь одна взаимная любовь.

Ключевые слова: история психологии, психологические школы, психологические организации, личности в отечественной психологии.

The paper is an attempt to summarize the interaction of the two largest schools of psychology in Russia: the psychological schools of Moscow and St. Petersburg. The paper is a sketch dedicated to the 50th anniversary of the psychological faculties of Moscow and St. Petersburg, and should not be appreciated as a historical treatise. Tense ties between the psychological schools, that originate in the distant past, have gone through different historical stages. Slavophile and Westernizer traditions affected the initial difference in these schools emerging into the opposition: either the human being is studied entirely with his/her vast subjective experience, but losing the reliability of our statements (peculiarity of Moscow school), or we study the human being accurately using objective methods, but losing the integrity of our ideas (peculiarity of St.-Petersburg school). Both psychological schools, having gone through the ups and downs, have retained their identity and their emphasis on research. Moscow scholars in their studies are aimed to larger issues and still rely on large-scale Vygotsky-Leontiev approach. Scholars of St.-Petersburg touch upon more specific issues using empirical methods, but still continue with nostalgia and hope making plans about creating a common concept of human individual according to Ananiev. Nowadays between the two schools there is no opposition, but only one mutual love.

Keywords: history of psychology, psychological schools, psychological organization of personality in Russian psychology.

И Петербург, и Москва — это две стороны или, лучше сказать, две односторонности, которые могут со временем образовать своим слиянием прекрасное и гармоничное целое, привив друг другу то, что в них есть лучшего.

В. Белинский

В связи с 50-летним юбилеем психологических факультетов Москвы и Петербурга я рискнул подвести итоги взаимодействия двух самых крупных психологических школ в России. Наверное, тон статьи покажется не во всем юбилейным, но ведь важно помнить не только достигнутые успехи (их, разумеется, немало, и они более-менее хорошо известны), но и те трудности, а иногда и тот ужас, которые пришлось преодолевать. Это всего лишь зарисовка, а не исторический труд. Она отражает мое понимание и опирается на то, что читал или слышал от других, а также на то, что сам видел и знаю.

Прелюдия. Противостояние Москвы и Петербурга

Москва со времен Ивана III осознала себя Третьим Римом. Ну, а раз Рим, то в Москве сразу нашли семь холмов, на которых она, якобы, построена. В качестве символа государства на Руси приняли двуглавого орла – герб Византийской империи. Нашли сходство планов Кремля и Иерусалима. Дабы это сходство подчеркнуть, на Красной площади соорудили Лобное место – символ Голгофы. Москва становится не просто столицей, а нравственно-религиозным и духовным центром страны. Отсюда и неприятие ею всего иностранного (хотя при этом именно иностранцы строят ее главные архитектурные памятники) и опора на традиции, освященные временем.

Петр построил Санкт-Петербург как пощечину боярской Москве, которую ненавидел и где, по словам А.С. Пушкина, он «на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков» (Пушкин, 1964, С. 275). Вопреки здравому смыслу, он построил столицу на отдаленной границе империи, чем весьма изумлял иностранцев (Дидро писал Екатерине: «Страна, в которой столица помещена на краю государства, похожа на животное, у которого сердце находится на кончике пальцев»), на столь далеком севере, что там до сих пор нет других городов-миллионников, на болоте, где нельзя жить и невозможно строить, ведь там нет строительных материалов (Аллахвердов, 2009). Однако Петербург изначально был задуман Петром как унижение Москвы. Мол, даже на краю земли, в болотной сырости и холоде все равно лучше, чем в Москве. Само название – город Святого Петра, т.е. Рим, – пародировало претензии Москвы на статус Вечного города. В 1714 г. это унижение подчеркнул указ «О запрещении на несколько лет строить во всем Государстве каменные дома» во всех городах, кроме Петербурга. А унижение, как хорошо знают психологи, не прощают, оно эмоционально даже усиливается в следующих поколениях.

Петр Европу толком не знал. Но он хотел привнести в жизнь страны то полезное, что он связывал с Европой: организацию регулярного государства и технологические знания. Он также понимал,

что все его новации быстро заглухнут под влиянием традиций и православной демагогии, если их не поддержать мощной пропагандистской кампанией. Для этого европейская жизнь должна была стать престижной. А что может быть престижнее столицы? К тому же в ней легче решать любые организационные и финансовые вопросы. Н.В. Гоголь пишет: «В Москву тащится Русь с деньгами в кармане и возвращается налегке – в Петербург едут люди безденежные и разъезжаются во все стороны света с изрядным капиталом» (Гоголь, 1952, С. 177). А позднее напишет В.М. Бехтерев, перебравшийся в Петербург из Казани: «... столица и отдаленный провинциальный город – дистанция огромного размера в смысле масштаба научно-практической и, особенно, общественной деятельности» (Бехтерев, 1994, С. 29).

Петру важно было, чтобы построенный им город как можно меньше походил на Москву. Отсюда, например, странная в столь северном городе ориентация на южно-италийскую архитектуру. И столь же странное требование Петра, чтобы дома в Петербурге примыкали друг к другу. Для русского человека такие дома были совершенно невероятны, но, впрочем, так не строились и большие города в Европе. В Париже подобное появилось только в 30-х гг. XIX в. В итоге новоиспеченная столица поражала инаковостью, что подавалось населению как нечто европейское.

Москве, тем не менее, передается важная государственная функция охраны традиций. Вехи в жизни царствующей семьи: рождение, бракосочетание, венчание на царство и т.д. отмечаются в Москве. «Москва – сердце, а Петербург – голова», – популярная присказка XIX столетия. Петербург и петербуржцев в России не любят за чопорность, снобизм, скарденность, черствость. Говорят: «Петербург – это не Россия». А вот Москву, освобожденную от статуса реальной столицы, называют «родной», «радушной», «хле-

Виктор Михайлович Аллаxвердов – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: vimial@gmail.com

босольной», «святой». Противостояние европейского (у Пушкина – «надменно-го») Петербурга и традиционной русской (у Пушкина – «старушки») Москвы так описано Н.В. Тоголем: «Петербург – аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва – русский дворянин и, если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины» (Тоголь, 1952, С. 177).

Следствием всего этого становится идеологическое противостояние: Москва порождает славянофилов, а Петербург – западников.

Начало. Главная оппозиция психологических школ

В Москве, в удалении от столицы вольнее дышится. Об этом хорошо говорит А.С. Пушкин в 1834 г.: «Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы» (1964, С. 276). Именно там в 1755 г. возникает первый в России крупный университет.¹ Поэтому же в менее связанной с государственной машиной Москве в 1885 г. создается и первое психологическое общество в стране. С 1889 г. при обществе начинает издаваться до сих пор с интересом читаемый журнал «Вопросы философии и психологии» под редакцией Н.Я. Грота. В почетный комитет первого международного психологического конгресса в Париже в 1889 г. в качестве представителей России вошли только профессоры из Москвы.

Однако в стольном Петербурге проще решать организационные вопросы. Поэтому первые организационные успехи – за Питером. Там в 1907 г. В.М. Бехтерев открывает Психоневрологический институт (где студентам общую психологию читает А.Ф. Лазурский, сравнительную психологию – В.А. Вагнер, психологию мифа – Д.Н. Овсянко-Куликовский). В Москве же торжественное открытие Пси-

хологического института состоялось лишь в 1914 г. Впрочем, на сайте института сегодня можно прочесть, что московский институт – первый в России психологический институт. И это можно считать правдой – ведь у Бехтерева «психоневрологический»!

Противостояние славянофильской и западной традиции сказалось на исходном различии психологических школ. Первые психологические звезды Москвы – в основном, выходцы из идеалистической философии, их волнует, как правило, проблема целостного человека, а не модные позитивистские устремления Запада. Конечно, были и в Петербурге похожие мыслящие ученые, например, А.И. Введенский, скептически относившийся к возможностям экспериментальной психологии, утверждавший, что научная психология возможна лишь как описательная наука. Но тон задавали двое соперничающих между собой прародителей бихевиоризма – И.П. Павлов и В.М. Бехтерев. («Объективная психология» Бехтерева на несколько лет предвосхитила знаменитый манифест Дж. Уотсона). Не удивительно, что даже в 1929 г. еще совсем юный последователь Бехтерева Б.Г. Ананьев

Б.Г. Ананьев в начале своего пути в большую науку

петербургский). Идеология, всюду проникавшая вслед за революционными преобразованиями, вначале приняла московскую окраску – раз субъективный опыт формируется социумом и культурой, то, изменяя их, можно создать иной

Так возникла оппозиция: или мы изучаем человека во всей его полноте, со всем богатством его субъективного опыта, но теряем в надежности наших высказываний (московский акцент), или мы изучаем человека точно, объективными методами, но теряем в целостности наших представлений (акцент петербургский)

ев – будущий глава ленинградской психологической школы сравнивал психологию с алхимией и отказывал ей в праве на существование (Зинченко, 2012). Позднее он, разумеется, существенно изменил свои взгляды.

Так возникла оппозиция: или мы изучаем человека во всей его полноте, со всем богатством его субъективного опыта, но теряем в надежности наших высказываний (московский акцент), или мы изучаем человека точно, объективными методами, но теряем в целостности наших представлений (акцент

субъективный опыт, а, тем самым, нового и гораздо лучшего человека – строителя коммунизма.²

Послереволюционный подъем и последующая катастрофа

Большевики перенесли столицу в Москву – им претил чиновный Петербург, столь грозно напоминающий о былом царском величии. И быстро изменяется отношение к этим городам. Для многих уже Москва становится символом

¹ Созданный в Петербурге в 1724 г. по указу Петра небольшой Академический университет только в 1990-е гг. стал рассматриваться как преемник Санкт-Петербургского университета, отмечившего в связи с этим в 1999 г. свое 275-летие. Однако еще в 1969 г. я, тогда студент Ленинградского университета – принимал участие в праздновании его 150-летия со дня учреждения Александром в 1819 г.

² В.П. Зинченко, на мой взгляд, не совсем прав, считая, что А.Н. Леонтьев использовал недозволительный прием аргументации, когда – уже во время войны, на заседании Ученого совета МГУ – обратился к С.Л. Рубинштейну: «Вы не понимаете, что острота зрения советского летчика выше, чем острота зрения фашистского летчика» (Зинченко, 2002). Я думаю, Леонтьев выражал не только свое мнение, но и принятую им идеологию.

Борис Герасимович - внимательный слушатель

тупого и бездушного чиновничества. Её теперь не любят за снобизм и скаредность. Начинают говорить, что Москва – это не Россия. В общем, весь набор эпитетов, ранее адресованный Петербургу, дарится Москве. Соответственно меняется и отношение к Петербургу. Дух Запада придал городу нежданную сладость инакомыслия. (Не зря Сталин не доверяет Петербургу и организует «Ленинградское дело»). Петербуржцы же, раз они не погнались за карьерой и другими прелестями столичной жизни, воспринимают

ся в России как настоящие интеллигенты. Петербург почти официально объявляется культурной столицей России, т.е. носителем ее духовных ценностей.

Революция, как и полагается любой революции, принесла много бед. Но она принесла и период послереволюционной эйфории, когда ранее невозможное становится возможным. Думается, А.Р. Лурия не совсем лукавил, когда писал, подводя итоги: «Все мое поколение было проникнуто энергией революционных изменений – освобожденной энер-

Б.Г. Ананьев наблюдает за работой тахистоскопа

гией, ощущаемой людьми, являющимися частью того общества, которое смогло в течение короткого отрезка времени совершить колоссальный скачок по пути прогресса» (Лурия, 1982, С. 5). В науку врываются новые идеи – например, стремительно возрастает популярность психоанализа. Появляются и новые люди со своими оригинальными взглядами. И, конечно же, чаще они появляются в столице. В 1924 г. приехавший из Казани 22-летний А.Р. Лурия – но уже ученый секретарь Психологического института в Москве! – слушает доклад на конференции 27-летнего Л.С. Выготского «Сознание как предмет психологии» и сразу приглашает его – формально провинциального литературоведа и театрального критика – на работу в свой институт. Так Выготский начинает свой короткий жизненный путь мировой психологической звезды. А в Ленинград из Одессы в 1930 г. переезжает С.Л. Рубинштейн.

Однако эйфория длилась недолго. Время подъема постепенно перешло во времена хруста костей.

Марксизм становится тотальной идеологией (в самом своем догматическом виде). Выготского – убежденного марксиста, но понимавшего, что Маркс не был психологом и марксистскую психологию еще надо строить, а не искать готовых ответов у Маркса – на долгие годы перестают издавать и вспоминать. А то, что российский психоанализ развивался под патронажем Л. Троцкого, привело к официальному признанию психоанализа ложной буржуазной наукой (со всеми вытекающими для психоаналитиков последствиями). Появляется и, что опаснее, подкрепляется новая мораль. В 1923 г. ученик Г.И. Челпанова К.Н. Корнилов обвиняет своего учителя в том, что он до сих пор считает психологию наукой о душе. Это еще можно было бы отнести к борьбе идей, если бы он не направил свои обвинения в ЦК ВКП(б), что уже можно назвать доносом (Зинченко, 2012). После чего К.Н. Корнилов сам становится директором института. (Но, разумеется, не все вели себя подобным образом – начинавший успешную карьеру А.А. Смирнов в ответ на отстранение Г.И. Челпанова от руководства уходит из института (Ждан, 2011), но, в конце концов, в 1945 г. станет его директором).

Для цитирования: Аллахвердов В.М. Психологические школы Москвы и Петербурга – от противостояния к дружбе // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 36–44. doi: 10.11621/npj.2016.0305

For citation: Allakhverdov V.M. (2016). Moscow and St. Petersburg psychological schools: from opposition to friendship. *National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskiiy zhurnal]*, 3, 36–44. doi: 10.11621/npj.2016.0305

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

Совсем плохо стало после Постановления ЦК ВКП(б) 1931 г. под замечательным названием «Все силы научных работников – на теоретическую разработку проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата». Б.С. Братусь приводит фрагмент резолюции, принятой вслед за этим партийной конференцией Государственного института психологии, педологии и психотехники в 1931 году: «Стоит задача разгрома и уничтожения остатков буржуазных теорий, являющихся прямым отражением сопротивления контрреволюционных элементов страны социалистическому строительству и служащих протаскиванию чуждых идей под видом якобы диалектико-материалистических» (Братусь, 2005. С. 125). Особенный удар пришелся по москвичам. Братусь резюмирует: «Кто спасся тем, что заранее переехал в провинцию, подальше от столичного внимания (харьковская группа А.Н. Леонтьева), кто тем, что публично каялся в своих «ошибках» и «заблуждениях» (Л.В. Занков), кто тем, что срочно перешел в другую профессию» (там же, 2005. С. 126).

Ну, а уж что началось в Москве после Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» 1936 г.! В.Ф. Петренко напоминает, какие тексты появлялись в это время: «Выготский умер, но остались самые злобные его ученики – Леонтьев, Лурия и Шиф» (Логинова, 2006, С. 97). Оппонент Л.С. Выготского А.Б. Залкинд скончался от разрыва сердца, выйдя на улицу с партийного собрания, где зачитали постановление ЦК ВКП(б). Ему еще повезло, сообщает комментатор (Корсаков, 2010). Ряд крупных психологов (А.К. Гостев, Н.И. Шпильрейн и др.) расстреляны, многие лишены ученых степеней, сняты с постов и репрессированы. Стали травить П.П. Блонского и, на всякий случай, арестовали двух его сыновей.

В Ленинграде полегче, но тоже плохо. Правда, И.П. Павлов в трамвае, по дороге на работу, позволяет себе громко ругать советскую власть и ему это сходит с рук. Однако в 1927 г. внезапно умирает Бехтерев. И ползут слухи – отравлен, то ли потому, что поставил диагноз Ленину – «сифилис мозга», то ли потому, что поставил диагноз Сталину – «сухорукий параноик». Заодно начинается борьба с

«бехтеревщиной». Испуганный профессор М.Я. Басов в 1931 г. сам снял себя со всех постов и добился «социалистической командировки» – стал рабочим Ленинградского станкостроительного завода. (Как сказала мне его внучка: «А что он мог сделать? Ведь у него – семья»). А.П. Нечасев в 1935 г. сослан в Казахстан. А вот для В.Н. Мяснищева все ограничилось обвинением в перенесении в советскую педагогику взглядов буржуазной антинаучной педологии (Карвасарский и др., 2012).

Война изменила положение психологов. Они оказались нужными. В Москву вернулся А.Н. Леонтьев, в нее переезжает С.Л. Рубинштейн и даже получает Сталинскую премию. Вводится преподавание психологии в школе. Появляются психологические отделения при философских факультетах университетов Москвы (1943 г.) и Ленинграда (1944 г.). Но затем последовала печально известная Павловская сессия Академии наук, поставившая экзотическую задачу перестройки всей психологии на основе павловского учения (а Павлов, как известно, запрещал своим сотрудникам использовать психологическую терминологию). В довершение началась борьба с космополитизмом.

«Вождистский» стиль управления в государстве вел к появлению вождей во всех сферах деятельности. Вождь должен быть признанным лидером в своей области и, в то же время, хотя бы слегка побитым в процессе репрессий, что-

бы чувствовал границы, которые не стоит переходить. Так, в музыке, например, одним из признанных вождей становится битый-перебитый в кампаниях борьбы с формализмом Д. Шостакович – ему разрешено писать любую музыку, его избирают первым секретарем Союза композиторов, дают Ленинскую премию, но зато он подписывает любые письма, в которых дается партийный разнос тем или иным событиям или лицам. («Чем больше я подпишу, – объяснял он друзьям, – тем менее ценна моя подпись»). Не избежала тенденции к вождизму и психология. Счастье, что на роль вождей вышли влюбленные в психологию действительно мощные ученые и организаторы. В Москве признанным лидером стал А.Н. Леонтьев – а ведь в чем только до этого его ни обвиняли, а потом дали Ленинскую премию. В Ленинграде позицию вождя занял Б.Г. Ананьев, которому ранее и пришлось отречься от бехтеревщины, и писать о «высшем проявлении твердости характера величайшего стратега и вождя народов – И.В. Сталина» (Ананьев, 1945, С.158), но при этом невероятным образом остаться беспартийным.

Расцвет

Наконец, настала оттепель. Еще полны сил вожди психологии и их соратники. В науку приходят новые люди – первые выпускники психологических отделений вузов. Это ведет к прорыву

Б.Ф. Ломов и Б.Г. Ананьев

ву – и научному, и организационному. Издается ряд великих книг мэтров советской психологии (Леонтьев, 1959, 1975; Ананьев, 1960, 1968 и др.). В 1966 г. открываются факультеты психологии в Москве и Ленинграде. В Москве проводится XVIII Международный психологический конгресс. То, что было под запретом, появляется вновь без излишнего шума и зачастую под новыми именами. Но вначале все опробуется в Ленинграде, подальше от государственной машины, а уже потом возникает в Москве: лаборатория инженерной психологии (Б.Ф. Ломов, Ленинград, 1959 г.; В.П. Зинченко, Москва, 1961), кафедра социальной психологии (Е.С. Кузьмин, Ленинград, 1968; Г.М. Андреева, Москва, 1972). Когда Б.Г. Ананьев начинает применять в своих комплексных исследованиях зарубежные психологические тесты, в Москве поначалу к этому вообще отнеслись с испугом – ведь еще никто не отменял

санию). Ленинградская школа все более становится «ананьевской» с ее направленностью на комплексное эмпирическое изучение всех возможных свойств человека и на этой основе построения целостного описания человека (направленность снизу – вверх, от эмпирики – к описанию). Это различие было хорошо заметно на самых первых конференциях, в которых принимали участие студенты факультетов психологии Москвы и Ленинграда. Московские студенты, как правило, долго объясняли, с какой целью они проводили исследование, но было неясно, как они его проводили и что получилось. Ленинградские – подробно описывали дизайн и результаты исследования, но редко могли сказать, зачем они его провели.

Разумеется, такое разделение двух школ не было абсолютным. В Петербурге Л.М. Веккер строит единую теорию психических процессов и пытается

Московские студенты, как правило, долго объясняли, с какой целью они проводили исследование, но было неясно, как они его проводили и что получилось. Ленинградские – подробно описывали дизайн и результаты исследования, но редко могли сказать, зачем они его провели

Постановление 1936 г.

Усиливается различие между психологическими школами. Московская школа все более и более становится «леонтьевской» с ее направленностью на описание целостного человека с позиции теории деятельности (направленность сверху – вниз, от теории – к опи-

из теории выводить все многообразие психических явлений. А в Москве ученица С.Л. Рубинштейна К.А. Абульханова-Славская критикует «так называемый деятельностный подход», поскольку он, мол, «опирается на упрощенные, статичные и обедненные схемы, которые никак не могут охватить реального много-

образия» (Абульханова-Славская, 1980, С. 325). Тем не менее, указанные тенденции весьма заметны.

По приглашению Б.Г. Ананьева, в конце 1960-х на факультете психологии в Ленинграде перед студентами выступали А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия. Это произвело сильное впечатление на всех нас, ленинградских студентов. Вдруг ко мне подошел однокурсник и сказал с изумлением в глазах: «Представляешь, я услышал, как Леонтьев в беседе с Лурией отзывался о БГ (так студенты называли Ананьева, то ли БоГ, то ли Борис Герасимович). Он назвал его эмпириком!». Сегодня мне, однако, кажется, что если Ананьева и можно назвать эмпириком, то эмпириком поневоле, – его тянуло к философским обобщениям, к ноосфере Вернадского и Тейяра де Шардена. Просто он не видел иного надежного пути в эти дали, кроме анализа и последующего синтеза эмпирического материала, в надежде все-сторонне охватить «феномен человека». Эмпирические данные были для него лишь поводом для размышлений. Никакой конкретный факт сам по себе, похоже, не поражал его воображение.

Иное дело – А.Н. Леонтьев. Его ранние работы и рассказы его учеников говорят как раз об его увлеченности конкретными эмпирическими явлениями. Мне кажется, что в глубине души он был, прежде всего, талантливым экспериментатором (в разговоре со мной с этим согласился его сын А.А. Леонтьев). Но позиция вождя, за которую, судя по воспоминаниям В.П. Зинченко, он активно боролся, требовала от него более мощных высказываний. И это (вкуче с общей идеологической атмосферой) во многом определяло некую загадочность и избыточную философичность его произведений. Там, где он пишет о фактах, он понятен и ярок. Но некоторые другие его тексты, на мой взгляд, если и поддаются расшифровке, то с превеликим трудом. И, судя по всему, автором так и было задумано. Зинченко цитирует В.И. Аснина, говорившего Леонтьеву: «одно из двух: ты или сам не понимаешь, а только делаешь вид, что ты понимаешь, или понимаешь, но не хочешь сказать» (Зинченко, 2002). А Б.М. Величковский рассказывал, что когда он принес Леонтьеву свою первую статью, тот просмо-

Б.Ф. Ломов со студентами

Для цитирования: Аллахвердов В.М. Психологические школы Москвы и Петербурга – от противостояния к дружбе // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 36–44. doi: 10.11621/npj.2016.0305

For citation: Allakhverdov V.M. (2016). Moscow and St. Petersburg psychological schools: from opposition to friendship. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 3, 36–44. doi: 10.11621/npj.2016.0305

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

трел ее и сказал, что так писать нельзя, поскольку в научной статье не должно быть все понятно.

Первые студенты факультетов психологии – как правило, энтузиасты, решившие посвятить себя еще никому не ведомой профессии и жаждущие нового. Вспоминаю, что своих однокурсников чаще встречал даже не на лекциях, а в Публичной библиотеке. Среди первых выпускников и в Москве, и в Ленинграде – обилие профессоров, во многом определяющих сегодня лицо отечественной науки. Москвичи подчеркивают, что А.Н. Леонтьев специально отбирал талантливую молодежь и «большинство тогда молодых преподавателей (а ныне докторский корпус факультета) был набран А.Н. Леонтьевым в ходе работ летних и зимних психологических школ» (Петренко, 2006). Ленинградцы вспоминают, что Б.Г. Ананьев сам участвовал в приеме студентов на первый курс, сам проводил собеседование с каждым и включал студентов всех курсов в комплексное психологическое обследование.

Москвичи помнят такие формы студенческой активности, как смотры художественной самодеятельности, например, спектакль о стране Психоландии, где после смерти короля Эпифеноменалиа молодой принц – новый король – осматривает свои владения – психологические лаборатории (Логинова, 2006, С. 93). Ленинградцы вспоминают студенческий клуб «Леонардо», в деятельности которого (а это – 1971-73 гг.) было гораздо больше политического фрондерства (все-таки дальше от столицы): студенты организовали вечер памяти Манделштама, первые выставки живописи Петербургского андеграунда, пели со сцены А. Галича. Потрясенные тем, что партбюро обязало снять повешенный ими на факультете плакат «Хоть Фрейдом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» (о, времена, о, нравы!), студенты поставили в ответ балет «К критике фрейдизма». (Видевшие этот балет до сих пор вспоминают «танец маленьких либидо»).

В Москве в 1972 г. впервые в системе Академии наук СССР создается Институт психологии, его директором назначается первый декан ленинградского факультета психологии ученик Б.Г. Ананьева

Б.Ф. Ломов. Он в 1967 г. занял пост заведующего отделом науки Министерства просвещения СССР. Е.П. Ильин полагал, что Б.Г. Ананьев, отправляя Ломова в Москву, избавлялся от конкурента за лидерство в Ленинградской школе. Я же все-таки думаю, что Б.Г. Ананьев в большей степени надеялся на распространение своих идей и на создание института человека, о котором мечтал. А В.П. Зинченко утверждал, что А.Н. Леонтьев, немало способствовавший созданию Института психологии, хотел сам стать в его главе, а Б.Ф. Ломова сделать деканом московского факультета. Как бы то ни было, но появление академического Института психологии было большим организационным успехом, приведшим в последующем к серьезным научным достижениям. С первых дней своего существования Институт сотрудничает, в частности, с Центром подготовки кос-

Первые студенты факультетов психологии – как правило, энтузиасты, решившие посвятить себя еще никому не ведомой профессии и жаждущие нового. Вспоминаю, что своих однокурсников чаще встречал даже не на лекциях, а в Публичной библиотеке. Среди первых выпускников и в Москве, и в Ленинграде – обилие профессоров, во многом определяющих сегодня лицо отечественной науки

монавтов и проводит уникальные исследования, в которых участвовали психологи из разных городов страны, в том числе из Ленинграда.

Однако наступает период, когда уходят титаны. В 1972 г. умирает Б.Г. Ананьев. Я помню возникшее всеобщее потрясение и растерянность. С обширным инфарктом Ананьева увезли прямо с факультета. Но даже в этот момент он проявил величайшее самообладание и служение науке. Вспоминает М.В. Осорина: «Он знал, что надежды для него нет. И предложил преданным ему сотрудницам воспользоваться ситуацией, раз ничего другого сделать было нельзя, и провести на нем замеры психофизиологических параметров в процессе умирания, поскольку это редкий случай для исследователя, а он – хорошо подготовленный испытуемый, способный дать подробный самоотчет. Говорили, что в слезах они согласились» (Осорина и др., 2015). Через три дня его не стало. В 1973 г. уходит В.Н. Мясичев. В 1977 г. не стало А.Р. Лурии. Смерть в 1979 г. А.Н. Леонтьева для мо-

сковского университета стала страшным ударом – «Факультет быстро посерел», – писал Б.М. Величковский. Н.Ф. Талызина считает, что: «Все последующие деканы не могли сравниться с А.Н. Леонтьевым ни по научному потенциалу, ни по авторитету» (Логинова, 2006, С. 93). Да и вся страна переходит в состояние застоя.

От хаоса к сближению

В застое все кошки серы. Различие школ ослабляется – в застое не приняты акценты, не принято поощрять лидеров, отстаивающих свою позицию. А тут еще А.Н. Леонтьева на посту декана московского факультета сменяет очень осторожный ленинградец А.А. Бодалев. Все перепутывается.

Перестройка открывает шлюзы. Психологи получают доступ к западной ли-

тературе. Москву и Петербург посещают звезды мировой величины. Отечественные психологи активно учатся различным практическим технологиям, давно известным за рубежом, но впервые пришедшим в Россию, создают свои собственные технологии. Ну, а начало «лихих 90-х» дает вообще потрясающую свободу – все позволено.

Психологи-практики вдруг оказываются востребованными в самых разных сферах. Престиж психологии поднимается на невиданную высоту. Бурно растет число психологических факультетов. Расцветают немислимые ранее подходы: экзистенциальная психология, христианская психология, гештальт-терапия и др. Президент страны Б.Н. Ельцин неожиданно подписывает указ о государственной поддержке психоанализа. В хаосе каждый вынужден рассчитывать только на себя – начинается регионализация психологии, которая усиливается обидой провинциалов на то, что более всего организационную и финансовую поддержку получают столичные психо-

логи. Существовавшие ранее научные школы во многом размываются.

Но при этом начинает разрушаться и существовавшая ранее система подготовки психологов. Если в 1970–80-е гг. в Петербург со всей страны приезжали смотреть, как поставлен экспериментальный

Все же, на фоне хаоса начинается постепенное сближение московской и петербургской психологических школ как двух крупнейших в России. В 1998 году подписывается соглашение, утверждающее вхождение Санкт-Петербургского психологического общества в Россий-

Зимние психологические школы, организованные студентами петербургского университета, собирают до 400 студентов из разных городов России, в том числе, разумеется, и из Москвы, в работе этих школ принимают участие многие московские специалисты. Наконец, в 2009 г. на встрече ведущих преподавателей кафедр общей психологии МГУ и СПбГУ подписывается Меморандум, где объявляется, что между двумя школами не существует никакого противостояния, а лишь одна взаимная любовь и уважение

практикум, то к концу 1990-х смотреть было уже не на что – все было разрушено. Профессионалы с нарастающим ужасом обнаруживали, до какого низкого уровня может прийти подготовка психологов в некоторых провинциальных и коммерческих институтах. Под психологов начинают рядиться колдуньи, экстрасенсы, астрологи и прочая «нечисть». Стало ясно, что необходим процесс консолидации. В 1994 году создается Российское психологическое общество (РПО) как преемник Общества психологов СССР. Однако декан факультета психологии СПбГУ А.А. Крылов не видит смысла во вхождении в РПО и создает независимое Санкт-Петербургское психологическое общество.

Московские профессора приглашаются для выступлений в Петербург, а петербургские – в Москву. Зимние психологические школы, организованные студентами петербургского университета, собирают до 400 студентов из разных городов России, в том числе, разумеется, и из Москвы, в работе этих школ принимают участие многие московские специалисты. Наконец, в 2009 г. на встрече ведущих преподавателей кафедр общей психологии МГУ и СПбГУ подписывается Меморандум, где объявляется, что между двумя школами не существует никакого противостояния, а лишь одна взаимная любовь и уважение (Аллахвердов, Братусь, 2009).

Конечно, разница сохраняется. В Москве намного больше, чем в Петербурге, и психологов, и психологических организаций. Москвичи, как правило, занимают ключевые посты во всех республиканских органах, связанных с психологией. Но консолидация психологов в Петербурге сильнее. В 2000-е годы психологов, объединенных в Санкт-Петербургское психологическое общество, почти в два раза больше, чем членов Московского психологического общества. И именно в Петербурге с 1999 г. проходит Национальный психологический конкурс «Золотая Психея», в котором участвуют психологи всей страны.

Разница сохраняется и в подходах к науке. Москвичи в своих исследованиях чаще ставят более крупные проблемы и до сих пор опираются на масштабные идеи Выготского-Леонтьева. Петербуржцы более конкретны, более эмпиричны, но все-таки продолжают с тоской и надеждой думать о создании общей концепции человека, к чему их призывал Б.Г. Ананьев.

И все это – как раз те односторонности, которые должны образовать прекрасное целое, привив друг другу то, что в них есть лучшего.

*Поддержано грантом РГНФ
№ 16-06-00858-а (рук. В.М. Аллахвердов)*

Литература:

- Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – Москва : Наука, 1980.
- Аллахвердов В.М. Санкт-Петербург как парадокс мировой культуры // Аллахвердов В.М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. – Санкт-Петербург : Формат, 2009. – С. 245–254.
- Аллахвердов В.М., Братусь Б.С. Меморандум зеленогорской встречи московских и петербургских психологов // Вопросы психологии. – 2009. – № 4. – С. 173.
- Ананьев Б.Г. Очерки психологии. – Ленинград : Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1945.
- Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Белинский В.Г. Петербург и Москва // Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. – Москва : Гослитиздат, 1948.
- Бехтерев В.М. Автобиография // Избранные труды в 2-х тт. Т. 1. – Москва : Алетея, 1994.
- Братусь Б.С. Образ человека в психологии России XX века // Развитие личности. – 2005. – № 3. – С. 121–136.
- Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 тт. Т. 8. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 177.
- Ждан А.Н. Великолепный представитель человеческого рода // Челпановские чтения. 2010. Т. 1. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011 – С. 5–13.
- Зинченко В.П. «Да, очень противоречивая фигура...» : интервью В.П. Зинченко; беседу вели Е.Е. Соколова, Е.А. Загряжская. 2002. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-zinch.htm#_ftn1 (дата обращения: 13.10.2016).
- Зинченко В.П. К 80-летию харьковской психологической школы // Вопросы психологии. – 2012. – № 6. – С. 133–148.
- Интервью с профессорами МГУ / В.Ф. Петренко и др. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3. – № 4. – С. 91–109.

- Карвасарский Б.Д., Подсадный С.А., Чернявский В.А., Чехлатый Е.И. Жизнь и деятельность В.Н. Мясищева (к 120-летию со дня рождения) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2012. – № 2. – С. 107–112.
- Корсаков С.Я. Новые факты об А.Б. Залкинде // Философские науки. – 2010. – № 4. – С. 51–55.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1959.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Политиздат, 1975.
- Лурия А.Р. Этапы пройденного пути : научная автобиография. – Москва : МГУ, 1982.
- Осорина М.В., Бочищева Л.В., Даниленко О.И. «Золотой век» жизни факультета психологии ЛГУ времен Б.Г. Ананьева: воспоминания трех сокурсниц // Вестник СПбГУ. Сер. 16. – 2015. – Вып. 4. – С. 201–218.
- Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 7. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1964.

References:

- Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1980) Activities and Personality Psychology. Moscow, Nauka.
- Allakhverdov, V.M. (2009) St. Petersburg paradox of the world culture. [Razmyshlenie o naukepsikhologii s vosklitsatel'nyim znakom]. St. Petersburg, Format, 245-254.
- Allakhverdov, V.M., & Bratus, B.S. (2009) Zelenogorsk meeting memorandum Moscow and St. Petersburg psychologists. [Voprosy psikhologii]. 4, 173.
- Ananiev, B.G. (1945) Essays in psychology. Leningrad, Leningradskoegazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo.
- Ananiev, B.G. (1960) The psychology of sensation and perception. Moscow, Izdatel'stvo Akademiipedagogicheskikh nauk RSFSR.
- Ananiev, B.G. (1968) Man as an object of knowledge. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta.
- Belinskiy, V.G. (1948) Petersburg and Moscow. [Sobraniesochineniy]. Vol. 2. Moscow, Goslitizdat.
- Bekhterev, V.M. (1994) Autobiography. [Izbrannyetrudy]. V.1. Moscow, Aleteiya.
- Bratus, B.S. (2005) The image of the human psychology of 20th century. [Razvitielichnosti]. 3, 121-136.
- Gogol, N.V. (1952) 1836 Petersburg notes. [Polnoesobraniesochineniy]. Vol. 8. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 177.
- Karvasarskiy, B.D., Podsadnyy, S.A., Chernyavskiy, V.A., & Chekhlatyy, E.I. (2012) Life and work of V.N. Myasishchev (the 120th anniversary of birth). [Obzreniepsikhiiatrii i meditsinskoypsikhologii]. 2, 107-112.
- Korsakov, S.Ya. (2010) New facts about A.B. Zalkind. [Filosofskienauki]. 4, 51-55.
- Leontiev, A.N. (1959) Issues of the human psychodevelopment. Moscow, Izdatel'stvo APN RSFSR.
- Leontiev, A.N. (1975) Activities. Consciousness. Personality. Moscow, Politizdat.
- Luria, A.R. (1982) Stages of the traversed path: scientific autobiography. Moscow, MGU.
- Osorina, M.V., Bochischeva, L.V., & Danilenko, O.I. (2015) «Golden Age» of Faculty of Psychology, Leningrad State University, at times of B.G. Ananiev: three classmate memories. [Vestnik SpbGU]. Series 16, Vol. 4, 201-218.
- Petrenko, V.F. et al. (2006) Interview with professors of Lomonosov Moscow State University. [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 3, 4, 91-109.
- Pushkin, A.S. (1964) The journey from Moscow to St. Petersburg. [Polnoesobraniesochineniy]. Vol. 7. Moscow, Izdatel'stvo Akademiinauk SSSR.
- Velichkovskiy, B.M. (2002) Man for All Seasons: the 100th anniversary of Alexander Romanovich Luria's birth. - Electronic resource. - Access: http://thepsy.narod.ru/indexfiles/ucheb_mat/07.html (reference date: 10.15.2016).
- Zinchenko, V.P. (2002) «Yes, a very controversial figure...». Interview with V.P. Zinchenko conducted by E.E. Sokolova, E.A. Zagryazhskaya. - Electronic resource. - Access: http://www.anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-zinch.htm#_ftn1 (reference date: 10.13.2016).
- Zhdan, A.N. (2010) Great representative of the human race. [Chelpanovskiechteniya]. Vol. 1. St. Petersburg, Nestor Istoriya 2011, 5-13.
- Zinchenko, V.P. (2012) On the 80th anniversary of the Kharkov psychological school. [Voprosy psikhologii]. 6, 133-148.

Личная вовлеченность — особый стиль факультета

Т.Ю. Базаров

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 20 сентября 2016/ Принята к публикации: 28 сентября 2016

Personal involvement as a special style of Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University

Takhir Yu. Bazarov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: September 20, 2016 / Accepted for publication: September 28, 2016

50-летний юбилей факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова — хороший повод вспомнить тот путь, который он прошел за эти годы, вместившие несколько эпох, и наметить перспективы его дальнейшего развития. Автор статьи, бывший студент этого факультета, а ныне его преподаватель, профессор, вспоминает тех, кто создавал и поддерживал традиции факультета такие, как основательность и обоснованность, методическая ясность и диалогичность, целостный взгляд на проблему и проблемная ориентация в обучении, а также совместное творчество профессоров и студентов на пути постижения истины. Значительное внимание в статье уделено личности Г.М. Андреевой — талантливого учителя, блестящей ученой, одного из основателей социальной психологии в нашей стране. Отмечается, что именно Галина Михайловна в свое время собрала «звездный» состав кафедры социальной психологии, кафедры, ключевой характеристикой которой была вовлеченность каждого не только в научную, но и в коллективную жизнь, что способствовало развитию молодой, но такой важной отрасли психологии. Автор статьи пишет также о прекрасном педагоге Л.А. Петровской, которая призвала студентов оттачивать свою индивидуальность, поскольку считала, что это есть главный инструмент профессионального психолога. С огромной благодарностью вспоминает автор также советы по организации преподавания, которые получил от А.У. Хараша. В статье характеризуется сегодняшнее положение факультета, его значение и намечаются перспективы дальнейшего развития. В частности автор говорит о необходимости формирования у студентов личной вовлеченности в профессиональную деятельность, а также о создании на факультете условий для более успешного перехода студентов от обучения к реальной жизни.

Ключевые слова: история психологии, социальная психология, Г.М. Андреева, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, высшая школа.

The author, being a former student of the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, and now is teacher, professor, remembers those who created and maintained such traditions of the Department as depth of knowledge and coherence of ideas, methodological clarity and dialogue, holistic view of the issue and using problem solving in teaching, and also the joint work of professors and students in the way of perceiving the truth.

According to the author the 50th anniversary of the Department of Psychology is an occasion to both recall the path members of the Department went over the years, including several epochs, and to outline the prospects for further development. Considerable attention is paid to the personality of G.M. Andreeva, who is a gifted teacher, a brilliant scholar, and one of the founders of social psychology in the Russia. Particular attention is drawn to Galina Andreeva collecting the brightest staff of the Chair of Social Psychology, whose key feature was involvement in both the scientific and also collective life of the Department, which contributed to the development of the new important branch of psychology. The author also singles out the figure of the wonderful teacher L.A. Petrovskaya who encouraged the students to cherish their individuality as she believed it to be the main tool of the professional psychologist. With much gratitude the author recalls tips for organizing the teaching process received from A.U. Kharash.

The paper characterizes the current state and the importance of the Department, and outlines the prospects for further development. In particular, the author speaks of the need for developing student personal involvement in professional activities, and also of creating favourable conditions at the Department for a student successful transition from training to real life.

Keywords: history of psychology, social psychology, G.M. Andreeva, Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology, Higher School.

50-летний юбилей – хороший повод вспомнить тот путь, который прошел факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова за эти годы, вместившие несколько эпох, и наметить перспективы его дальнейшего развития в постоянно меняющемся мире. Факультет продолжает готовить специалистов-психологов по принципу «три в одном» – исследователей, преподавателей и практиков. В последние годы к факультету стали проявлять большой интерес практики, работающие в различных областях менеджмента (управление персоналом, маркетинг, реклама, бизнес-тренинг, стратегический ребрендинг и т.д.). Психологию стали воспринимать как массовую профессию (по типу практической педагогики). Она приобрела новые возможности для собственного развития – выход из кабинетов и лабораторий в реальную жизнь. При этом, однако, возникла иллюзия, что психология может то же, что и люди, считающие себя психологами. Практико-ориентированная перспектива развития психологии требует все большей междисциплинарности научного знания, что ведет к потере самобытности, чистоты языка и забвению традиционных школ. Психологи же постепенно превращаются в «свободных художников», определяющих самостоятельную профессиональную карьеру и методологические пристрастия.

Интерес к выпускникам-психологам МГУ связан, прежде всего, с тем, что в традициях факультета – основательность и обоснованность, методическая ясность и диалогичность, целостный взгляд на проблему и проблемная ориентация в обучении. Немаловажную роль в том, что факультет продолжает лидировать, играет «дух» факультета: профессора и студенты посвящают себя совместному творчеству на пути постижения истины.

Вспоминаю тех, кто создавал и подерживал эти традиции и этот «дух». Здесь важны не только жизнь и творчество отдельных специалистов, но и те продолжения, которые и создают основу будущего. Начну с Учителя – Галины Михайловны Андреевой.

Г.М. Андреева была личностью многогранной: ученый, и поэт, учитель, и общественный деятель. Но главное – социальный психолог. В 1977 году, когда мы – выпускники факультета психологии МГУ получали дипломы из рук А.Н. Леонтьева, Г.М. Андреева особым образом напутствовала нас. Она сказала: «Помните, что вы – социальные психологи, а следовательно, вам предстоит каждым своим поступком демонстрировать окружающим, что значит быть социально адекватным и компетентным человеком». Она сама постоянно показывала нам, что значит быть включенным в социальный контекст. К 25-летию кафедры социальной психологии мне посчастливилось «положить на музыку» любимую всеми нами «Балладу выпускника кафедры», автором которой является Г.М. Андреева. А там есть потрясающие строки, которые могли бы стать гимном для любого практического психолога:

«Пик твоего самосознания наступит в тот святой момент,

Когда поймешь других желанья, как будто сам ты свой клиент».

Общаться с Галиной Михайловной (ГМ) было отдельным удовольствием. Мой первый разговор с ней состоялся весной 1977 года. Я – студент 5 курса, обращаюсь по телефону к Великой ГМ с просьбой. В тот момент я никак физически не мог найти своего научного руководителя, с которым хотел обсудить итоговую версию диплома. Но как об этом сказать заведующей кафедрой, на которой я учусь... Деваться было некуда

и я начинаю разговор со слов «Галина Михайловна, у меня есть курьезный случай, похожий на анекдот. О том, как студент не может найти своего научного руководителя». И делаю паузу. На том конце провода тоже пауза, а затем вопрос: «И чем же этот анекдот заканчивается? Раз анекдот, значит, у него веселый конец». – То ли спрашивает, то ли утверждает ГМ. И тоже пауза. Я отвечаю: «Все зависит от того, чем дело кончится. В смысле, защиты диплома». Она: «А при чем здесь научный руководитель? Вы разве не можете сами написать диплом?». Здесь я в конец опешил и что-то пробормотал еле выразительное. Типа, дескать, конечно, могу, но все же. И вдруг совсем неожиданно: «А вы разве не планируете поступать в аспирантуру?». Про аспирантуру я слышу впервые. И это вообще другая тема. Что делать сейчас? Я пробормотал: «Пока еще не думал об этом». «А вы подумайте» – услышал я и понял, что разговор закончен. И только тут я понял, что все либо пропало окончательно, либо я сейчас соберусь и все сделаю. Это был первый урок. Со временем я понял, что с ГМ всегда так: все начинается с первого («все окончательно пропало»), а заканчивается вторым («сейчас соберусь и все сделаю»).

Аспирантские годы под научным руководством Г.М. Андреевой были для меня сплошным праздником. Если бы не заседания кафедры через вторник и вторники между ними («междвторники», которые в народе получили название «междусобойчики» поскольку в отличие от заседаний не предполагали формальной повестки дня), то известная фраза тех лет «Спасибо партии родной за трехгодичный выходной» звучали бы совсем про меня. Посудите сами. Каждое заседание кафедры – это интеллектуальное шоу под руководством ГМ. К нам приходили практически все знаменитости того времени. Впервые с идеей иной интерпретации феномена конформности именно у нас выступил академик А.В. Петровский. Именно в дискуссии по этому (я считаю историческому) докладу прозвучали ставшие теперь знаменитыми метафоры, используемые в социально-психологическом тренинге (СПТ). Артур Владимирович высказал сомнение по поводу целесообразности таких методов воздействия как СПТ, аргу-

Тахир Юсупович Базаров –

доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель руководителя филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте.
E-mail: tbazarov@mail.ru

ментуруя это словом «стриптиз». На что сидевшие в аудитории Л.А. Петровская и А.У. Хараш в один голос возразили, что тренинг это не «стриптиз», а «баня», в которой нет деления на тех, кто раздевается и тех, кто наблюдает. Раздеваются все! Вот такую атмосферу открытости и творчества могла создавать ГМ на, казалось бы, обычных заседаниях кафедры.

Конечно, никто не отменял рутинности и отчетности. Так, к ежегодной аттестации каждому аспиранту нужно было представить библиографию по теме диссертации. Я и сам вижу, что список маловат, но, тем не менее, предлагаю его утвердить. ГМ легко подписывает и приговаривает «Ничего страшного, что маловат, пока я подписываю, увидели свет еще сотня новых статей и десяток книжек. Вы думаете, можно раз и навсегда составить библиографию? Лично у меня это ни разу не получилось. Видно, это занятие на всю жизнь».

Должен признаться, что в те времена Галина Михайловна была так загружена и перегружена, что встретиться с ней, чтобы обсудить диссертационную работу было очень непросто. Но оставалась возможность общаться через тексты, которые я ей приносил. Конечно, все было аккуратно напечатано на машинке, хотя и представляло собой «поток аспирантского сознания». Строгость работы с текстами предполагала наличие у рукописи какого-нибудь названия. Таков и был первый вопрос ГМ, когда она увидела принесенные мной листы. Не умея категоризовать свой «поток» тематически, я сказал «Это нечто». ГМ посмотрела на меня внимательно и попросила ручкой сверху это написать. Я так и сделал. При следующей встрече в обмен на первый фрагмент я принес второй. ГМ посмотрела и говорит: «А это что у вас. Нечто «номер ту»?». Вот так мы и обменивались этими «нечтami» пока не стал прорисовываться контур работы. Но самое важное, как ГМ работала с самими текстами. Для меня это была самая настоящая наука. Зелеными чернилами она не то чтобы правила текст. Она работала как скульптор, отсекая лишнее. Порой казалось, что она рассуждает «поверх текста» и иногда не может найти ответ на свои вопросы. Но делает это так, что мне самому становилось интересным найти этот ответ. Непередаваемые ощущения.

Вспоминается еще один разговор по телефону. Относительно недавний. Мне очень хотелось, чтобы ГМ повторила свою поездку в Ташкент после 40-летнего перерыва. Но на этот раз к студентам филиала МГУ. Я прекрасно понимал, что уговорить ГМ будет трудно, но уж очень хотелось. Да и специализация у студентов филиала – социальная психология. Как это они не услышат ГМ? Мне даже не хотелось об этом думать. Разговор о Ташкенте проходил в несколько «раундов». Запечатлелся один из эпизодов, по-моему, очень характерный для понимания того, насколько ГМ восприимчива к метафорам. Об этом стоит сказать особо, поскольку все мы знаем, что она в своей речи всегда предельно строга и катастрофически точна. Но может быть не всем удавалось заметить, насколько ГМ удивительно легко схватывает метафоры. Так вот, разговор касался моей очередной поездки в Ташкент. ГМ спросила о Ташкенте, какие, мол, изменения и плавно перевела разговор в сторону филиала с явным желанием понять «в чем изюм» проекта. Я стал рассказывать о моем понимании подхода к работе филиала и, подхватив «изюм», высказал идею о том, что для хорошего вина нужен хороший виноград: этим и объясняется технология построения вступительных испытаний. Но дальше нужно предусмотреть вовлечение в процесс исключительных преподавателей («виноделов»). И самое главное, что пришлось решать параллельно – это поиск и привлечение работодателей («знатоков вина»). Получается, подытожил я, нужны все три компонента, чтобы вино получилось хорошим. ГМ выслушала мое красочное повествование, не прерывая ни разу, и вдруг спрашивает: «А вы не думали о том, чтобы обратить внимание на черенки?» С тех пор мы после зачисления первокурсников стараемся направлять благодарственные письма в адрес директоров школ, где обучались абитуриенты, и, если получается, то и их родителям.

Именно ГМ собрала абсолютно «звездный» состав кафедры социальной психологии. И думается, что ключевой характеристикой кафедры как «коллективного субъекта» была вовлеченность каждого не только в научную, но и в кол-

лективную жизнь. По традициям, лежавшим в основе этой жизни, легко было понять, что у вовлеченности, как минимум, две стороны. Первая – это увлеченность самих участников и, вторая, – привлекательность (на грани заразительности) для других.

И здесь невозможно не вспомнить профессора Ларису Андреевну Петровскую. Если ГМ демонстрировала точность гуманитарного знания и восторженность его в социальный контекст, то Лариса Петровская каждый день заражала окружающих принципом: «То, как мы учим, и есть то, чему мы учим». Обращаясь к окружающим, она призывала оттачивать свою индивидуальность, поскольку это и есть главный инструмент профессионального психолога и, обращаясь к студентам, часто говорила: «Если вы глубинно переживаете ощущение своей уникальности, вы будете глубоко счастливы. Прелесть каждого из нас в уникальности». Традиционное противоречие, что важнее обучать или воспитывать, снималось за счет реализации принципа образовывания, где, по утверждению Петровской, критерием здоровых отношений (в том числе между профессором и студентами) признавалось «развиваться самому, тем самым создавая предпосылки для развития партнера». От этих слов легко плавно перейти к Адольфу Ульяновичу Харашу.

Сегодня я с огромной благодарностью вспоминаю те советы, которые получил от А.У. Хараша, приступая к преподаванию в начале 1980-х. Когда мне предложили заняться преподаванием, я ему позвонил и сообщил об этом. Он сказал: «Ты можешь этим заняться, если хочешь. В преподавательском деле есть несколько важных секретов, которые ты и сам со временем откроешь для себя. Скажу лишь

Г.М. Андреева

о двух вещах, которые считаю важными для начинающего преподавателя. Первое. Всегда ориентируйся на «парня», который сидит на галерке. Он есть главный твой оппонент и лучший партнер. Если он заснул, то тебе нужно что-то делать со своей лекцией. Но, ни в коем случае не одергивать его окриком. Сделай что-нибудь такое, чтобы он проснулся и был с тобой до конца. Второе. Как понять разницу между эффективной и эффектной лекцией? Если студенты, выходя после лекции, говорят «Какой классный у нас был лектор!», то это эффектно. Ты спросишь, что же тогда эффективно? Так вот эффективно, когда люди после встречи с тобой, уходят с мыслью «Какие мы классные!». Для меня и сегодня эти советы актуальны. Со временем они превратились в еще одно понимание глубокого принципа нашей каферы: «То, как мы учим, и есть то, чему мы учим».

Факультет психологии МГУ – общенациональная ценность России. И дело здесь не только в очевидных вещах, которые составляют основу для статистики. Сколько издано книг и учебников, написано статей или представлено пленарных докладов на самом высоком «конференционном» уровне. Статистикой трудно охватить, сколько ключевых курсов по различным психологическим дисциплинам в других вузах страны читают наши профессора. И уж совсем не поддается точному учету тот факт, что наши выпускники, где бы они не работали, в большинстве своем отличаются образованностью и высоким профессиональным потенциалом.

Я бы сказал, что конечная точка, к которой должен стремиться студент нашего факультета, находится далеко за пределами 5–6 лет обучения: это своеобразная «социальная режиссура» – по-

Адольф Ульянович Хараш и студенты факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

нимание того, как строится драматургия организационной жизни. Ведь по сути никого не интересует, какие ты сдавал экзамены, – интересно только то, что ты можешь сделать в реальности. Отличие наших выпускников в том, что факультет психологии МГУ не учит какой-то конкретной профессии, а дает профессиональное образование, благодаря которому выпускник легко овладевает имеющимися профессиями и даже способен строить свою профессиональную карьеру самостоятельно. В начале 1990-х не было такого HR, такого профессионального маркетинга, которые есть сейчас. И именно на нашем факультете зародилась традиция проведения ассесмент-центров и фокус-групп. Прежде всего, это осуществлялось за счет методологии.

Ценность факультета в том, что он открыт к диалогу и сотрудничеству со всеми, кому дороги судьбы отечественной психологии. Он по внутреннему самоощущению и культурной принадлежности не может не являться стандартом

научной честности, даже если для этого потребуются перейти от саморефлексии к самокритике и дальше – к самоочищению. Сегодня даже при достаточно хорошей методической и теоретической подготовке нашим выпускникам необходимо развивать организационную и социальную компетентности. С одной стороны, выпускникам важно уметь самостоятельно что-то организовать, а с другой – глубже и реалистично понимать, как построена взрослая жизнь: в чем состоит дипломатия отношений между собственниками и наемным персоналом, например. Конечно, такая инфантильность проходит со временем сама, но можно создать что-то на факультете, чтобы помочь студентам преодолеть подобные проблемы: увеличить часы ролевых игр, имитирующих реальность, или вернуться к созданию проектных групп. Главное, чтобы им самим была интересна эта деятельность, потому что личная вовлеченность – необходимая составляющая в любом деле, а в нашей профессии – особенно.

Блуждание в трех соснах, или Тоска по личности (Из личного архива В.П. Зинченко)

В.П. Зинченко

Доктор психологических наук, профессор

Поступила 3 сентября 2016/ Принята к публикации: 10 сентября 2016

Nostalgia for a Personality: roaming like a babe in the woods (From personal archive V.P. Zinchenko)

Vladimir P. Zinchenko
Doctor of Psychology, Professor

Received September 3, 2016 / Accepted for publication: September 10, 2016

В статье анализируются многозначные психологические термины: «субъект», «индивид», «личность» и образуемые из них синкреты, например, «личностный субъект», «субъектность личности», «мультисубъектность личности», «личность – атрибут субъекта», «личность индивида» и т.п. Автор пишет, что он, не претендуя на исчерпывающее раскрытие внутренней формы соответствующего слова, попытается выразить свое отношение к подобным синкретам и свое видение взаимоотношений между реальностями, скрытыми за терминами «субъект», «индивид», «личность». При этом он опирается на более ранние культурные традиции их понимания и использования.

Реконструируется трактовка этих терминов Г.Г. Шпетом, М. Хайдеггером, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, А.Н. Леонтьевым и др. Автор утверждает, что ему не удалось найти в работах рассмотренных им авторов сколько-нибудь содержательных связей между понятиями «субъект» и «личность». Да и само понятие «субъект» в них используется настолько широко, что его содержание близко к нулю. Подчеркивается сложность постижения субъекта, приводятся свидетельства этой сложности, которые автор находит в работах ведущих философов и психологов, занимавшихся данной проблемой. В итоге автор пишет, что анализ различных форм рефлексивности и, собственно, лежащих в их основании практик – это, возможно, и есть теория психологии субъекта, если таковая возможна. Второй член рассматриваемой триады – индивид или индивидуальность, представляет собой и объект, и предмет, и цель бесконечного числа исследований. При этом понятия «субъект» и «личность» не конгруэнтны понятию «индивид», хотя многие попытки определить или охарактеризовать личность отталкиваются именно от индивидуальности. Феномен личности довольно поздний результат человеческого развития.

Автор утверждает, что очевидной, реальной проблемой психологии является наше среднее звено – индивид или индивидуальность. От нее возможны два пути: вниз – к субъекту – функции или к коллекции (коллективу) функций, к подлежащему. И путь вверх – к личности, к коллективу переживаний, к духовности и свободе. Однако выбор не всегда за человеком, но и преуменьшать его стремлений к пределу самопостроения не следует.

Ключевые слова: психология, субъект, индивид, индивидуальность, личность

The paper analyses such polysemantic terms as "subject", "individual", "personality", and which form sincretic notions, e.g. "subjectivity of personality", "multisubjectivity of personality", etc.

The author claims that he was unable to find in the works of other authors meaningful connections between the concepts of «subject» and «personality». The concept of «subject» is used in such a wide meaning that its content potential is close to zero. It highlights the complexity of understanding the subject, and provides evidence of the difficulties that the author finds in the works of the leading philosophers and psychologists who are concerned with the issue of personality. As a result, the author concludes that the analysis of the different forms of reflexivity and, their base practices are the theory of psychology of the subject.

The second term of the triad – the individual or the individuality, is both the subject and the subject matter and objective of an infinite number of studies. At the same time the concepts of «subject» and «personality» are not congruent to the concept of «individual», although many attempts to define or describe the personality are repelled by the notion of individual. The phenomenon of personality expresses a rather late result of human development.

The interpretation of these terms by G.G. Shpet, S.L. Rubinshtein, B.M. Teplov, A.N. Leontiev, etc. is refurbished. The author believes the main issue of psychological research is personality. On the ontological plane, there are two notions of personality: down – to the subject – to a function or a collection of functions; and up – to the personality – to an ideal, to the limit of self-construction, to spirituality and freedom.

Key words: psychology, subject, individual, individuality, personality

Психология, несомненно, относится к циклу наук о человеке, хотя слово «человек» в психологических текстах встречается не часто. Особенно в сравнении со словами «субъект», «индивид», «личность». В этом нет большой беды, когда слова употребляются на своем месте, в уместном контексте, что, к сожалению, бывает далеко не всегда. В последние десятилетия из этой триады на первый план выходит слово «субъект», а слова «индивид» и «личность», «я» оказываются в его тени. Возможно, ощущая некоторый когнитивный диссонанс, ряд авторов, не определяя члены пар или триад, образуют из них синкреты, якобы проясняющие предмет их размышлений или исследований. Подобных словосочетаний множество: «личностный субъект», «субъект-

ния одного слова другим. Второй путь, на мой взгляд, лишь затрудняет понимание, так как за каждым членом триады тянется шлейф его культурных значений и смыслов, скрытых во внутренней форме соответствующего слова. Не претендуя на ее исчерпывающее раскрытие, попытаюсь выразить свое отношение к подобным синкретам и свое видение взаимоотношений между реальностями, скрытыми за терминами «субъект», «индивид», «личность». При этом я буду опираться на более ранние культурные традиции их понимания и использования.

Начну с заимствованного из философии понятия «субъект». В философии оно вполне содержательно и дифференцировано: эмпирический, конкретный, индивидуальный, коллективный, синергетический, общественный, этический,

Злоупотребление словом «субъект» в психологическом контексте говорит о нечувствительности к языку. Бессовестный, бездушный субъект – это отвратительно, но, к сожалению, привычно. А совестливый, душевный, одухотворенный субъект – смешно и грустно. Даже «умный субъект» звучит издевательски

ность личности», «мультисубъектность личности», «личность – атрибут субъекта», «личность индивида», «индивидуальность личности как субъекта» жизни, познания, чувства и т.п. На этом фоне значительно понятнее звучат, видимо не без иронии и шарма, предложенные термины: В.С. Библер – «многаяность», М. Пруст – «роистое Я», В.А. Петровский – «единомножие Я». Мне трудно судить о мотивах образования подобных странных синкретов. Может быть причиной является, опять таки, ощутимая авторами несамодостаточность каждого отдельного члена этой триады. Чтобы ее компенсировать, идут не по трудному пути превращения слова в понятие, а по пути как бы разъясняющего дополне-

эстетический, трансцендентальный, абсолютный и даже X субъект. Психологи используют это понятие как нечто само собой разумеющееся, не раскрывая его содержания. Словосочетания «личностный субъект», «субъектность личности» не безобидны. Их принятие, конечно, существенно облегчает работу психолога, поскольку деиндивидуализирует и обезличивает личность, освобождает его от работы с реальным человеком, заменяет ее игрой со словами «субъект» и «личность». Спору нет – индивидуальность сложна, уникальна, неповторима, а субъект прост, он знак того, что, например, такие акты как познание, чувство, воля не витают в воздухе, а к чему-то (кому-то?) привязаны. Раньше они признава-

лись атрибутами души, а потом, когда от нее отказались, их приписали в качестве функций неопределенному психологическому субъекту. Это произошло не вчера и даже не позавчера. В 1922 г. Г.Г. Шпет в контексте размышлений о соответствии логических и онтологических форм слова язвительно писал, что учителям грамматики не до шуток, «когда из под масок логических и грамматических субъектов начнут вылезать рогатые рожи еще и психологических субъектов, которых здоровые и трезвые люди никогда и не видели, ни во сне, ни наяву. Психологический субъект без вида на жительство и без физиологического организма есть просто выходец из неизвестного нам света, где субъекты не живут и физиологических функций не отправляют».

Психологического в таком субъекте – одно наваждение и стоит его принять за всамделишного, он непременно втащит за собой еще большее диво – психологическое сказуемое!» (Шпет, 1989, С. 401). Предваряя дальнейшее, скажу, что злоупотребление словом «субъект» в психологическом контексте говорит о нечувствительности к языку. Бессовестный, бездушный субъект – это отвратительно, но, к сожалению, привычно. А совестливый, душевный, одухотворенный субъект – смешно и грустно. Даже «умный субъект» звучит издевательски. Не уверен, читали ли классики отечественной психологии С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, В.Д. Небылицын «Эстетические фрагменты» Г.Г. Шпета, откуда взята эта выписка. Но они не злоупотребляли понятием «субъект» за пределами философской субъект-объектной парадигмы. В психологическом же контексте им достаточно было пары «индивид – личность», или – другой триады: «организм – индивид – личность».

Поскольку положение о субъектности психики, личности приписывается (или вчитывается) С.Л. Рубинштейну, с него и начну. В фундаментальном, изданном 70 лет тому назад и поныне лучшим в нашей стране учебнике «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна термин «субъект» встречается крайне редко, да и то в сочетании со словом «индивид». Учебник начинается с того, что психология изучает наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения,

Владимир Петрович Зинченко (1931–2014) – выдающийся российский психолог, специалист в области общей, когнитивной, инженерной и экспериментальной психологии, эргономике, теории и методологии психологии, психологии развития. Один из создателей инженерной психологии и эргономики в России.
E-mail: zinchr@yandex.ru (адрес архива автора)

желания. Принадлежность индивиду, их испытывающему, субъекту – первая характерная особенность всего психического (Рубинштейн, 1989, Т. 1, С. 12). Далее о субъекте забывается, и речь идет об индивиду и человеке. С.Л. Рубинштейн человеческими словами писал и о задачах изучения психологии человеческой деятельности. Он предупреждал, что нельзя «отождествлять деятельность человека в подлинном специфическом смысле этого слова с активностью субъекта вообще» (там же, С. 206). На следующей странице автор не чурается слова «субъект», но вновь в паре с индивидуом: «...всякое действие и всякая деятельность психического предполагают действующего индивида, субъекта этой деятельности. Сам этот субъект и его психологические свойства проявляются и формируются в деятельности. От изучения психологии деятельности мы переходим к изучению психологических свойств личности», а вовсе не субъекта. Важен общий вывод: «В итоге система психологии включает помимо общего учения о психике, о сознании и самосознании, учение:

- 1) о психофизических функциях,
- 2) о психических процессах,
- 3) о психическом строении деятельности,
- 4) о психических свойствах личности» (там же, С. 206).

Когда С.Л. Рубинштейн ведет разговор о личности, он совершенно недвусмысленно указывает на зависимость психических процессов от личности как индивидуальности, о том, что они протекают в личности (Рубинштейн, 1989, Т. 2, С. 95), что они суть проявления личности, что вся психология (в его трактовке) есть психология личности (там же, С. 96).

Таким образом, мы смело можем назвать концепцию «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейна (по крайней мере, в ее замысле) личностноориентированной, а вовсе не субъектоориентированной. То же можно сказать о философской психологии С.Л. Рубинштейна, которая наиболее ярко выражена в его книгах «Бытие и сознание» и «Человек и мир». В первой книге понятие «субъект» встречается лишь в контексте философской парадигмы «субъект – объект». Во второй есть небольшой специальный раздел «Человек как субъект жизни». Но и здесь автор не отпускает «субъекта»

в самостоятельное плавание, а лишь в паре с «человеком». Понятие «субъект» понадобилось С.Л. Рубинштейну в контексте описания особого способа жизни, «когда возникает необходимость создания концепции жизни субъекта, человека, из которой уже вытекало бы естественное, закономерное такое или иное отношение к жизни и смерти» (Рубинштейн, 1957, С. 352). В целом и философская психология, развивавшаяся С.Л. Рубинштейном, не субъектоцентрированная, а человекоцентрированная. Обсуждая теоретические вопросы психологии и проблему личности, С.Л. Рубинштейн недвусмысленно говорил о том, что понятие личности не может быть сведено к понятию субъекта даже в узком специфическом смысле слова – в смысле Я» (Рубинштейн, 1973, С. 246). Автор, конечно, связывает личность и индивида, но при этом подчеркивает, что индивидуальные свойства личности – это не одно и то же, что личностные свойства индивида, т.е. свойства, характеризующие его как личность (там же, С. 243). Таким образом, С.Л. Рубинштейн еще больше отделяет личность от субъекта.

Замечу, что пары «индивид – субъект», «человек – субъект», «личность – субъект» у С.Л. Рубинштейна встречаются, хотя и редко. Поэтому для меня остаются загадочными ссылки на С.Л. Рубинштейна в связи с приведенными выше лингвистическими монстрами: «субъектность личности», «личностный субъект». Не нашел я оснований и для приписывания ему «субъектно-деятельностной теории». Он, действительно, рассматривал субъекта в качестве «внутреннего условия деятельности», но сама деятельность при этом характеризовалась как человеческая или психическая. С.Л. Рубинштейн специально подчеркивает философский, а не психологический смысл используемого им понятия субъект: «Должен быть поставлен еще один вопрос: кто субъект сущностных определений сущего, субъект мыслящего сознания. В этом субъекте *погашена индивидуальная особенность* того или иного «я»; он – «я» вообще в его всеобщности, по отношению к которому единичные «я» – это переменные, которые вставляются в общую формулу. В нее может быть вставлено любое «я» (как это, так и то, как мое, так и другое), но нель-

зя не подставить никакого» (Рубинштейн, 1973). Не это ли погашение индивидуальности, ее опустошение привлекает апологетов «субъектоцентрированного» подхода. Можно вовсе не задумываться, в отличие от С.Л. Рубинштейна, что понимать под «я», «другой», «мы», «индивид», «личность». Достаточно и того, что все они субъекты, которые выполняют некие функции и нечто репрезентируют, а большего от них не требуется. Здесь я не стану излагать философские размышления о сознании «без собственника», о «ничем сознании» в трактовке В.С. Соловьева, Г.П. Шпета, как и идеи о «сфере сознания» М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, в которой тоже нет места трансцендентальному субъекту. Психологию все же волнуют проблемы индивидуального или личного сознания.

Пожалуй, решающим аргументом против приписывания С.Л. Рубинштейну любых версий «субъектоцентрированной» психологии является именно его последняя книга «Человек и мир», в которой он практически отказался от субъект-объектной парадигмы. Оппозиция «человек – мир» более психологична (и человечна) по сравнению с оппозицией «субъект – объект», что превосходно показано А.С. Арсеньевым в его давних публикациях в журнале «Вопросы философии» и в его книге, посвященной пониманию личности. В ней автор так характеризует позицию С.Л. Рубинштейна: «Человек для него не гносеологический субъект, а онтологическая реальность, определяющаяся в своем бесконечном отношении к миру не только бесконечным будущим, но в индивидуальной, личностной форме несущая эту бесконечность, а следовательно, и источник нравственности непосредственно и актуально «здесь и теперь». И именно эта актуальность распаивает перед ним непосредственно (то есть, минуя все опосредующие звенья, все случайное и преходящее) бесконечное богатство, полноту и мудрость человека и мира в их целостности и уникальной неповторимости каждого момента жизни» (Арсеньев, 2001, С. 293). Значение непосредственной презентации мира для человеческой жизни и деятельности – это сюжет Э. Гуссерля, Г.П. Шпета, М. Хайдеггера, А.С. Арсеньева, В.В. Бибикина, которые они, каждый по-своему, освещали.

Не прошел мимо него и С.Л. Рубинштейн. Его продолжение должно сыграть важную роль для развития психологии (Зинченко, 2009).

Обратимся к Б.М. Теплову как Мастеру изучения индивидуальности. В его тезаурусе вообще отсутствует термин «субъект». Не слишком часто встречается и слово «личность». Хотя Б.М. Теплов сетовал на то, что недостаточная разработанность психологии личности мешает изучению психологии индивидуальности, сам он не спешил восполнить этот пробел. Он не был тороплив и считал, что и на пути к пониманию личности нельзя избегать изучения индивидуальности: «Применение к жизни общих психологических закономерностей всегда должно опосредствоваться знанием ин-

ответствии индивидуальных вариаций некоторых физиологических функций индивидуальной динамике психической деятельности. Ученик и сотрудник Б.М. Теплова – В.Д. Небылицын, завершая книгу, посвященную изучению индивидуально-типологических свойств нервной системы, писал о том, что еще только предстоит сделать решающий шаг «в сторону создания унитарной теории природных факторов личности, объясняющее все неисчислимое многообразие индивидуальных картин поведения с его динамической стороны» (Небылицын, 1966, С. 348). Более близким он считал решение перевода проблемы свойств нервной системы в ее индивидуально-поведенческом выражении в плане проблемы факторов оперативной надежности

сти, предложенном В.С. Мерлиным, слово «субъект» отсутствует: «Психология личности изучает систему таких психических свойств, которые определяют активными высокообобщенными, относительно-устойчивыми отношениями и постоянными отношениями личности к объективным сторонам деятельности. Это свойства, проявляемые в общественно-значимых действиях и поступках, имеющие положительную или отрицательную социально-нравственную ценность, характеризующие социальный тип сознания и его индивидуальное своеобразие» (Мерлин, 1996, С. 245).

Позднее В.С. Мерлин постепенно расширял предмет психологии личности, включал в него особенности индивидуальности и стиля ее деятельности, особенно подчеркивал влияние на личность свойств темперамента. От него «досталось» С.Л. Рубинштейну и А.Н. Леонтьеву за то, что они в своих спорах о том, действует ли «внешнее через внутренние условия» или «внутреннее через внешние» оба игнорировали индивидуальный стиль деятельности. На самом деле бывает всякое: и внешнее действует через внутреннее и внутреннее действует через внешнее. Значительно более интересным и важным является соотношение суггестивных сил внешнего и сопротивляемость внутреннему давлению первых. Подобная сопротивляемость может характеризовать меру автономности мышления человека, силу или слабость духа, что, разумеется, сказывается на индивидуальном стиле его поведения и деятельности. Когда же внутреннее действует вопреки обстоятельствам, оно само неминуемо становится внешним. В.С. Мерлин укорял также Б.М. Теплова и В.Д. Небылицына за то, что они в своих размышлениях о личности игнорировали темперамент. Они не столько игнорировали, сколько проявляли научную осторожность, понимая, что такая популярная психологическая категория, как темперамент, имеет достаточно путаную структуру, с его основными типами и вариациями. Они воздерживались также от установления сколько-нибудь прямых связей между типами нервной системы и одаренностью и способностями человека. Впрочем, это не мешало Б.М. Теплову глубоко анализировать музыкальные способности, ум

Значительно более интересным и важным является соотношение суггестивных сил внешнего и сопротивляемость внутреннему давлению первых. Подобная сопротивляемость может характеризовать меру автономности мышления человека, силу или слабость духа, что, разумеется, сказывается на индивидуальном стиле его поведения и деятельности. Когда же внутреннее действует вопреки обстоятельствам, оно само неминуемо становится внешним

дивидуальных различий. Без этого общие психологические закономерности становятся столь абстрактными, что их практическая ценность становится сомнительной. Резкое отставание научной разработки вопросов индивидуальных различий, по глубокому убеждению автора, мешает психологии завоевать себе прочное признание как науки, действительно необходимой для всех тех областей практики, которые имеют дело с психической деятельностью людей» (Теплов, 1961, С. 5). Эти слова, написанные около полувека тому назад, справедливы и сегодня. Анализ индивидуальности, ее способностей и одаренности приводил Б.М. Теплова к размышлениям о таких свойствах личности, как узость или широта ее направленности («одновершинная» и «двухвершинная» личность). Он писал о «многосторонности таланта», о сложности и широте одаренности того или иного лица, о наличии некоторых общих моментов одаренности, имеющих значение для разных видов деятельности.

Вместе с тем, Б.М. Теплов и вся его научная школа чрезвычайно осторожно подходили к вопросу о возможном со-

человека, сталкивающегося с экстремальной ситуацией и решающего в условиях значительной напряженности достаточно сложные и ответственные задачи (там же, С. 349). В обыденных ситуациях, по мнению В.Д. Небылицына, прямое проявление свойств нервной системы в динамике поведения является, скорее, исключением, чем правилом. Динамическая сторона (темп и интенсивность) человеческих реакций и поступков в значительной степени обусловлена воспитательными влияниями и регулирующими воздействиями социального окружения. Между прочим, С.Л. Рубинштейн более оптимистически оценивал возможность включения типологических свойств нервной системы в качестве компонента внутренних условий поведения личности.

В.С. Мерлин начинал свою программу исследований интегральной индивидуальности с экспериментальной психологии личности. Он использовал понятие «субъект трудовой деятельности», но предпочитал ему понятие А.Д. Лазурского «активный деятель». В определении предмета психологии лично-

и личность полководцев, противоречия в личности Сальери и т.д.

Интересно обсуждаемая триада выступает у А.Н. Леонтьева. В своем самосознании он был создателем марксистской психологии (которую, по словам Б.М. Теплова, вообще нельзя создать) и, разумеется, не мог обойтись без понятия «субъект». Однако, он использовал это слово вполне двусмысленно. Вначале субъект выступает как субъект деятельности. Вместе с тем, «до выяснения важнейших моментов, образующих процесс деятельности, субъект остается как бы за пределами исследования» (Леонтьев, 1983, Т.2, С. 186). Это положение похоже на «погашенную в субъекте индивидуальность», о чем писал С.Л. Рубинштейн. Другими словами, субъект, с психологической точки зрения, остается пустым. Лишь выяснение «моментов» процесса деятельности «приводит к необходимости ввести понятие о конкретном субъекте, о личности, как о внутреннем моменте деятельности. Категория деятельности открывается теперь в своей действительной полноте, в качестве объемлющей оба полюса – и полюс объекта, и полюс субъекта» (там же). Не является ли инкапсуляция то ли субъекта, то ли личности в деятельность в качестве ее внутреннего момента (А.Н. Леонтьев) или даже как воедино связанной совокупности внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия (С.Л. Рубинштейн), печальной данью эпохе, в которую им выпало жить и творить? Ведь это делает личность незримой, чего требовало то время. Эпохе нужна была не личность, а «новый человек». Не осуждая названных ученых, приведу другой взгляд: «Человек живет, пока есть у него внешность. И личность есть внешность. Проблема бессмертия была бы разрешена, если бы была разрешена проблема бессмертного овнешнения» (Шпет, 2007, С. 191). Справедливости ради следует сказать, что С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович говорили, что путь к личности лежит через поступок. Г.Г. Шпет характеризовал поступок как «текст» в отношении к «контексту» личности. Об этом приходится говорить, так как от понимания субъекта и личности лишь как внутренних моментов или условий деятельности недалеко и до утверждения

Г.П. Щедровицкого о «бессубъектности деятельности». Впрочем, такой ее анализ имеет право на существование, как и анализ бессубъектной сферы сознания.

Поскольку А.Н. Леонтьев размышлял в границах субъект-объектной парадигмы, без понятия «субъект» действовать трудно обойтись. Однако, наполнить «конкретного субъекта» конкретным же содержанием, не поставив его рядом с личностью, еще труднее. Надо сказать, к чести А.Н. Леонтьева, он и не делает такой попытки, возможно, сознавая бессмысленность надления субъекта личностными свойствами и качествами. Все же, он использует это понятие, но не как конкретное, а как вполне абстрактное. Разъясняя положение об общественно-исторической сущности личности, он пишет, «что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) лишь как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений. Иначе говоря, в отличие от индивида, личность человека ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается» (Леонтьев, 1983, Т. 2, С. 194–195). Значит, личность – не индивид, как минимум, она возникает, порождается (если порождается?) индивидом. Личностью не рождаются! Но что же представляет собой индивид? И здесь оказывается, что: «Понятие «индивид» выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие уже на ранних ступенях жизни» (там же). Индивид, а следовательно, и конкретный субъект – это продукт биологической эволюции. Значит, конкретный субъект – это и особь, и организм, и индивид, и личность. Самое лучшее, что можно с ним сделать, это согласиться с А. Н. Леонтьевым и оставить такого абстрактного субъекта за пределами исследования. Впрочем, он таки и поступает с субъектом, а заодно и с индивидом, и ведет речь только о личности. Конечно, А.Н. Леонтьев говорит, что особенности индивида, становящегося в своей деятельности личностью, не уничтожаются, а сохраняются, но именно в качестве его особенностей.

Он дает им название «подструктур личности».

Справедливости ради нужно сказать, что, в конце концов, А.Н. Леонтьев, как и С.Л. Рубинштейн, выходит за пределы субъект-объектной парадигмы. Он выделяет «три основных параметра личности: широту связей человека с миром, степень их иерархизованности и общую структуру» (там же, С. 225). Под структурой он понимает «относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизованных мотивационных линий» (там же, С. 224). Пафос размышлений А.Н. Леонтьева состоит в том, что личность «выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь» (там же, С. 225). Не буду воспроизводить следующую далее патетику о «баррикадах» и «полях сражений». Как говорил Венечка Ерофеев в книге «Москва – Петушки»: «Покажите мне на Земле уголок, где не всегда есть место подвигу, и я соглашусь жить вечно.»

От классиков обратимся к более близкому нам времени. В двухтысячные годы начала выходить многотомная хрестоматия («Общая психология. Тексты»), подготовленная психологами МГУ имени М.В. Ломоносова. К моему большому удивлению (и сожалению!) на каждом томе, кроме вводного, написано: «Субъект деятельности», «Субъект познания» и т.д. Эти броские названия, помимо того, что они внушают ложные ожидания, к счастью, совсем не соответствуют содержанию этих томов, о чем прямо говорил инициатор и ответственный редактор всего издания В.В. Петухов. Он действительно начинал свои размышления даже не с триады, а с квадриги: «субъект», «индивид», «индивидуальность», «личность», и предупреждал, что содержание этих терминов часто пересекается, оказывается размытым. Далее он различает в человеке природного, социального и культурного субъектов. Затем, после краткого экскурса в проблематику изучения индивида, личности и «Я», разумно отказывается от понятия «субъект» и предлагает другую триаду: природный организм, социальный индивид, личность. Так мы и будем теперь называть определенных выше субъектов, заключает автор (назвать субъекта личностью, действительно очень легко). Видимо,

основанием отказа от термина «субъект» В.В. Петухову послужили приводимые им различия У. Джеймса: физическое, социальное и духовное Я; различие З. Фрейда: «Оно», «Я» и «Сверх-Я», а возможно и принятое в теологии трехчастное деление человека, которое нередко распространяется на личность: дух, душа, тело. Сложновато представить себе размышления о трехчастном делении субъекта: он, действительно, физиологических функций не отправляет, на души прекрасные порывы не способен, непреклонным духом не обладает. Впрочем, в цитируемой работе В.В. Петухов сам признает, что субъект – это испытуемый в психологической лаборатории, где его

познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект». Статья не содержит упоминаний о «психологическом субъекте», о «личности». Нет о них речи и в книге В.А. Лекторского «Субъект, объект, познание» (Лекторский, 1980).

М. Хайдеггер говорит, что субъект – это *под*-лежащее. Значит, он носитель предметно-практической деятельности, т.е. в определенном смысле – функция деятельности или познания. И в этом смысле субъект вне своих функций бессодержателен и пуст. Субъект – под деятельностью, а личность – над ней. Субъект – носитель, личность – хозяин деятельности. Личность может отказать-

Мне не удалось найти в работах С.Л. Рубинштейна и других рассмотренных выше авторов сколько-нибудь содержательных связей между понятиями «субъект» и «личность». Да и само понятие «субъект» используется настолько широко, что его содержание близко к нулю

изучают и тестируют как чувствующее, реагирующее, запоминающее, думающее устройство. Это означает, что психология имеет дело с субъектом, как со своим объектом. Предметом собственных исследований В.В. Петухов избрал личность: подлинную и мнимую – последняя названа странноватым словом «мничность» (Петухов, 2001, С. 274–284). Но в названии хрестоматии «субъект» остался. Зачем же умножать сущности?

ся от одной деятельности, выбрать или построить другую. К этому различению я вернусь ниже.

Как говорилось выше, в использовании понятия «субъект» нет ничего предосудительного. Другое дело, его уместность в том или ином контексте. Г.Г. Шпет, протестовавший против «психологического субъекта», использует понятие «субъект» в философском и эстетическом контекстах, а главное – дает

В актах творчества субъект выступает как репрезентант, субстрат, «носитель» смысла, идеи, реализатор, агент, в котором они как бы пребывают виртуально. И сам субъект актуален лишь в реализации идеи, становящейся вещью, объектом

Итак, мне не удалось найти в работах С.Л. Рубинштейна и других рассмотренных выше авторов сколько-нибудь содержательных связей между понятиями «субъект» и «личность». Да и само понятие «субъект» используется настолько широко, что его содержание близко к нулю. Почти как у В. Дая: «Субъект – предмет; всякое лицо, вещь, о коих говорится». В.А. Лекторский в статье «Субъект» (Философская энциклопедия, 1970 г.) дает следующее определение: «Субъект (от лат. *subjectus* – лежащий внизу, находящийся в основе, от *sub* – под и *iacio* – бросаю, кладу основание) – носитель предметно-практической деятельности и

ему вполне содержательную характеристику. В завершающей части книги «Внутренняя форма слова» Г.Г. Шпет, вслед за В. Гумбольдтом, обращается к анализу поэтического творчества. Он возражает против трактовки законов творчества как законов душевной жизни творческого субъекта. Он также против понимания субъекта творчества как психологического субъекта: поэтика не есть психология поэтического творчества. Она не является естественной функцией человеческого психофизического организма. Депсихологизация творческого субъекта, по мнению Г.Г. Шпета, позволяет объективно оценивать его роль в актах

творчества и также объективно анализировать культурно-социальные акты труда и творчества: «Мы имеем дело всякий раз не только с реализацией идеи, но также с объективированием субъективного, а вместе, следовательно с субъективированием объективного – в каждом произведении поэзии, как и во всех других областях творчества».

Таким образом, источник из которого мы можем почерпнуть знание субъективности заключается ни в чем ином, как в самом продукте творчества. Нужно найти способы, которыми вскрывалась бы эта субъективность в точном и строгом смысле» (Шпет, 2007, С. 469). В актах творчества субъект выступает как репрезентант, субстрат, «носитель» смысла, идеи, реализатор, агент, в котором они как бы пребывают виртуально. И сам субъект актуален лишь в реализации идеи, становящейся вещью, объектом. Без этого воплощения в культурной реальности субъект лишен своих качеств *sui generis* и принимается как простой объект природы, как задача естественнонаучного изучения Г.Г. Шпет и сам рассматривает субъекта как объект, но объект совершенно специфический, который он называет со-объектом. При этом он ставит задачу путем принципиальной редукции получить чистый не эмпирический предмет исследования. В итоге такой редукции он рассматривает субъекта не как объект вообще, а как субъекта, опосредующего продукт творчества. «Каждый его акт есть, во-первых, его акт, – а не просто интенция в единстве сознания, – и, во-вторых, каждый такой акт ... мы видим, как акт, объективирующий субъекта в процессе реализации объективной идеи, и можем легко убедиться, что все (социальное) содержание субъекта исчерпывается совокупностью его объективаций. Пока мы понимаем последние в смысле отвлеченного естествознания, как причинные эффекты, или как рефлексии, реакции, спонтанные психические процессы и т.п., мы не продвигаемся вперед» (там же, С. 475). Автор неоднократно подчеркивает бесперспективность эмпирического, в частности, психологического, рассмотрения поэтического продукта, так как «оно именно субъекта-то не может вскрыть, ибо естественнонаучное

изучение принципиально не знает субъекта, как субъекта, а знает только объект» (Шпет, 2007, С. 274).

Можно, конечно, возразить Г.Г. Шпету, что психология не естественная, а гуманитарная, даже культурно-историческая, наука, для становления которой Г.Г. Шпет многое сделал. Г.Г. Шпет и сам признает, что в нашем чувстве субъекта, «скрытого» за своей экспрессией, в истолковании этого чувства мы все же под *творческим* субъектом понимаем не отвлеченный или «средний», безличный объект индивидуальной или социальной психологии, как, равным образом, и не объект биографии, а живой *hic et nunc* данный *творческий* лик, в данном (произведении) исчерпывающийся. Как же, например, возможно его представить, мыслить, постигнуть его действительность... Где *persona creans*? Поскольку он не видит других путей к познанию этой субъективности, то предлагает искать их в самом искусстве, внутри него. Когда же речь идет не о безликом субъекте творчества, а об авторе, то Г.Г. Шпет говорит, что его личность выступает как аналогон слова. «Личность есть слово и требует своего понимания. Она имеет свои чувственные, онтические, логические и поэтические формы. Последние конструируются как отношения между экспрессивными формами случайных фактов ее поведения и внутренними формами закономерности ее характера» (там же, С. 286). В этом контексте понятны его утверждения, что личность – это предмет интерпретации, понимания. «Тут имеет место «понимание» совсем особого рода, понимание в своей основе *без понимания – симпатическое понимание*» (там же, С. 212). Подобная психологическая интерпретация личности не может и не должна сводиться к даже содер­жательно рассматриваемому субъекту.

Приведу еще одно свидетельство сложности постижения субъекта. М. Фуко так же, как и Г.Г. Шпет, скептически относился к рассудочно-отвлеченному призыву: «Познай самого себя». В курсе лекций «Герменевтика субъекта» М. Фуко рассматривал этот призыв вместе с другим – с призывом «заботиться о себе». Он следующим образом очерчивает замысел своего курса лекций: «Следовательно, нет смысла выстраивать некую непрерывную историю *gnóthi seauton*,

исходным постулатом которой, тайным или явным, выступала бы какая-то общая, универсально значимая теория субъекта, но, я думаю, надо начинать с аналитики форм рефлексивности, поскольку именно формы рефлексивности конституируют субъекта как такового. Надо, стало быть, начинать с разбора форм рефлексивности, с истории практик, служащих им основанием, чтобы смочь раскрыть смысл – изменчивый, исторический и никак не универсальный – старого традиционного принципа «познай самого себя». Вот каким был задуман в общих чертах этот курс» (Фуко, 2007, С. 502). Анализ различных форм рефлексивности и, собственно, лежащих в их

Понятия «субъект» и «личность» не конгруэнтны понятию «индивид», что, на мой взгляд, не удивительно. Думаю, что они не конгруэнтны не только в статике, но и в динамике. Так или иначе, многие попытки определить или охарактеризовать личность отталкиваются именно от индивидуальности

основании практик – это, видимо, и есть теория культурно-исторической философии, а, возможно, и психологии субъекта, если таковая возможна.

* * *

Второй член рассматриваемой триады – индивид или, если угодно, – индивидуальность, представляет собой и объект, и предмет, и цель бесконечного числа исследований. В.А. Петровский пишет: «Число мыслимых психологических определений этого термина когда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно что-либо поделаться! Каждый по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает» (Петровский, 2009, С. 201). К этому можно добавить, что психологи-носители тех или иных свойств индивидуальности, например, чувствительности, подвижности, силы и т.п. выдают их за главные. Несмотря на хаос существующих и потенциальных определений индивидуальности, которые фиксирует В.А. Петровский, несмотря на множество существующих концепций и моделей индивидуальности, психология знает о ней значительно больше, чем о субъекте и личности. Не только знает, но и кое-что умеет. Во всяком случае, это знание положительное, практически полезное и достаточно широко используемое.

Вновь соглашусь с В.А. Петровским, что понятия «субъект» и «личность» не конгруэнтны понятию «индивид», что, на мой взгляд, не удивительно. Думаю, что они не конгруэнтны не только в статике, но и в динамике. Так или иначе, многие попытки определить или охарактеризовать личность отталкиваются именно от индивидуальности. Г.Г. Шпет говорит, что собственная индивидуальность есть личность. Видимо, это следует понимать так, что это такая индивидуальность, которой ты овладел. А.А. Ухтомский, ссылаясь на Н.Е. Введенского, называет личность функциональным органом индивида, т.е. созданным им новообразованием. Сальвадор Дали гово-

рит, что личность – это избыток (я бы добавил – таинственный) индивидуальности. В свое время П.А. Флоренский ввел тонкое разграничение между индивидом и личностью: «Говорят иногда о «сходстве личностей», это – неточное словоупотребление, так как на самом-то деле при этом разумеется не сходство личностей, а сходство тех или иных свойств их психофизических механизмов, т.е. речь идет о том, что, – хотя и в личности, – но – не личность. Личность же, разумеемая в смысле чистой личности, есть для каждого Я лишь идеал, – предел стремлений и само-построения» (Флоренский, 1990а, С. 79). И далее: «Личный характер личности – это живое единство ее само-созидающей деятельности, творческое выхождение из ее самозамкнутости, или, еще это есть неукладываемость ее ни в какое понятие, поэтому «непонятность» ее и, следовательно, неприемлемость ее для рационализма. Победа над законом тождества – вот, что поднимает личность над безжизненной вещью и делает ее живым центром деятельности. Но понятно, что деятельность, по самому существу ее, для рационализма непостижима, ибо деятельность есть творчество, т.е. прибавление к данности того, что еще не есть данность, и, следовательно, преодоление закона тождества» (там же, С. 80). А раз так, то психология, да и все гума-

нитарное знание, имеют дело не с тождествами, а с различиями, не со статикой, а с динамикой, не со ставшим, а со становлением и его незавершимостью. Не слишком ли это обескураживающие утверждения для тех, кто изучает деятельность и старается вывести из нее личность, которая сама определяет деятельность, хотя бы и в качестве ее внутреннего условия или момента?

Синонимом личности является свобода, которая, согласно М.М. Бахтину, неразрывно связана с чувством вины и ответственностью. Он резонно заметил, что личность не нуждается в экстенсивном раскрытии, она проявляет себя в поступке, в жесте, в слове (а может и утаивать себя)

П.А. Флоренский еще более усиливает приведенное положение, говоря, что личность выходит за пределы всякого понятия, трансцендентна всякому понятию: «Можно лишь создать символ коренной характеристики личности, или же значек, слово, и, не определяя его, ввести формально в систему других слов, и распорядиться так, чтобы оно подлежало общим операциям над символами, «как если бы» было в самом деле знаком понятия. Что же касается содержания этого символа, то оно не может быть рассудочным, но лишь непосредственно переживаемым в опыте само-творчества, в деятельности само-построения личности, в тождестве духовного само-сознания» (там же, С. 83). Выражаясь современным языком, Флоренский утверждает культурно-историческую природу личности и возвышает ее над субъектом: «Итак, познание не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом. В собственном смысле познаваема только личность и только личностью» (там же, С. 74). Личностью личность познаваема, а субъектами, в лучшем случае, распознаваема, если они не опускают ее до своего уровня.

Все же позднее, как бы противореча себе самому, П.А. Флоренский дает ей свое определение. Он рассматривает слова как первичные клетки личности и говорит, что «личность есть не что иное, как агрегат слов, синтезированных в слово слов – имя» (Флоренский, 1990б, С. 271). Это определение соответствует данной им характеристике культуры как среды, растящей и питающей личность.

Напомню, что выше мы уже встречались со шпетовским определением лич-

ности как слова. Об этом же много позже писал Э. Левинас, утверждавший, что лицо есть духовная жизнь – слово. Со всеми этими определениями или характеристиками личности, конечно, можно согласиться, но тайну личности они не раскрывают, что, может быть, и не так плохо: пределы ее развития, самопостроения, равно как и глубины ее падения, остаются неизвестными. Когда-то Б.

Спиноза сказал, что то, на что способно человеческое тело, никто не определил. Не определено и то, на что способны человеческий дух и личность. Поэтому согласимся с А.Ф. Лосевым, писавшим, что слово личность этимологически происходит от лика, а не от личины (маски, куклы и пр.), что личность – чудо, миф, единственность, идеал. Синонимом личности является свобода, которая, согласно М.М. Бахтину, неразрывно связана с чувством вины и ответственностью. Он резонно заметил, что личность не нуждается в экстенсивном раскрытии, она проявляет себя в поступке, в жесте, в слове (а может и утаивать себя). В этом смысле личность, действительно, есть чудо, миф, предмет удивления, восхищения, преклонения, зависти, ненависти, предмет непредвзятого, бескорыстного, понимающего проникновения и художественного изображения во всем многообразии ее индивидуального, культурно-исторического опыта, в том числе опыта не ответного, а ответственного – слова и действия-поступка. Одним словом, личность – это человек исторический. Это не приравнивание личности лишь к исторической личности, а лишь указание на то, что феномен личности довольно поздний результат человеческого развития. Это было убедительно показано В.Н. Топоровым при характеристике образа Энея не только как человека судьбы, но и как личности – человека исторического: «Стоя перед судьбой лицом к лицу (как и перед смертью), Эней выработал новую стратегию поведения, в которой многое, напоминающее традиционные реакции, – не бо-

лее, чем результат омонимии, более или менее легко снимаемой при учете более широкого и сложного контекста, который для Энея был актуален. Выработав эту новую поведенческую стратегию и органично усвоив ее себе, сделав ее своей натурой, Эней тем самым сложил и новый свой «психо-ментальный» тип, обладающий объяснительной силой как в отношении внешних обстоятельств, так и в отношении той модели мира, которая в наибольшей степени адекватна его психо-ментальному типу Энея и – шире – «энеевского» человека, новой стадии в эволюции homo-mediterraneus, обусловившей многие черты более поздних представителей «европейского человечества» (Достоевский)» (Топоров, 1993, С. IV).

С тех пор как появился средиземноморский человек-личность, древнее имя которой – герой (Вяч. Иванов), много воды утекло. В 1922 г. в очерке «Конец романа» О. Манделштам писал: «Ясно, что когда мы вступили в полосу могучих социальных движений, массовых организованных действий, акции личности в истории падают и вместе с ними падают влияние и сила романа, для которого роль личности в истории служит как бы манометром, показывающим давление социальной атмосферы ... Ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз, и законами их деятельности, как столкновением шаров на бильярдном поле, управляет один принцип: угол падения равен углу отражения ... Современный роман сразу лишился и фабулы, т.е. действующей в принадлежащей ей времени личности и психологии, так как она не обосновывает уже никаких действий» (Манделштам, 1987, С. 73–75). Поэт прозорливо писал о ситуации, которая только начинала складываться в европейской цивилизации и культуре. Но у России ведь свой путь, на котором отставание набирает ускорение. Акции личности не просто падали, личности увозились целыми пароходами. Потом еще круче. В начале 1930 г. М.М. Пришвин писал в дневнике: «По всей стране теперь идет уничтожение культурных ценностей и живых организованных личностей» (Щедрин, 2008, С. 193). Спустя еще несколько лет, в эпоху террора итог подвел Б. Пастернак:

*О личностях не может быть и речи.
На них поставим тут же крест.*

Спустя еще несколько десятилетий, свой прогноз дал И. Бродский, написав, что «обновляющийся мир будет менее духовным, более релятивистским, более безличным, я бы сказал, менее человеческим» (Бродский, 2008, С. 28). Не забудем, что настоящий XXI век сменил XX – «век-волкодав» 11 сентября 2001 года.

С констатациями и прогнозами поэтов трудно спорить. Их собственная жизнь доказала их правоту. Может быть, психология не заслуживает порицания за то, что она поднимает обезличенного субъекта на недостижимую высоту, а личность опускает до уровня субъекта, и таким образом уравнивает их? Может быть, наоборот, она даже заслуживает похвалы за то, что еще не отказалась от попыток ее понимания? Будем оптимистами. В человеке все же есть запас прочности, и эпохи возрождения, как минимум, оттепели и весны время от времени наступают. Поэтому сказанное, конечно, не может служить основанием для отказа от попыток прикоснуться к тайне личности и для недооценки усилий психологов в понимании, изучении, интерпретации личности. В то же время нельзя не признать, что на этом пути мы встречаемся с серьезными трудностями. Например, психологи так и не смогли договориться о главном, что собой представляет ядро личности. Предлагались: иерархия мотивов

(А.Н. Леонтьев), переживания и аффекты (Л.С. Выготский и А.В. Запорожец), жизненная позиция, мотивирующие представления (Л.И. Божович), смысловые образования (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник и др.), творчество (В.В. Давыдов) и т.д. В этот же ряд можно смело поставить свободный ум (А.С. Пушкин) или самостоянье человека (он же). Замечу, – человека, а не субъекта! Может

Будем оптимистами. В человеке все же есть запас прочности, и эпохи возрождения, как минимум, оттепели и весны время от времени наступают. Поэтому сказанное, конечно, не может служить основанием для отказа от попыток прикоснуться к тайне личности и для недооценки усилий психологов в понимании, изучении, интерпретации личности

быть сама личность является ядром всего перечисленного и многого не перечисленного? На мой взгляд, была сильно преувеличена роль деятельности в становлении личности, что спровоцировало и непомерно повысило внимание к субъекту. При этом была явно недооценена роль переживаний, на которой настаивали Л.С. Выготский, А.В. Запорожец. Они как бы вторили Г.Г. Шпету, писавшему: «Каждый живой индивид поэтому есть *sui generis* коллектив переживаний, где его личные переживания определяют всю массу апперцепции, составляющей коллективность переживаний его рода, т. е. как его современников, так и его предков. В целом коллектив переживаний, носимый в себе индивидом, мож-

но обозначить как его духовный уклад» (Шпет, 2006, С. 492). Ведь, в конце концов, наш опыт, сознание и та же личность невозможны вне переживаний. Г.Г. Шпет даже говорил, что философия есть не только знание, но также некоторый тип очень сложного переживания, выходящего за пределы чисто интеллектуальных отношений. К числу таких философских, поэтических, надеюсь, и психологиче-

ских переживаний относится тоска по личности, послужившая мотивом написания этой статьи.

Завершу этот затянувшийся разговор тем, что очевидной, реальной проблемой психологии является наше среднее звено-индивид или индивидуальность. От нее возможны два пути: вниз – к субъекту – функции или к коллекции (коллективу) функций, к подлежащему. И путь вверх – к личности, к коллективу переживаний, к духовности и свободе. К большому сожалению, выбор не всегда за человеком, но и преуменьшать его стремлений к пределу самопостроения не следует.

Литература:

- Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. – Москва : Академия, 2001.
- Бродский И. Книга интервью. – Москва : Захаров, 2008.
- Зинченко В.П. Нужно ли преодолевать постулат непосредственности? // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 3–20.
- Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – Москва : Языки славянских культур, 2010.
- Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). – Москва : РОУ, 2000.
- Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – Москва : Наука, 1980.
- Леонтьев А.Н. Избр. психол. произведения в 2-х тт. – Москва : Педагогика, 1983.
- Мандельштам О.Э. Слово и культура. – Москва : Сов. Писатель, 1987.
- Мерлин В.С. Психология индивидуальности. – Москва : ИПП ; Воронеж : МОДЭК, 1996.
- Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко – Санкт-Петербург : Прайм ЕВРОЗНАК, 2008.
- Небылицын В.Д. Основные свойства нервной системы человека. – Москва : Просвещение, 1966.
- Петровский А.В. Самоосуществление индивидуальности // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под науч. ред. Е.Б. Старовойтенко и В.Д. Шадрикова – Москва : НОУ ВПО МПСИ, 2009.
- Петухов В.В. Понятие личности. Функциональные различия природы и культуры // Общая психология. Тексты. В 3-х тт. Т. 1. – Москва : Генезис, 2001. – С. 274–284.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – Москва : АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х тт. – Москва : Педагогика, 1989.

- Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – Москва : Педагогика, 1973.
Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – Москва : Наука, 1997.
Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. – Москва : АПН РСФСР, 1961.
Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Часть I. – Москва : РАДИКС, 1993.
Флоренский П.А. Столп и утверждения истины. – Москва : Правда, 1990а.
Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Москва : Правда, 1990б.
Фуко М. Герменевтика субъекта. – Санкт-Петербург : Наука, 2007.
Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психологические труды. – Москва : РОССПЭН, 2006.
Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избр. тр. по философии культуры. – Москва : РОССПЭН, 2007.
Шпет Г.Г. Сочинения. – Москва : Правда, 1989.
Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. – Москва : РОССПЭН, 2008.

References:

- Arseniev, A.S.(2001) Philosophical bases for understanding personality. Moscow, Academiya.
Brodsky, I. (2008) The Book of interview. Moscow, Zakharov.
Florensky, P.A. (1990a) The pillar and ground of the truth. Moscow, Pravda.
Florensky, P.A.(1990b)At the watershed of thought. Moscow, Pravda.
Foucault, M. (2007) Hermeneutics of the subject. St. Petersburg, Nauka.
Lektorsky, V.A.(1980) The subject, the subject matter, cognition. Moscow, Nauka.
Leontiev, A.N. (1983) Deleted psychological works. In 2 vols. Moscow, Pedagogika.
Mandelstam, O.E.(1987) Word and Culture. Moscow, Sovetskiy Pisatel'.
Merlin, V.S.(1996) Psychology of individuality. Moscow, IPP, Voronezh MODEK.
(Eds). Meshcheryakova, B.G., & Zinchenko, V.P. (2008) The big psychological dictionary. St. Petersburg, Praim EVROZNAK.
Nebylitsyn, V.D.(1966) The main properties of the human nervous system. Moscow, Prosveschenie.
Petrovsky, A.V.(2009) Self-realization of personality. [*Psikhologiyaindividual'nosti: novyemodeli i kontseptsii*]. Moscow, NOU VPO MPSI.
Petukhov, V.V. (2001) The concept of personality. Functional differences of nature and culture. [*ObschayaPsyhologiya*]. Texts. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Genesis, 274-284.
Rubinstein, S.L.(1957) Being and consciousness. Moscow, ANSSSR.
Rubinstein, S.L.(1989) Fundamentals of general psychology. In 2 vols. Moscow, Pedagogika.
Rubinstein, S.L.(1973) Issues of general psychology. Moscow, Pedagogika.
Rubinstein, S.L.(1997) Man and the world. Moscow, Nauka.
Shpet, G.G. (2006) *Philosophia Natalis*. Selected psychological works. Moscow, ROSSPEN.
Shpet, G.G. (2007) Art as a form of knowledge. Selected papers on the philosophy of culture. Moscow, ROSSPEN.
Shpet, G.G. (1989) Oeuvre. Moscow, Pravda.
Teplov, B.M. (1961) Issues of individual differences. Moscow: APN RSFSR.
Toporov, V.N. (1993) Aeneas is a man of destiny. On the «Mediterranean» Personology. Part I. Moscow, Radix.
Zinchenko, V.P. (2009) Do I need to overcome the postulate of immediacy? [*Voprosy psikhologii*]. 2, 3-20.
Zinchenko, V.P. (2010) Consciousness and the creative act. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury.
Zinchenko, V.P. (2000) Thought and word of Gustav Shpet (returning from the exile). Moscow, ROU.

Уроки исследований воли

В.А. Иванников

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 3 сентября 2016/ Принята к публикации: 12 сентября 2016

Studies of Will. Outcomes

Vyacheslav A. Ivannikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received September 3, 2016 / Accepted for publication: September 12, 2016

В работе анализируются уроки, которые психология может вывести для себя из истории исследований воли. Понятие воли, как и понятия «разум» и «чувство», были введены в античной психологии в качестве теоретических конструктов. Два последних понятия были заменены со временем на ряд более частных понятий, обозначающих различные психические процессы. Понятие воли дошло в неизменном виде до XX столетия, потеряв первоначальное содержание. Воля понималась как самостоятельный психический процесс непонятной природы, поэтому К. Левин даже предложил исключить это понятие из психологии. Первый урок в истории понятия «воля» заключается в необходимости анализа способа введения понятия и изменения его содержания в ходе развития науки. Эта необходимость объясняется тем, что основные понятия психологии вводились в науку не для обозначения реальностей, а для их объяснения (как теоретические конструкты). При этом надо учитывать возможность дифференциации первичных понятий (например, разум – восприятие, представление, воображение, мышление). В отечественной психологии понятие воли активно использовалось до конца 1970-х годов, воля понималась, как способность человека преодолевать внешние и внутренние препятствия. Природа этой способности оставалась загадкой. Только анализ способа введения этого понятия в науку и порождения волевого действия позволил сформулировать задачу выявления механизмов порождения такого действия. Второй урок – помнить, что решение проблемы всегда требует выхода за ее пределы и «снятие» путем замены на решаемую задачу (например, замена проблемы понимания природы воли на задачу порождения волевого действия на основе восполнения дефицита побуждения к нему). Третий урок – о необходимости согласовывать новое содержание понятий с содержанием всего ряда (системы) понятий этой отрасли науки.

Ключевые слова: воля, психические процессы, история психологии, волевое действие, механизмы воли.

In this paper the outcomes of the continuous studies of will are analyzed. The concept of “will” and the concept of “sense” were introduced in the ancient psychology as theoretical constructs. Later these concepts were replaced with narrower ones that now reflect various psychic processes. The whole concept of “will” has changed through time. In the 20th century it was perceived as a separate psychic process of an unknown nature, that is why K. Levin has even proposed excluding this concept from psychology.

The first outcome can be summarized as follows. It is essential to analyze the way concepts are introduced and developed in terms of a particular science. The reason is that all the basic psychological concepts were initially introduced not to reflect the realities, but to explain them as theoretical constructs. Moreover, it is important to consider the possibility of initial constructs differentiation. For instance, mind can branch out into perception, notion, imagination and thinking. In Russian psychology, the concept of will as a capability of overcoming inner and outer barriers was in active use until the 70-ies. The nature of this phenomenon was unknown. Only the analysis of a willful act generation and the way the concept of will was introduced scientists to formulate the task of identifying the mechanisms of a willful act itself.

The second outcome is as follows. To solve a problem it is needed to replace it with a task to complete. For instance, to understand the nature of will we can replace the problem of its understanding with a task of generating a willful act, compensating for the deficiency of initial motivation.

The third outcome is that it is essential to coordinate a new concept with all the rest concepts of that particular science.

Keywords: will, psychic processes, history of psychology, willful act, mechanisms of will

Психология сегодня не только справедливо гордится своими экспериментальными достижениями, но и, похоже, считает их единственными адекватными научными разработками. Вместо теоретических исследований предлагается обобщать результаты экспериментальных и эмпирических работ. Однако, выплескивая грязную, с вековыми предрассудками, теоретическую «воду» психология выбрасывает и самого «ребенка» – понимание природы и места психики в эволюции живых существ. Увы!

Критики теоретических работ во многом правы. Психологи любят строить модели психики по принципу «как бы это могло быть», а не с учетом того «какая она есть», используя при этом понятия, содержание которых чаще всего неопределенно и допускает противоположные толкования. Попробуйте найти десяток психологов, одинаково понимающих понятия «личность», «внимание», «воля», «мотив», «потребность»

Критики теоретических работ во многом правы. Психологи любят строить модели психики по принципу «как бы это могло быть», а не с учетом того «какая она есть», используя при этом понятия, содержание которых чаще всего неопределенно и до-

Одним из путей формирования более адекватных понятий в психологии стала дифференциация первичных категорий: разума, чувства, воли. Понятие «разум» заменили такие понятия как «восприятие», «представление», «воображение», «мышление». Понятие «чувства» дифференцировалось на «эмоции», «аффекты», «настроения», «чувство» (в узком смысле слова). И только понятие «воля» дошло до нашего времени как обозначение самостоятельного психического процесса непонятной природы

пускает противоположные толкования. Попробуйте найти десяток психологов, одинаково понимающих понятия «личность», «внимание», «воля», «мотив», «потребность». Как говорила Б.В. Зейгарник, «каждый психолог сам себе Выготский и всегда прав».

Но сторонники экспериментальной психологии, без которой научной пси-

хологии действительно быть не может, забывают, что полученные ими результаты должны быть интерпретированы на основе общей теории психологии как частные случаи общих положений. И только после этого они превращаются в факт науки, иначе они остаются просто результатом чьей-то работы, требующим объяснения. Здесь уместно напомнить слова Л.С. Выготского о том, что «простое продолжение все той же работы, постепенное накопление материала оказываются уже бесплодными

или даже невозможными. Чтобы идти дальше надо наметить путь» (Выготский, 1982, С. 292). И далее ученый пишет: «Дело, следовательно, не в фактах, а в понятиях, т.е. в способе мыслить эти факты» (там же, С. 295).

Первой задачей создания общей теории психологии должна стать работа по анализу существующих понятий и разработке непротиворечивого, строго определенного понятийного аппарата науки. Эта задача нуждается не в личной уверенности автора, что его представление, допустим, о личности или воле, в целом, правильные, и даже

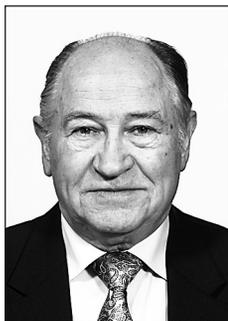
не просто в договоренности о содержании этих понятий, а в анализе истории введения понятия в психологию и изменения его содержания на протяжении истории этой науки.

Такой анализ показывает, что большинство основных понятий психологии пришло из философии, в которой они вводились в качестве возможных гипотез, призванных объяснить некие реальности поведения человека и животных. Судьбу этих понятий можно отследить, обратившись к примерам из более развитых, чем психология, наук. Почти никто из студентов не знает, что когда-то горение предметов объясняли наличием в них особого горючего вещества – флогистона. И когда было доказано, что горение – это процесс бурного окисления предмета, в отличие от гниения, при котором предмет окисляется медленно, понятие флогистона исчезло из научного арсенала. Некоторые первоначальные понятия остались в науке, но со временем изменили свое содержание (понятие атома, гена и др.)

В психологии до сегодняшнего дня идут споры о содержании понятий «воля», «личность», «мотив» и других. Длительность таких споров (по некоторым понятиям более 20 веков!) свидетельствует о том, что эти понятия ничего не обозначают – они являются гипотезами, т.е. теоретическими конструктами, в лучшем случае указывающими на большую область реальностей поведения живых существ, связанных с данными понятиями.

Одним из путей формирования более адекватных понятий в психологии стала дифференциация первичных категорий: разума, чувства, воли. Понятие «разум» заменили такие понятия как «восприятие», «представление», «воображение», «мышление». Понятие «чувства» дифференцировалось на «эмоции», «аффекты», «настроения», «чувство» (в узком смысле слова). И только понятие «воля» дошло до нашего времени как обозначение самостоятельного психического процесса непонятной природы.

На этом основании К. Левин в 30-х годах прошлого века предложил исключить понятие воли из психологической науки, как неопределенное по содержанию (Левин, 2001). Что и было ре-

Вячеслав Андреевич Иванников –

доктор психологических наук, академик РАО, профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vaiv@mail.ru

лизовано в западной психологии, хотя исследования волевой регуляции и продолжались там под другими названиями (Farber, 1966). Отношение к понятию воли не было исключительным: аналогичное предложение в это время озвучил Э. Рубин по отношению к понятию «внимание» (Рубин, 1976). В отечественной психологии понятие воли активно использовалось до конца 1970-х годов, после чего число работ по этой теме заметно уменьшилось (Селиванов, 1974, 1976; Иванников, 2006). Стало понятно, что понятие «воля» является теоретическим конструктом и поэтому его либо надо убрать из науки, либо изменить его содержание. Первым на это обратил внимание И.М. Сеченов, критиковавший представление о том, что поступки человека определяются особой силой, называемой волей (Сеченов, 1953, С. 136–137). Существование такой специальной способности души он рассматривал всего лишь как необоснованную гипотезу (там же, С. 318).

Отсюда первый урок. Психологи должны всегда анализировать способ введения понятия в психологию: как обозначение какой-то реальности или как теоретический конструкт, т.е. как понятие объяснительное. Судьба понятий оказывается разной в зависимости от того, как оно вводилось. Теоретические конструкты либо уходят из науки, либо меняют свое содержание, либо заменяются рядом новых, более мелких и более адекватных понятий (дифференциация первичных категорий).

Понятие «воля» Платон использовал для объяснения порождения любого действия человека. Аристотель в своих работах уточняет понятие воли, применяя его уже для объяснения порождения не любого действия, а действия, которое человек осознанно и намеренно принимает к исполнению на основе своего разумного решения, но которое ему не хочется выполнять – оно лишено стремления к исполнению. Воля, по мнению Аристотеля, соединяла разумное решение человека со стремлением, которое могло только породить действие (Аристотель, 1975, 1983). Переводя эти взгляды Аристотеля на современный язык психологии, мы могли бы сказать, что это – проблема объяснения поро-

ждения действия, необходимого по решению человека для исполнения, но мотивационно не обеспеченного. Поэтому исследовать надо не непонятную волю, а порождение реального особого действия, что соответствует позиции Л.С. Выготского, связавшего волю с задачей овладения человеком своими процессами, самим собой (Выготский, 1983). Такой подход снимает проблему воли, заменяя ее задачей поиска механизмов восполнения дефицита побуждения человека к особым действиям.

Психологи должны всегда анализировать способ введения понятия в психологию: как обозначение какой-то реальности или как теоретический конструкт, т.е. как понятие объяснительное. Судьба понятий оказывается разной в зависимости от того, как оно вводилось. Теоретические конструкты либо уходят из науки, либо меняют свое содержание, либо заменяются рядом новых, более мелких и более адекватных понятий (дифференциация первичных категорий)

Решение такой задачи требует исследований механизмов порождения любого действия, т.е. анализа процесса мотивации деятельности. В свою очередь, исследование мотивации предполагает понимание источников побудительной силы поведения живых существ и, прежде всего, природы потребностей. Анализ показывает, что понятие потребности тоже вводилось в науку в качестве теоретического конструкта, связанного с понятиями дефицита и нужды. Содержание понятия «потребность» наиболее адекватно можно представить, используя понятие жизненной задачи живого существа, обозначающее задачу обеспечение себя необходимыми условиями существования в ситуациях непостоянства условий жизни (Иванников, 2010).

Еще одна задача при решении проблемы воли возникает в связи с анализом странной ситуации, когда человек одновременно и желает совершить разумное действие и не хочет этого делать. Решение этой задачи приводит нас к признанию многомерности человека, функционирующего как организм, как единица своего биологического вида, как природный индивид (субъект природных отношений) и как социальный индивид (субъект общественных отношений), как личность (субъект межличностных отношений). Наличие этих уровней функционирования человека

позволяет объяснить странность волевой регуляции решениями человека на разных уровнях: хочет действовать человек как личность, а не хочет человек как природное существо.

Идея многомерности человека не нова. Еще У. Джемс выделял три класса личности (Джемс, 1911, С. 147) или три вида личностей в одном человеке (там же, С. 158): физическая личность, социальная личность и духовная личность, которые находятся в иерархических отношениях друг с другом.

А.Н. Леонтьев выделял три уровня изучения человека в соответствии с жизнью человека как природного существа, как субъекта одушевленной деятельности и как субъекта общественных отношений. Общепринято, что человек является и биологическим, и социальным существом, расхождения существуют только по числу выделяемых уровней.

Неопределенность содержания понятия «личность» потребовала его отдельного анализа и выделения критерия становления человека как личности, нуждающейся в способности к волевой регуляции (Иванников, 2010, 2012, 2015). В указанных работах таким критерием предложено считать умение человека совершать выборы своих действий и деятельности с учетом их последствий для других людей. Такие выборы и их осуществление часто нуждаются в волевой регуляции, осуществляющейся по решению личности и на основе личностных средств саморегуляции (намеренное изменение смысла).

Понимание необходимости выхода за пределы проблемы при ее решении является вторым уроком для психологии. Нельзя бесконечно пытаться решить проблему как неразрешимую задачу – проблему надо снять, преобразовав ее в решаемую задачу. Исследовать надо не природу теоретического конструкта (например, воли), а психологиче-

ские механизмы реальных процессов – в данном случае механизмы восполнения дефицита побуждения человека к необходимому действию, но лишённому достаточной мотивации (или торможения действия желаемого, но неуместного, по мнению человека, в данной ситуации).

Нельзя бесконечно пытаться решить проблему как неразрешимую задачу – проблему надо снять, преобразовав ее в решаемую задачу. Исследовать надо не природу теоретического конструкта (например, воли), а психологические механизмы реальных процессов – в данном случае механизмы восполнения дефицита побуждения человека к необходимому действию, но лишённому достаточной мотивации (или торможения действия желаемого, но неуместного, по мнению человека, в данной ситуации)

Порождение волевого действия, а позже волевого выбора и регуляции исполнения действия в ситуациях затруднений (наличие внешних и внутренних препятствий) психологи стали объяс-

(или выбора), человек меняет и побуждение к волевому действию (Иванников, 2006, 2010, 2014).

Введенное Аристотелем для объяснения порождения особых действий понятие воли к XX веку стало также использоваться для объяснения волевого выбора в ситуации «борьбы» мотивов,

преодоления препятствий в процессе исполнения действий и регуляции эмоциональной сферы человека. Постепенно объяснение этих феноменов стало терять связи с понятием воли. Появи-

При работе над содержанием любого понятия надо обязательно рассматривать всю систему взаимосвязанных понятий, добиваясь согласованности их содержания между собой. Изолированная работа только с одним понятием никогда не может быть успешной

снять волевыми усилиями человека. Однако анализ показывает, что это понятие является очередным теоретическим конструктом (гипотезой), а не обозначением реального психологического механизма. Такой же гипотезой оказывается и предположение П.В. Симонова о наличии у человека потребности в преодолении препятствий (Симонов, 1971). Но препятствия преодолевают и животные, а человек часто преодолевает препятствия произвольно. И еще – такая гипотеза не может объяснить торможение желаемых, но ненужных действий.

Психологический механизм волевого поведения можно найти только в самом процессе мотивации. И таким механизмом может служить намеренное изменение человеком смысла осуществляемого действия. Эта гипотеза основана на факте временного приобретения целью действия смысла мотива. Именно смысл действия для человека передает временно побудительность от мотива на цель. Поэтому, меняя смысл или создавая дополнительный смысл своего действия

лишь такие понятия как самодетерминация, самоконтроль, саморегуляция. Последний термин стал использоваться в узком и широком значении: и как регуляция различных параметров деятельности (исполнительной части деятельности) и как регуляция различных психических процессов (от мотивации до эмоций и внимания) и выбора действий. Такие изменения означают начало дифференциации понятия «воля», что требует либо удаления его из науки, либо изменения его содержания.

История этого понятия заслуживает того, чтобы оно осталось в психологии.

В соответствии с позицией Л.С. Выготского волю можно понимать как высшую психическую функцию человека, обеспечивающую выбор и порождение волевых действий (самодетерминация), регуляцию эмоциональных и познавательных процессов (самоконтроль) и регуляцию параметров исполняемого действия (саморегуляция в узком смысле слова). Работа понимаемой так воли, как и любой высшей психической функции, обеспечивается совместной работой всех нату-

ральных психических процессов. Поэтому не случайно в истории психологии волю пытались свести к мотивам, эмоциям, мышлению или вниманию – все эти процессы принимают участие в волевой регуляции активности человека. (Выготский, 1982; Иванников, 2006).

Понятно, что саморегуляция, в широком смысле слова, может осуществляться и произвольно (вспомним странное, на первый взгляд, выражение В.П. Зинченко (Зинченко, 1995) – «непроизвольная воля»), и произвольно. Волевая регуляция, будучи разновидностью произвольной саморегуляции, отличается следующим:

- а) необходимость ее возникает только в ситуации конфликта решений личности и задач и возможностей ниже лежащих уровней;
- б) задачи волевой регуляции отличаются тем, что личность требует обязательной победы своего решения (это не выбор по жребию «или – или»);
- в) средства волевой регуляции всегда личностные (смыслы действий) (Иванников и др., 2014).

Можно сказать, что волевая регуляция – это всегда личностный уровень регуляции, когда решение о волевой регуляции принимает личность в соответствии со своими ценностями. И, видимо, можно допустить возможность «автоматизации» или привычности волевой регуляции на основе установок разных уровней (Асмолов, 2002), которая проявляется в виде так называемых волевых качеств личности.

Третий урок из исследования проблемы воли, который необходимо учитывать психологии, заключается в том, что при работе над содержанием любого понятия надо обязательно рассматривать всю систему взаимосвязанных понятий, добиваясь согласованности их содержания между собой. Изолированная работа только с одним понятием никогда не может быть успешной. Этот урок возвращает нас к задаче, поставленной Л.С. Выготским: «... критически согласовывать разнородные данные, привести в систему разрозненные законы, осмыслить и проверить результаты, прочистить методы и основные понятия, заложить фундаментальные принципы ...» (Выготский, 1982, С. 292).

Литература:

- Аристотель. О душе // Сочинения. В 4-х тт. Т. 1. – Москва : Мысль, 1976. – С. 371–448.
- Аристотель. Никомахова этика. – Москва : ЭКСМО-пресс, 1997.
- Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. – Москва : Смысл, 2002.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6тт. Т. 1. – Москва : Педагогика, 1982.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6тт. Т. 2. – Москва : Педагогика, 1982.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6тт. Т. 3. – Москва : Педагогика, 1983.
- Джемс У. Психология. – Санкт-Петербург : Изд. К.Л. Риккера, 1911.
- Зинченко В.П. Послесловие // Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. – Москва : Тривола, 1995. – С. 299–316.
- Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – Москва ; Санкт-Петербург и др. : Питер, 2006.
- Иванников В.А. Основы психологии. – Москва ; Санкт-Петербург и др. : Питер, 2010.
- Иванников В.А. Понятие личности в психологии // Вопросы психологии. – 2012. – № 5. – С. 125–132.
- Иванников В.А. Анализ мотивации с позиций теории деятельности // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1(13). – С. 47–54. DOI: 10.11621/npj.2014.0105
- Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. – 2014. – № 2. – С. 15–23.
- Иванников В.А. Деятельностная природа личности // Вопросы психологии. – 2015. – № 6. – С. 3–8.
- Левин К. Динамическая психология : избранные труды. – Москва : Смысл, 2001.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Политиздат, 1975.
- Рубин Э. Несуществование внимания // Общая психология. Тексты. Субъект познания. Т. 3. Кн. 4. / под ред. Ю.Б. Дормашева, С.А. Капустина, В.В. Петухова. – Москва : Когито-Центр, 2013. – С. 122–123.
- Селиванов В.И. Психология волевой активности. – Рязань : РГПИ, 1974.
- Селиванов В.И. Воля и ее воспитание. – Москва : Знание, 1976.
- Сеченов И.М. Избранные произведения. – Москва : Учпедгиз, 1953.
- Симонов П.В. О филогенетических предпосылках воли // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 84–89.
- Farber L.H. (1966) The way of the will Essays toward a psychology and psychopathology of will. New York, Basic Books, 1-25.

References

- Aristotle (1976) On the Soul [*Sochineniya*]. Vol.1. Moscow, Mysl', 371-448
- Aristotle (1997) Nicomachean Ethics. Moscow, EKSMO-press.
- Asmolov, A.G. (2002) On the other side of consciousness. Methodological issues of non-classical psychology. Moscow, Smysl.
- Farber L.H. (1966) The way of the will Essays toward a psychology and psychopathology of will. New York, Basic Books, 1-25.
- Ivannikov, V.A. (2014) Analysis of motivation from the point of activity theory. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 47-54. DOI: 10.11621/npj.2014.0105
- Ivannikov, V.A. (2006) Psychological mechanisms of will regulation. Moscow, Saint Petersburg i drugie, Piter.
- Ivannikov, V.A. (2012) Concept of personality in psychology [*Voprosy psikhologii*], 5, 125-132.
- Ivannikov, V.A. (2015) Active nature of personality [*Voprosy psikhologii*], 6, 3-8.
- Ivannikov, V.A., Barabanov, D.D., Monroz, A.V., Shlyapnikov, V.N. & Eidman, E.V. (2014) The role of "will" in contemporary psychology [*Voprosy psikhologii*], 2, 15-23.
- James, U. (1911) Psychology. Saint Petersburg, Izdatel'stvo K.L. Rikquera.
- Leontiev, A.N. (1975) Activity. Consciousness. Personality. Moscow, Politizdat.
- Levin, K. (2001) Dynamic psychology: selected works. Moscow, Smysl.
- Rubin, E. (2013) Absence of attention [*Obshchaya psikhologiya. Teksty. Sub'ekt poznananiya*]. Vol 3, Book 4. Moscow, Kogito-Tsentr, 122-123.
- Sechenov, I.M. (1953) Selected works. Moscow, Uchpedgiz.
- Selivanov, V.I. (1974) Will activity psychology. Ryazan', RGPI.
- Selivanov, V.I. (1976) Will and its development. Moscow, Znanie.
- Simonov, P.V. (1971) On the phylogenetic prerequisites of will [*Voprosy psikhologii*], 4, 84-89.
- Vygotsky, L.S. (1982) Collected works in 6 volumes. Volume 1. Moscow, Pedagogika.
- Vygotsky, L.S. (1982) Collected works in 6 volumes. Volume 2. Moscow, Pedagogika.
- Vygotsky, L.S. (1983) Collected works in 6 volumes. Volume 3. Moscow, Pedagogika.
- Zinchenko, V.P. (1995) Epilogue [*Dormashev Yu.B. & Romanov V.Ya. Psikhologiya vnimaniya*]. Moscow, Trivola, 299-316.

Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля

В.В. Нуркова, А.А. Гофман

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 24 августа 2016/ Принята к публикации: 7 сентября 2016

Forgetting: availability, accessibility, and intentional control problem

Veronika V. Nourkova*, Alyona A. Gofman

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: nourkova@mail.ru

Received August 24, 2016 / Accepted for publication: September 7, 2016

В статье проводится анализ забывания как базового и преимущественно продуктивного мнемического процесса. Дифференцируются задачи постоянного и временного забывания зафиксированного в долговременной декларативной памяти материала. Указывается на методологические трудности исследования забывания в рамках психологии, заключающиеся в необходимости логического доказательства утверждения об отсутствии. Описываются два механизма забывания: трансформация мнемического следа и модуляция режима доступа к нему. Для первой формы забывания обсуждаются возможные механизмы уничтожения следа (угасание, ретроактивная и проактивная интерференция, а также «катастрофическая» интерференция) и его трансформации, приводящие к формированию нового мнемического содержания. Обосновывается теоретическая перспективность дальнейшего поиска путей легитимизации механизма уничтожения следа для системы эпизодической памяти. Для второй формы забывания рассматриваются пассивные явления ошибки доступа к существующему в памяти содержанию (эффект «на кончике языка», эффект «размера категории», эффект «веера») и активного сдерживания воспроизведения. Последнее представляет собой временное торможение конкурирующих семантически близких ответов в семантической памяти и мотивационно детерминированного подавления содержаний, несущих негативный личностный смысл в автобиографической памяти. Анализируются экспериментальные процедуры и результаты исследований намеренного забывания, демонстрирующие вариативность путей актуализации активного сдерживания воспроизведения. В отличие от доминирующего в когнитивной психологии тезиса об универсальности механизмов забывания, предлагается гипотеза о том, что стратегии и тактики забывания могут варьировать для различных подсистем памяти, а также в зависимости от характеристик деятельности, в рамках которой состоялось запоминание и осуществляется воспроизведение.

Ключевые слова: забывание, проблема наличия следа памяти, проблема доступности следа памяти, уничтожение следа памяти, интерференция, сдерживание воспроизведения, направленное забывание

The paper focuses on the phenomenon of forgetting as a primal and generally productive memory process. The cases that require a temporary and permanent forgetting of the material stored in the long-term memory are contrasted. The main methodological obstacle in forgetting research is identified as arising from the logical prohibition to argument from the negative, i.e. "the evidence of absence is not the evidence of absence". Two mechanisms of forgetting are discussed in the paper: transformation of the memory trace and modulation of trace accessibility. The former mechanism of forgetting consists of memory trace destruction (memory trace decay, retroactive and proactive interference, and «catastrophic» interference) or its transformation that leads to forming a new memory representation. We speculate that the most promising way to legitimize the trace destruction mechanism is narrowing the further research to episodic memory subsystem. The latter mechanism of forgetting consists of both passive failure in access to appropriate memory content (the tip of the tongue phenomenon, the category size effect, the fan effect) and the process of active retrieval inhibition. This phenomenon represents temporary inhibition of competing semantically similar responses in semantic memory, and motivational inhibition of self-deprecating memories in autobiographical memory. Then we put into consideration a variety of experimental paradigms in intentional forgetting research. Contrary to the common claim that forgetting is a universal and homogeneous phenomenon, we propose that forgetting strategies might vary in different memory subsystems, and also depend on activity characteristics during encoding, storage and retrieval.

Key words: forgetting, availability problem, accessibility problem, memory trace decay, interference, retrieval inhibition, intentional forgetting

Забывание является таким же неотъемлемым процессом памяти, как и запоминание. Исходя из функционального понимания памяти как психического процесса, обеспечивающего использование прошлого опыта в текущей деятельности (а также и в планировании будущей деятельности), следует утверждать, что забывание представляет собой один из существенных механизмов эффективности памяти. Иными словами, иметь хорошую память, это значит – вспоминать именно то, что нужно в данный момент и не вспоминать все остальное (лишнее). Продуктивное забывание направлено на решение фундаментально разнородных задач. Забывание,

ней парковки автомобиля), а также для поддержания переживания достаточного уровня субъективного благополучия (деструктивно помнить все угрожающие самооценке негативные события). Вместе с тем, успешное когнитивное функционирование постоянно требует временного (функционального) забывания для поддержания выбранного направления деятельности с возможностью возвращения в случае необходимости «забытого» материала в план сознания при изменении контекста, т.е. такое забывание феноменологически обеспечивает селективность воспроизведения. И, наконец, классификационными признаками забывания обладает процесс

но автоматического процесса игнорирования нерелевантных ситуации содержания. Парадоксальным образом оптимальная работа забывания осознается, напротив, позитивно как правильное воспоминание. Во-вторых, в то время как развитие человеческой цивилизации включало в себя изобретение и распространение технологий произвольного запоминания (в диапазоне от письменности и фотографии до частных мнемотехник), намеренное забывание не приобрело устойчивых культурных средств регуляции. С известными оговорками можно утверждать, что человечество умеет целенаправленно запоминать, но не научилось целенаправленно забывать. Поэтому до сих пор забывание воспринимается обывательным сознанием как нечто стихийное и неуправляемое. И, наконец, в-третьих, изучение забывания наталкивается на практически непреодолимое методологическое препятствие, указанное еще Уильямом Джеймсом. В то время как о запоминании определенного материала можно судить по эффективности воспроизведения (если нечто удалось вспомнить, то это однозначно было зафиксировано в памяти ранее), факт забывания нельзя установить по отсутствию воспроизведения. Отсутствие воспроизведения лишь свидетельствует о недоступности материала на момент его запроса, что может быть обусловлено целым рядом причин (утомление, неадекватный запрос, наличие актуальной мотивации торможения воспроизведения и др.). Ведь то, что не удастся вспомнить сейчас, может быть вспомнено позже. Об аналогичных ограничениях на познаваемость явления забывания говорили и философы («Факт забывания никогда не сможет быть доказан», – писал, например, Ф. Ницше).

Таким образом, можно утверждать, что создание полноценной теории забывания – это серьезнейший вызов психологии как науке. На сегодняшний день ответом на него является нарастающее многообразие трудно верифицируемых «рабочих» теорий забывания. Ниже мы изложим их основные теоретические положения и эмпирическую базу. Приходится констатировать, что параллельно с поиском решений в рамках психологии наблюдается своего рода капитуляция перед сложностью проблемы и переадресация ее другим дисциплинам, в первую очередь, нейрофизиологии.

Можно утверждать, что создание полноценной теории забывания – это серьезнейший вызов психологии как науке. На сегодняшний день ответом на него является нарастающее многообразие трудно верифицируемых «рабочих» теорий забывания. Приходится констатировать, что параллельно с поиском решений в рамках психологии наблюдается своего рода капитуляция перед сложностью проблемы и переадресация ее другим дисциплинам, в первую очередь, нейрофизиологии

в смысле полного безвозвратного уничтожения существовавшего в памяти содержания, необходимо в случае обнаружения ошибки в полученном ранее знании (например, «В солнечную систему входят 8 планет, но Плутон не является планетой»), для правильной ориентации в череде схожих повторяющихся событий (разумно помнить только место послед-

конструирования нового содержания памяти на основании соединения фрагментов старого и нового опыта.

Однако, делая забывание предметом научного анализа, мы сталкиваемся с рядом трудностей. Во-первых, осознание факта забывания обычно вызывает у человека негативные эмоции, так как происходит лишь в случае сбоя нормального, преимуществен-

Вероника Валерьевна Нуркова –

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: Nourkova@mail.ru

Алёна Алексеевна Гофман –

аспирант кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: gofmanalena@gmail.com

Специально отметим, что предметом нашей статьи является только забывание материала, представленного в системе долговременной декларативной памяти. Данное уточнение является существенным, поскольку в большой части работ по проблеме забывания исследуется скорее «незапоминание», т.е. неэффективное копирование материала из структур сенсорного регистра и рабочей памяти в долговременное хранилище. Таким образом, ниже будут представлены результаты анализа современного состояния тематики забывания, релевантные трем взаимосвязанным, но качественно различным подсистемам долговременной декларативной памяти – эпизодической, семантической и автобиографической.

Теории забывания

Э. Тулвингу принадлежит наиболее корректное и экономичное, на наш взгляд, определение забывания, как «неспособности воспроизвести то, что было возможно воспроизвести ранее» (Tulving, 1974, p. 74). В современной англоязычной литературе для различения двух фундаментальных форм забывания используются термины «availability» (наличие) и «accessibility» (доступность). Данное различие впервые было также обозначено в работах Тулвинга (Tulving, Pearlstone, 1966). Отметим, что в настоящее время фактор наличия материала в памяти и факт его доступности для воспроизведения рассматриваются скорее как взаимоисключающие, чем комплементарные объяснения забывания (Roediger, Weinstein, Agarwal, 2010). В отличие от этого, мы считаем продуктивной гипотезу о том, что факторы и механизмы забывания могут варьировать для различных подсистем памяти, а также в зависимости от характеристик деятельности, в рамках которой состоялось запоминание и осуществляется воспроизведение (Нуркова, 2015).

Проблема «наличия» следа памяти

Проблема «наличия» следа памяти заключается в возможности детекции следа пережитого события, который потенци-

ально может быть активирован и воспроизведен. В данном случае забывание связывается с деградацией следа памяти (“trace decay”) или его модификацией, так что репрезентация, описывающая оригинальное событие, в принципе, отсутствует на каком-либо носителе.

Теория деградации или уничтожения следа памяти представляет собой самый радикальный вариант данного подхода. При этом сама идея потенциальной возможности разрушения полноценно сформировавшегося консолидированного следа памяти на сегодняшний день является более чем дискуссионной. Даже классические работы, явно декларирую-

Методологический пессимизм относительно теории уничтожения следа недавно сменился подъемом как в связи с разработкой новых эмпирически тестируемых психологических моделей, так и в рамках новых нейрофизиологических концепций забывания, рассматривающих данный процесс в качестве «встроенной опции» функционирования мозга

щие теорию уничтожения следа со временем, по нашему мнению, обнаруживают внутреннее противоречие (Эббингауз, 1912; Thorndike, 1913). Базовое для них представление о том, что поддержание следа в рабочем состоянии может быть достигнуто его периодической реактивацией в совокупности с фиксацией нелинейного (замедляющегося) характера забывания предполагает, пусть и ослабленное, но постоянное, наличие следа прошлого опыта (иначе нечего бы было реактивировать и эффект экономии времени при повторном заучивании не наблюдался бы). Ранние концепции, исходившие из аксиомы о пассивном закономерном угасании следа со временем, подверглись впоследствии массивной критике, в первую очередь, в связи с изложенными выше методологическими ограничениями (Davis, 2008).

Пожалуй, самым серьезным эмпирическим аргументом против теории уничтожения следа памяти стал многократно реплицированный эффект реминисценции (Rayne, 1987). Факт реминисценции фиксируется в том случае, когда при отсутствии дополнительных повторений или подсказок повторный тест памяти показывает лучшее воспроизведение, чем предшествующий. Установленная недавно закономерность повышения уровня свободного воспроизведения по

мере нарастания количества попыток получила название «эффекта тестирования». Она, с одной стороны, была взята на вооружение оппонентами теории уничтожения следа, а, с другой, – оказала влияние на реформирование системы образования, поскольку повторные воспроизведения (тестирования) оказалась более эффективной стратегией запоминания, чем традиционное повторение материала (Roediger, Nestojko, 2015).

Однако следует заметить, что методологический пессимизм относительно теории уничтожения следа недавно сменился подъемом как в связи с разработкой новых эмпирически тестируемых

психологических моделей, так и в рамках новых нейрофизиологических концепций забывания, рассматривающих данный процесс в качестве «встроенной опции» функционирования мозга.

Например, Майкл Андерсон предлагает в качестве индикатора ослабления следа памяти рассматривать снижение вероятности воспроизведения целевого стимула в ответ на предъявление не связанного с ситуацией воздействия ассоциативного ключа (Anderson, Huddleston, 2011). Проследим логику его рассуждения. Допустим, что в экспериментальной процедуре мы формируем две ситуативные пространственно-временные ассоциативные связи между нейтральными до этого словами, например, «квадрат – ананас» и «треугольник – капуста». Если затем предложить испытуемым категориальные ключи с подсказкой («фрукт – а...» и «овощ – к...»), то с равной вероятностью в первом случае будет дан ответ – «ананас», а во втором – «капуста». Однако, если на предыдущем этапе на одну из пар окажут воздействие, которое гипотетически должно разрушить след, то снижение количества заученных ранее ответов в условиях категориальной подсказки будет свидетельствовать именно о разрушении следа, поскольку не имеет отношения к вновь образованной ассоциативной связи. Андерсон с колле-

гами добились небольшого (около 6%), но устойчивого эффекта снижения воспроизведения в ответ на независимые от контекста кодирования ключи после прямой команды – «забыть» определенную из заученных пар.

Новые нейрофизиологические модели памяти со своих позиций возвращают легитимность механизму уничтожения следа. Описываемые модели исходят из представления о функционально распределенном кодировании следа события в мозге. Предполагается, что содержательный аспект события (Что?) фиксируется за счет репрезентации ансамблем нейронов в неокортексе, а его временной и пространственный контекст (Где? Когда?) – в гиппокампе (Nadel, Hardt, 2011). Хардт, Нэйдер и Нэйдел связывают механизм ослабления репрезентации воспоминания с гиппокампальным компонентом следа события. Согласно их концепции (Hardt, Nader, Nadel, 2013), контекстуальный компонент следа события не просто пассивно угасает со временем, а подвергается активному стиранию преимущественно в состоянии сна. В то же время, отрицается наличие аналогичного механизма для ансамблей нейронов в неокортексе. В данном случае эффект безвозвратного забывания, согласно позиции авторов, может быть вызван так называемой «катастрофической интерференцией», под которой авторы подразумевают критическое взаимопересечение клеточных конфигураций, так что одни и те же клетки оказываются вовлеченными в избыточное число ансамблей. Можно сказать, что в результате катастрофической интерференции, формально существующие следы становятся «нечитаемыми».

В целом, интерференция рассматривается как альтернативный угасанию под воздействием времени механизм уничтожения следа события. Согласно Оксфордскому психологическому словарю, ретроактивной интерференцией называется повреждение ранее зафиксированного в памяти материала вновь поступающим материалом (Oxford Dictionary ..., 2014, p. 749), в то время как проактивная интерференция предполагает обратное влияние (там же, p. 692).

Теория ретроактивной интерференции гипотетически постулирует, что лю-

бой процесс переработки информации оказывает негативное влияние на состояние всех уже присутствующих в памяти следов событий, однако, в подавляющем большинстве случаев это влияние настолько слабо, что не может быть зафиксировано эмпирически (Nairne, Pandeirada, 2008). Интерферирующий эффект увеличивается и становится различимым по мере сближения событий во времени («градиент времени») и нарастания их сходства («градиент дистинктивности»). Насколько нам известно, в единственном на сегодняшний день исследовании, где в качестве независимых переменных выступали как фактор времени, так и фактор дистинктивности, не было выявлено значимого взаимодействия между ними (Mercer, 2015).

В качестве аргумента в поддержку правомерности рассмотрения ретроактивной интерференции как независимого механизма разрушения следа используются данные о более высоком уровне воспроизведения материала в том случае, если после заучивания субъект помещается в относительно свободный от интерференции контекст, например, спит или дремлет (Stickgold, 2005; Ellenbogen, et al., 2006). Причем, минимальный, но статистически значимый эффект обнаруживается уже после короткого эпизода сна продолжительностью всего в несколько минут (Lahl, et al., 2008) и даже отдыха в состоянии бодрствования (Mercer, 2015). Однако следует признать, что проведенные исследования недостаточны для полноценной трактовки ретроактивной интерференции в контексте проблемы «наличия», т.к. используемые авторами дизайны экспериментов (небольшие временные интервалы, отсутствие полного заучивания) позволяют равновероятно свести ее либо к торможению консолидации (т.е. к незапоминанию, а не к забыванию), либо к уменьшению доступности следа при его воспроизведении (Brown, Neath, Chater, 2007).

Несколько более убедительны, на наш взгляд, результаты исследований проактивной интерференции (Weinstein, et al., 2014). Основной полученный эмпирический факт, который можно аккумулировать из весьма разноплановых работ, заключается в том, что наличие в долговременной памяти сходного ма-

териала не влияет на какие-либо параметры заучивания нового материала, но повышает его уязвимость к временному фактору на стадии сохранения. В данном контексте уместно упомянуть различие хрупкости и силы следа, как двух аспектов кодирования материала (Wickelgren, 1974). Следуя данному различению, можно считать, что проактивная интерференция делает вновь создающийся след более хрупким, но не оказывает влияния на его силу.

Пожалуй, наиболее эффектной демонстрацией вклада фактора проактивной интерференции в забывание является работа, выполненная Б.Дж. Андервудом (Underwood, 1957). Он провел метаанализ 17-ти экспериментов (включая 4 собственных), в которых независимой переменной являлось не время, прошедшее с момента первого безошибочного воспроизведения (как у Г.Эббингауза), а количество блоков заученного ранее идентичного материала при равном для всех условий интервале между заучиванием и опросом (24 часа). Полученная кривая оказалась по форме практически эквивалентна классической «кривой забывания» Эббингауза. Количество повторений, необходимых для заучивания, оставалось неизменным при очевидном снижении эффективности воспроизведения через сутки с 75% – для условия отсутствия интерферирующих блоков материала до 22% – при наличии 10 интерферирующих блоков материала и до 12% – при наличии 20 интерферирующих блоков материала с постоянным замедлением темпа потери эффективности. На основании полученных данных может быть сформулирован вывод о том, что механизм проактивной интерференции на указанном временном интервале действует на уже сформировавшийся долговременный след памяти, повышая вероятность его отсроченного разрушения. Схожие результаты на материале эпизодических воспоминаний спортсменов о названиях команд-соперников были получены Бэддели и Хитчем (Baddeley, Hitch, 1977). К сожалению, отсутствие данных о влиянии ретроактивной интерференции в аналогичных экспериментальных условиях затрудняет верификацию предположений о характере интерфе-

рениционного повреждения. В принципе, в качестве вариантов объяснений можно рассматривать взаимное ассоциативное ослабление старого и нового следов, замену одного следа другим и катастрофическую интерференцию (см. выше).

Отметим, что проблема «наличия» следа подразумевает не только полное или частичное исчезновение физического носителя зафиксированного в памяти события, но и его преобразование. В таком случае взаимодействие между вновь поступающим и уже присутствующим в памяти материалом приводит к конструированию новых, не эквивалентных оригинальным событиям репрезентаций.

На наш взгляд, традиционное для описания данного процесса, расширенное использование термина «интерференция» (в буквальном переводе с латыни обозначающий «взаимное поражение») становится некорректным применительно к продуктивным мнемическим процессам, результатом которых становится формирование новых репрезентаций на основе преобразования старых. Так процесс схематизации, абстрагирования существенных признаков схожих ситуаций, с формальной точки зрения, является вариантом интерференции, т.е. взаимного уничтожения точных копий опыта. Однако данный процесс представляет собой основной механизм индуктивного получения знаний и формирования содержания семантической долговременной памяти (Collins & Quillian, 1969; Collins & Loftus, 1975).

В данном контексте ключевым понятием, конкурирующим с понятием интерференции, с недавних пор стало понятие реконсолидации (Sara, 2000; McKenzie, Eichenbaum, 2011). Согласно теории реконсолидации, сформировавшиеся ранее следы памяти на короткое время после повторной активации приобретают способность интегрировать в себя новые элементы, а также могут быть уничтожены (Agren, 2014). Например, Хупбах с коллегами (Hupbach, et al., 2007) последовательно предъявляли испытуемым 20 предметов, складывая их в коробку, и затем просили перечислить. На следующий день испытуемые разделялись на две группы. Представители

группы «без реконсолидации» приглашались в новое помещение, где видели 20 новых предметов. Представители группы «реконсолидации» возвращались в то же помещение, где были накануне, отвечали на вопросы-напоминания (какого цвета была коробка? где стоял экспериментатор? и т.п.) и лишь после этого видели новые предметы. В том случае, когда тестирование воспроизведения первого набора предметов происходило сразу же, эффекта реконсолидации

и нейрофизиологическое знание, были получены многочисленные данные о необратимых трансформациях эпизодических и автобиографических воспоминаний под воздействием ретроспективной переинтерпретации события прошлого, воображения альтернативного протекания события и процесса конструктивного дополнения пробелов в воспоминаниях (Loftus, 2005; Нуркова, 2008; Frenda, Nichols, Loftus, 2011). Апеллируя к стандартной многокомпо-

Что проблема «наличия» следа подразумевает не только полное или частичное исчезновение физического носителя зафиксированного в памяти события, но и его преобразование. В таком случае взаимодействие между вновь поступающим и уже присутствующим в памяти материалом приводит к конструированию новых, не эквивалентных оригинальным событиям репрезентаций

не наблюдалось. Но при отсроченном тестировании на третий день те испытуемые, которые прошли через процедуру реконсолидации, значимо чаще включали названия предметов, увиденных во второй серии эксперимента, в перечень предъявленных в первый день. Аналогично в работе Форкато с коллегами было показано, что при последовательном заучивании двух рядов, состоящих из пар бессмысленных слогов, каждый из которых ассоциировался с определенным контекстом (цвет экрана, картинка и фрагмент мелодии), предъявление в качестве подсказки контекста

нентной модели памяти как к ансамблю качественно разнородных мнемических систем (Нуркова, 2015), можно сказать, что активные преобразования существующего следа события требуют его ввода в пространство рабочей памяти. В связи с этим, встает вопрос: приводит ли акт реконсолидации к формированию нового «интегрированного» содержания памяти, которое занимает место старого, или новое содержание сосуществует со старым? Дискуссия по данному вопросу еще далека от своего завершения и требует новых исследований (Loftus, Loftus, 1980).

На основании полученных эмпирических фактов и теоретических соображений представляется обоснованным настаивать на дальнейших поисках доказательств реальности механизмов уничтожения следа именно для эпизодической подсистемы долговременной памяти, но не семантической или автобиографической

заучивания одного списка с последующим вопросом о паре из другого списка приводит к их субъективному смешению при воспроизведении (Forcato, et al., 2007). Сходные данные были получены в дальнейшем на материале жизненных эпизодов, воспроизводимых в ответ на список прилагательных (Schwabe, Wolf, 2009), и видео травматического содержания (Chan, Lapaglia, 2013) и др.

Задолго до начала триумфального шествия теории реконсолидации, которое не в последнюю очередь связано с попыткой согласовать психологиче-

В целом, на основании полученных эмпирических фактов и теоретических соображений представляется обоснованным настаивать на дальнейших поисках доказательств реальности механизмов уничтожения следа именно для эпизодической подсистемы долговременной памяти, но не семантической или автобиографической. В филогенезе эпизодическая память, т.е. способность временно сохранять «хронику» происходивших событий, возникла как адаптивное дополнение к семантической памяти, где знания о мире хранятся

в обобщенной, потенциально экстраполируемой на широкий класс ситуаций форме (Allen, Fortin, 2013). Преимущество обособления эпизодической памяти заключается в том, что ее носитель

положил необходимый ему на протяжении нескольких дней предмет, не забывая при этом, где он находится обычно. Важной особенностью эпизодической памяти является как раз гипотетическая

вание многокомпонентности долговременной памяти как ансамбля качественно различных мнемических процессов, объединенных общей задачей обеспечения использования опыта прошлого, но специфичных по своей организации и действующих в них закономерностях, по нашему мнению, является одной из основных причин противоречивости получаемых данных.

Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Регуляция самоидентичности системой автобиографической памяти», грант №.15-36-01045

На основании полученных эмпирических фактов и теоретических соображений представляется обоснованным настаивать на дальнейших поисках доказательств реальности механизмов уничтожения следа именно для эпизодической подсистемы долговременной памяти, но не семантической или автобиографической

приобрел возможность учитывать в своей деятельности ситуативные отклонения от устойчивых правил без их изменения. Например, человек помнит, куда

необходимость формирования устройства для стирания подобных «отклонений от правил», как только стабильный порядок будет восстановлен. Игнориро-

Литература:

- Нуркова В.В. Проблема неточности воспоминаний в перспективе многокомпонентной модели памяти // Мир психологии. – 2015. – Т. 81. – № 2. – С. 35–49.
- Нуркова В. В. Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / под ред. В.Д.Соловьева и Т.В.Черниговской. Т. 2. – Москва : Институт психологии РАН, 2008. – С. 87–102.
- Эббингауз Г. Основы психологии / пер. с нем. Г.А. Котляр; под ред. В.С. Серебренникова, Э.Л. Радлова. – Санкт-Петербург : Типография «Общественная польза»: паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1912.
- Agren T. (2014) Human reconsolidation: a reactivation and update. *Brain research bulletin*. Vol. 105, 70–82. doi: 10.1016/j.brainresbull.2013.12.010
- Allen, T.A., & Fortin, N.J. (2013) The evolution of episodic memory. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 110, 2, 10379–10386. doi: 10.1073/pnas.1301199110
- Anderson, M. C., & Huddleston, E. (2011) Towards a cognitive and neurobiological model of motivated forgetting. In R. F. Belli (Ed.), *True and false recovered memories: Toward a reconciliation of the debate* (pp. 53–120). New York, Springer.
- Baddeley, A.D., & Hitch, G. (1977) Recency re-examined. S. Dornic (Ed.) *Attention and performance* (Vol. 6, pp.647–667). Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates.
- Brown, G. D. A., Neath, I., & Chater, N. (2007) A temporal ratio model of memory. *Psychological review*. Vol. 114, 3, 539–576. doi: 10.1037/0033-295X.114.3.539
- Brown, J. (1958) Some tests of the decay theory of immediate memory. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 10, 1, 12–21. doi: 10.1080/17470215808416249
- Chan, J.C.K., & Lapaglia, J.A. (2013) Impairing existing declarative memory in humans by disrupting reconsolidation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 110, 23, 9309–9313. doi: 10.1073/pnas.1218472110
- Collins, A.M., & Quillian, M.R. (1969) Retrieval time from semantic memory. *Journal of verbal learning and verbal behavior*. Vol. 8, 2, 240–247. doi: 10.1016/S0022-5371(69)80069-1
- Collins, A.M., & Loftus, E.F. (1975) A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological review*. Vol. 82, 6, 407–428. doi: 10.1037/0033-295X.82.6.407
- Colman, Andrew M. (Ed.) (2014) *Oxford Dictionary of Psychology*. 4th Edition. Oxford university Press, 749.
- Conrad, R. (1957) Decay Theory of Immediate Memory. *Nature*. 179, 831–832. doi: 10.1038/179831b0
- Davis, M. (2008) Forgetting: Once again, it's all about representations. In H. L. Roediger, Y. Dudai, & S. M. Fitzpatrick (Eds.), *Science of memory: Concepts* (pp. 317–320). New York, Oxford University Press.
- Ellenbogen, J. M., Hulbert, J. C., Stickgold, R., Dinges, D.F., & Thompson-Schill, S.L. (2006) Interfering with theories of sleep and memory: sleep, declarative memory, and associative interference. *Current Biology*. Vol. 16, 13, 1290–1294. doi: 10.1016/j.cub.2006.05.024
- Forcato, C., Burgos, V. L., Argibay, P. E., Molina, V. A., Pedreira, M. E., & Maldonado, H. (2007) Reconsolidation of declarative memory in humans. *Learning and Memory*. Vol. 14, 4, 295–303. doi: 10.1101/lm.486107
- Frenda, S.J., Nichols, R.M., & Loftus, E.F. (2011) Current issues and advances in misinformation research. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 20, 20–23. doi: 10.1177/0963721410396620
- Hardt, O., Nader, K., & Nadel, L. (2013) Decay happens: the role of active forgetting in memory. *Trends Cognitive Science*. Vol. 17, 3, 111–20. doi: 10.1016/j.tics.2013.01.001
- Hebb, D. O. (1949) *The organization of behavior: A neuropsychological approach*. John Wiley & Sons, 11.
- Hupbach, A., Gomez, R., Hardt, O., & Nadel, L. (2007) Reconsolidation of episodic memories: a subtle reminder triggers integration of new information. *Дуфкштити фтв Бьюцкн*. Vol. 14, 47–53. doi: 10.1101/lm.365707

- Lahl, O., Wispel, C., Willigens, B., & Pietrowsky, R. (2008) An ultra short episode of sleep is sufficient to promote declarative memory performance. *Journal of sleep research*. Vol. 17, 1, 3-10. doi: 10.1111/j.1365-2869.2008.00622.x
- Loftus, E. F. (2005) Planting misinformation in the human mind: A 30-year investigation of the malleability of memory. *Learning and Memory*. Vol. 12, 361-366. doi: 10.1101/lm.94705
- Loftus, E.F., & Loftus, G.R. (1980) On the permanence of stored information in the human brain. *American Psychologist*. Vol. 35, 5, 409-420. doi: 10.1037/0003-066X.35.5.409
- Mercer, T. (2015) Wakeful rest alleviates interference-based forgetting. *Memory*. Vol. 23, 2, 127-137. doi: 10.1080/09658211.2013.872279
- Nadel, L., & Hardt, O. (2011) Update on memory systems and processes. *Neuropsychopharmacology*. Vol. 36, 251-273. doi: 10.1038/npp.2010.169
- Nairne, J. S., & Pandeirada, J. N. S. (2008) Forgetting. *Learning and memory: A comprehensive reference*. Vol. 2, 179-194.
- Payne, D. G. (1987) Hypermnnesia and reminiscence in recall: A historical and empirical review. *Psychological Bulletin*. Vol. 101, 1, 5-27. doi: 10.1037/0033-2909.101.1.5
- Roediger, H. L., & Nestojko, J. F. (2015). The relative benefits of studying and testing on long-term retention. In J. G. W. Raaijmakers, A. H. Criss, R. L. Goldstone, R. M. Nosofsky, & M. Steyvers (Eds.) *Cognitive modeling in perception and memory: A festschrift for Richard M. Shiffrin* (pp. 99-111). New York, Psychology Press.
- Roediger, H. L., Weinstein, Y., Agarwal, P. K., Pooja, K. (2010). Forgetting: Preliminary considerations. Della Sala, Sergio (Ed). (2010). *Forgetting* (pp. 1-22). New York, NY, US, Psychology Press, 338.
- Sadeh, T., Ozubko, J.D., Winocur, G., & Moscovitch, M. (2014) How we forget may depend on how we remember. *Trends in Cognitive Science*. Vol.18, 1, 26-36. doi: 10.1016/j.tics.2013.10.008
- Sara, S.J. (2000) Retrieval and reconsolidation: toward a neurobiology of remembering. *Learning and Memory*. Vol. 7, 2, 73-84. doi: 10.1101/lm.7.2.73
- Schwabe, L., & Wolf, O.T. (2009) New episodic learning interferes with the reconsolidation of autobiographical memories. *PLoS ONE*. Vol. 4(10), e7519. doi: 10.1371/journal.pone.0007519
- Stickgold, R. (2005) Sleep-dependent memory consolidation. *Nature*. Vol. 437,1272-1278. doi: 10.1038/nature04286
- Thorndike, E. L. (1913) *The original nature of man* Educational psychology. New York, Teachers College, Columbia University, 170.
- Tulving, E. (1974) Cue-dependent forgetting: When we forget something we once knew, it does not necessarily mean that the memory trace has been lost; it may only be inaccessible. *American Scientist*. Vol. 62, 1, 74-82.
- Tulving, E., & Pearlstone, Z. (1966) Availability versus accessibility of information in memory for words. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. Vol. 5, 4, 381-391. doi: 10.1016/S0022-5371(66)80048-8
- Underwood B.J. (1957) Interference and Forgetting. *Psychological Review*. Vol.64, 1, 49-60. doi: 10.1037/h0044616
- Weinstein, Y., Gilmore, A. W., Szpunar, K. K., & McDermott, K. B. (2014) The role of test expectancy in the build-up of proactive interference in long-term memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 40, 4, 1039-1048. doi: 10.1037/a0036164
- Wickelgren, W. A. (1974) Single-trace fragility theory of memory dynamics. *Memory & Cognition*. Vol. 2, 4, 775-780.

References:

- Agren T. (2014) Human reconsolidation: a reactivation and update. *Brain research bulletin*. Vol. 105, 70-82. doi: 10.1016/j.brainresbull.2013.12.010
- Allen, T.A., & Fortin, N.J. (2013) The evolution of episodic memory. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 110, 2, 10379-10386. doi: 10.1073/pnas.1301199110
- Anderson, M. C., & Huddleston, E. (2011) Towards a cognitive and neurobiological model of motivated forgetting. In R. F. Belli (Ed.), *True and false recovered memories: Toward a reconciliation of the debate* (pp. 53-120). New York, Springer.
- Baddeley, A.D., & Hitch, G. (1977) Recency re-examined. S. Dornic (Ed.) *Attention and performance* (Vol. 6, pp.647-667). Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates.
- Brown, G. D. A., Neath, I., & Chater, N. (2007) A temporal ratio model of memory. *Psychological review*. Vol. 114, 3, 539-576. doi: 10.1037/0033-295X.114.3.539
- Brown, J. (1958) Some tests of the decay theory of immediate memory. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 10, 1, 12-21. doi: 10.1080/17470215808416249
- Chan, J.C.K., & Lapaglia, J.A. (2013) Impairing existing declarative memory in humans by disrupting reconsolidation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 110, 23, 9309-9313. doi: 10.1073/pnas.1218472110
- Collins, A.M., & Quillian, M.R. (1969) Retrieval time from semantic memory. *Journal of verbal learning and verbal behavior*. Vol. 8, 2, 240-247. doi: 10.1016/S0022-5371(69)80069-1
- Collins, A.M., & Loftus, E.F. (1975) A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological review*. Vol. 82, 6, 407-428. doi: 10.1037/0033-295X.82.6.407
- Colman, Andrew M. (Ed.) (2014) *Oxford Dictionary of Psychology*. 4nd Edition. Oxford university Press, 749.
- Conrad, R. (1957) Decay Theory of Immediate Memory. *Nature*. 179, 831-832. doi: 10.1038/179831b0
- Davis, M. (2008) Forgetting: Once again, it's all about representations. In H. L. Roediger, Y. Dudai, & S. M. Fitzpatrick (Eds.), *Science of memory: Concepts* (pp. 317-320). New York, Oxford University Press.
- Ebbinghaus, G. (1912) *Principles of Psychology*. Eds. V.S. Serebrennikov, & E.L. Radloff. St. Petersburg, Typography «The common good»: N.L. Nyrkin steam lithography.
- Ellenbogen, J. M., Hulbert, J. C., Stickgold, R., Dinges, D.F., & Thompson-Schill, S.L. (2006) Interfering with theories of sleep and memory: sleep, declarative memory, and associative interference. *Current Biology*. Vol. 16, 13, 1290-1294. doi: 10.1016/j.cub.2006.05.024

- Forcato, C., Burgos, V. L., Argibay, P. F., Molina, V. A., Pedreira, M. E., & Maldonado, H. (2007) Reconsolidation of declarative memory in humans. *Learning and Memory*. Vol. 14, 4, 295-303. doi: 10.1101/lm.486107
- Frenda, S.J., Nichols, R.M., & Loftus, E.F. (2011) Current issues and advances in misinformation research. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 20, 20-23. doi: 10.1177/0963721410396620
- Hardt, O., Nader, K., & Nadel, L. (2013) Decay happens: the role of active forgetting in memory. *Trends Cognitive Science*. Vol. 17, 3, 111-20. doi: 10.1016/j.tics.2013.01.001
- Hebb, D. O. (1949) *The organization of behavior: A neuropsychological approach*. John Wiley & Sons, 11.
- Hupbach, A., Gomez, R., Hardt, O., & Nadel, L. (2007) Reconsolidation of episodic memories: a subtle reminder triggers integration of new information. *Learning and Memory*. Vol. 14, 47-53. doi: 10.1101/lm.365707
- Lahl, O., Wispel, C., Willigens, B., & Pietrowsky, R. (2008) An ultra short episode of sleep is sufficient to promote declarative memory performance. *Journal of sleep research*. Vol. 17, 1, 3-10. doi: 10.1111/j.1365-2869.2008.00622.x
- Loftus, E. F. (2005) Planting misinformation in the human mind: A 30-year investigation of the malleability of memory. *Learning and Memory*. Vol. 12, 361-366. doi: 10.1101/lm.94705
- Loftus, E.F., & Loftus, G.R. (1980) On the permanence of stored information in the human brain. *American Psychologist*. Vol. 35, 5, 409-420. doi: 10.1037/0003-066X.35.5.409
- Mercer, T. (2015) Wakeful rest alleviates interference-based forgetting. *Memory*. Vol. 23, 2, 127-137. doi: 10.1080/09658211.2013.872279
- Nadel, L., & Hardt, O. (2011) Update on memory systems and processes. *Neuropsychopharmacology*. Vol. 36, 251-273. doi: 10.1038/npp.2010.169
- Nairne, J. S., & Pandeirada, J. N. S. (2008) Forgetting. *Learning and memory: A comprehensive reference*. Vol. 2, 179-194.
- Nurkova, V.V. (2015) Inaccuracies of memories problem in the long term multicomponent memory model. [*Mir psikologii*]. Vol. 81, 2, 35-49.
- Nurkova, V.V. (2008) Trusting memory: As information is included in the autobiographical knowledge. [*V.D.Soloveva & T.V. Chernigov. Kognitivnyye issledovaniya: sbornik nauchnyh trudoved*]. Vol. 2. Moscow, Institute of Psychology of RAS, 87-102.
- Payne, D. G. (1987) Hypermnnesia and reminiscence in recall: A historical and empirical review. *Psychological Bulletin*. Vol. 101, 1, 5-27. doi: 10.1037/0033-2909.101.1.5
- Roediger, H. L., & Nestojko, J. F. (2015). The relative benefits of studying and testing on long-term retention. In J. G. W. Raaijmakers, A. H. Criss, R. L. Goldstone, R. M. Nosofsky, & M. Steyvers (Eds.) *Cognitive modeling in perception and memory: A festschrift for Richard M. Shiffrin* (pp. 99-111). New York, Psychology Press.
- Roediger, H. L., Weinstein, Y., Agarwal, P. K., Pooja, K. (2010). Forgetting: Preliminary considerations. Della Sala, Sergio (Ed). (2010). *Forgetting* (pp. 1-22). New York, NY, US, Psychology Press, 338.
- Sadeh, T., Ozubko, J.D., Winocur, G., & Moscovitch, M. (2014) How we forget may depend on how we remember. *Trends in Cognitive Science*. Vol.18, 1, 26-36. doi: 10.1016/j.tics.2013.10.008
- Sara, S.J. (2000) Retrieval and reconsolidation: toward a neurobiology of remembering. *Learning and Memory*. Vol. 7, 2, 73-84. doi: 10.1101/lm.7.2.73
- Schwabe, L., & Wolf, O.T. (2009) New episodic learning interferes with the reconsolidation of autobiographical memories. *PLoS ONE*. Vol. 4(10), e7519. doi: 10.1371/journal.pone.0007519
- Stickgold, R. (2005) Sleep-dependent memory consolidation. *Nature*. Vol. 437, 1272-1278.
- Thorndike, E. L. (1913) *The original nature of man* Educational psychology. New York, Teachers College, Columbia University, 170.
- Tulving, E. (1974) Cue-dependent forgetting: When we forget something we once knew, it does not necessarily mean that the memory trace has been lost; it may only be inaccessible. *American Scientist*. Vol. 62, 1, 74-82.
- Tulving, E., & Pearlstone, Z. (1966) Availability versus accessibility of information in memory for words. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. Vol. 5, 4, 381-391. doi: 10.1016/S0022-5371(66)80048-8
- Underwood B.J. (1957) Interference and Forgetting. *Psychological Review*. Vol.64, 1, 49-60. doi: 10.1037/h0044616
- Weinstein, Y., Gilmore, A. W., Szpunar, K. K., & McDermott, K. B. (2014) The role of test expectancy in the build-up of proactive interference in long-term memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 40, 4, 1039-1048. doi: 10.1037/a0036164
- Wickelgren, W. A. (1974) Single-trace fragility theory of memory dynamics. *Memory & Cognition*. Vol. 2, 4, 775-780.

«Психическая устойчивость: прочность или гибкость?»: рецензия на книгу «Формирование психологической устойчивости у военнослужащих»¹

А.Г. Караяни

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия.

Поступила 3 сентября 2016/ Принята к публикации: 12 сентября 2016.

“Mental Resilience: strength and flexibility?»: review of the book «Developing psychological stability in military men»¹

Aleksandr G. Karayani

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Received September 3, 2016 / Accepted for publication: September 12, 2016.

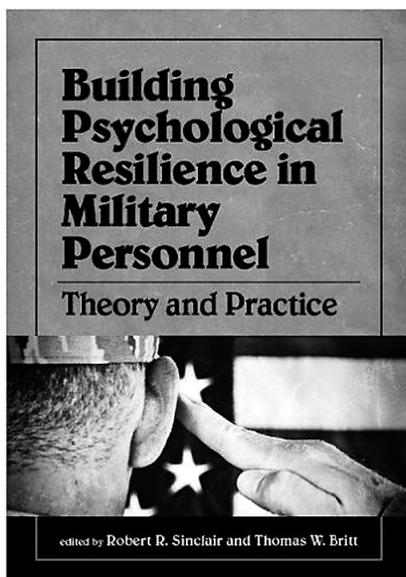
Статья представляет собой рецензию на книгу, подготовленную известными специалистами по военно-психологическим проблемам из США, Великобритании и Канады. В рецензии отмечается главное достоинство данной работы – удачное сочетание теоретического анализа проблемы психологической устойчивости и практических рекомендаций по ее формированию у военнослужащих. Приводятся конкретные статистические данные, свидетельствующие о важности и актуальности рассматриваемой проблемы. Отмечается, что читатели этого издания не только получат полное представление о психологической устойчивости и ее проявлениях, но и почерпнут сведения о сложившейся на сегодняшний день системе технологий формирования данного качества у военнослужащих. В рецензии подчеркивается, что материалы книги представляют большой интерес для российских военных и гражданских психологов, призванных повысить психологическую устойчивость специалистов, действующих в экстремальной обстановке.

Ключевые слова: военная психология, психологическая устойчивость, психология за рубежом.

The paper is a review of a book prepared by well-known experts in the military psychological issues of the US, UK and Canada. The review emphasizes the main advantage of this work, i.e. a combination of theoretical analysis of the psychological stability and practical recommendations for developing psychological stability in military men. There specific statistics data showing the importance and urgency of the issue. The readers will not only get a complete picture of the psychological stability and its manifestations, but also obtain information about the current system of technologies how to develop psychological stability in military men. The book is of great interest for the Russian military and civilian psychologists and is aimed at increasing psychological stability of those who work in the extreme conditions.

Keywords: military psychology, psychological stability, psychology abroad.

¹ *Building Psychological Resilience in Military Personnel: theory and practice / edited by Robert R. Sinclair and Thomas W. Britt. – Washington, 2013.*

Содержание книги «Формирование психологической устойчивости у военнослужащих» является прекрасным примером международной кооперации военных психологов в решении сложных военно-психологических проблем. В ее подготовке приняли участие специалисты из США, Британии и Канады. Редакторами книги выступили известные психологи: Роберт Р. Синклер – ассоциированный профессор индустриальной и организационной психологии и Томас В. Бритт – профессор социальной и организационной психологии Клемсонского университета.

Отличительной чертой данной книги является удачное сочетание теоретического анализа проблемы психологической устойчивости и практических рекомендаций по ее формированию у военнослужащих.

Авторы убедительно показывают, что условия современной войны и военной службы предъявляют высокие требования к психологическим качествам военнослужащих, оказывают мощное психо-

логическое воздействие на участников боевых действий. Около 30% военнослужащих, принимавших участие в боевых событиях в Ираке и Афганистане, имели выраженные психологические проблемы. В 2010 г. среди американцев этой категории был зафиксирован 281 подтвержденный случай самоубийства. Кроме этого, в Армии США было отмечено 413 суицидальных попыток. Между тем, лишь 14,3% из числа суицидентов имели непосредственный боевой опыт. Война драматически влияет и на семьи военнослужащих. У жен участников боевых действий отмечается рост общего дистресса, тревоги, депрессии, по сравнению с фоновыми показателями. У их детей на 11% возрастает риск оказаться пациентами системы здравоохранения в связи с проблемами психического здоровья и поведения, на 18% – в связи с детскими поведенческими проблемами и на 19% – в связи с детскими стрессовыми расстройствами. Все это обуславливает большое значение психологической устойчивости участников боевых действий и членов их семей.

В книге всестороннему анализу подвергаются существующие научные подходы к пониманию психологической устойчивости военнослужащих, связанные с целостными личностными характеристиками, отдельными личностными качествами, констелляциями различных личностных факторов, стилем поведения и пр. В результате психологическая устойчивость анализируется в системе, заданной следующими координатами:

- 1) требования событий;
- 2) стресс и копинг;
- 3) индивидуальные факторы;
- 4) организационные факторы;
- 5) результат.

Это дает возможность авторам рассматривать психологическую устойчивость как многомерный конструкт, включаю-

щий множество характеристик, отражающей способность военнослужащего или группы восстанавливать свое состояние или адаптационный процесс, позволяющий снижать напряжение боевой обстановки и хронических стрессов. То есть, психологическая устойчивость – это не способность сохранять неизменность своих кондиций, а способность «пружинить», «отскакивать», «приспосабливаться». Психологическая устойчивость солдата, по мнению авторов, проявляется в наличии у него:

- а) когнитивных ресурсов, позволяющих эффективно решать проблемы;
- б) эмоциональных умений противостоять стрессу;
- в) социальных и семейных ресурсов, которые могут быть привлечены в нужное время;
- г) способности находить цель и смысл своей службы;
- д) физической стойкости к продолжительным трудностям.

Авторы подробно описывают сложившуюся на сегодняшний день систему технологий формирования психологической устойчивости военнослужащих, включающую:

- Stress Management Training (тренинг управления стрессом, тренинг прививки стресса, медитации внимания и др.);
- Preparatory Education – предварительное обучение (программа формирования боевого сознания «Battlemind», предоставление военнослужащим необходимой информации о психологических явлениях боя);
- Stress-Related Cognitive Appraisals – формирование эффективных копинг-стратегий;
- Role modeling – использование поведенческих образцов для подражания, опыта бывалых воинов;
- Exposure/Mission Rehearsal Exercises – тренировка военнослужащих в выполнении задач в обстановке, приближенной к боевой, в том числе с использованием технологии виртуальной реальности;
- Exposure to Internal Stimuli – тренировка аппарата стрессового реагирования.

В боевой обстановке поддержанию психологической устойчивости военнослужащих способствуют командиры и специалисты по психическому здо-

Александр Григорьевич Караяни –

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, академик Академии военных наук, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: karayani@mail.ru

Для цитирования: Караяни А.Г. «Психическая устойчивость: прочность или гибкость?»: рецензия на книгу «Формирование психологической устойчивости у военнослужащих» // Национальный психологический журнал. – 2016. – №4(24). – С. 72–75 doi: 10.11621/npj.2016.0310

For citation: Karayani A.G. (2016) "Mental Resilience: strength and flexibility?": review of the book «Developing psychological stability in military men». *National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 72–75. doi: 10.11621/npj.2016.0310

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

ровью, которые находятся в следующих пропорциях по отношению к военно-служащим: в Британии – 1:2500–4000, в США – 1:700, в Канаде – 1:500–600. В процесс сохранения психологической устойчивости включается психологический актив – специально подготовленные военнослужащие. В Британской армии, например, действует Trauma Risk Management program – программа использования немедицинского персонала (актива) в интересах психологической поддержки сослуживцев.

По завершении боевых действий участники включаются в Third-Location Decompression Program – программу «декомпрессии», то есть, программу постепенного (от 36 часов в британской армии до 5 суток в канадской) психологического возвращения участников боевых действий в мирные условия жизнедеятельности. 95% ветеранов считают эту программу необходимой и эффективной.

В рецензируемой книге интересно представлена действующая ныне в США программа формирования всесторон-

ней готовности солдата – Comprehensive Soldier Fitness (CSF). На стратегическом уровне эта программа отвечает на вопрос: «Как сделать программу психологической подготовки воинов вооруженных сил такой же важной, как их физическую подготовку?». На оперативном уровне она показывает, как командирам тренировать своих подчиненных в частях и подразделениях. На тактическом уровне она нацелена на обучение солдат способам преодоления трудностей.

В книге подробно описываются четыре компонента CSF:

- 1) Global Assessment Tool (GAT) – программа оценки всесторонней готовности военнослужащего (опросник, насчитывающий 105 вопросов), позволяющая спланировать дальнейшее его развитие;
- 2) Comprehensive Resilience Modules – 24 различных онлайн-модуля, составляющих ядро психологической подготовки военнослужащего, соответствующих уровню исходной готовности, занимаемой должности и опыты;

3) Master Resilience Trainer Course (MRTs) – 10-дневный курс подготовки сержантов как ведущих тренинг;

4) Institutional Training – элементы тренинга, встроенные во все виды профессиональной подготовки и повышения квалификации военнослужащего.

Реализация этой мощной программы психологической подготовки должна, по мнению авторов книги, изменить мировосприятие, стиль мышления и поведения военнослужащих на основе позитивного мировоззрения.

Положения рецензируемой книги представляют большой интерес для российских военных и гражданских психологов, призванных повысить психологическую устойчивость специалистов, действующих в экстремальной обстановке. В определенной степени положения из рецензируемой книги созвучны тем, что излагаются в нашей военно-психологической литературе, однако имеется немало новых, оригинальных, достойных пристального внимания идей.

Литература:

Алехин И.А., Караяни А.Г., Гожилов В.Я. Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-дидактический контекст // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 3. – С. 179–188.

Караяни А.Г. Превентивно-адаптивные» технологии в психологической подготовке военнослужащих // Юридическая психология. – 2015. – № 3. – С. 11–15.

Караяни А.Г. Информационно-психологическое противоборство: новая реальность // Безопасность Евразии. – 2015. – № 1(49). – С. 241–243.

Караяни А.Г. Психологическая модель служебной деятельности как инструмент создания системы ее психологического обеспечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. – 2013. – Т. 6. – С. 92–98.

Караяни А.Г. Психологическая работа в боевой обстановке : практическое пособие. – Самара, 1997.

Караяни А.Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах : монография. – Москва : ВУ, 1998.

Караяни А.Г. Страх на войне: деструктивный фактор или психологический ресурс // Российский психологический журнал. – 2015. Т. 12. – № 1. – С. 100–114.

Караяни А.Г. Теоретические основы психологического обеспечения служебной деятельности // Юридическая психология. – 2013. – № 3. – С. 22–26.

Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Военная психология в годы первой мировой войны // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 2. – С. 122–135.

Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Военно-психологическое образование: между прошлым и будущим // Военный академический журнал. – 2014. – № 1. – С. 53–62.

Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадaptация участников боевых действий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. – 2014. – Т. 7. – С. 59–66.

Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Зинченко Ю.П. Американская военная психология как область специальной практики // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 65–73. doi: 10.11621/npj.2014.0107

Караяни А.Г., Корчемный П.А., Марченков В.И. Психологическая подготовка боевых действий войск : учебное пособие. – Москва : ВУ, 2011.

Караяни, А.Г., Корчемный, П.А. Психологическая помощь в кризисных ситуациях : учебное пособие. – Москва : ВУ, 2010.

Караяни, А.Г., Сыромятников, И.В. Военная психология : учебник для специалистов психологической работы Вооруженных сил Российской Федерации. – Москва : ВУ, 2016.

Королева И.Н., Караяни А.Г., Закревский Ю.Н. Влияние психологической групповой сплоченности у моряков-подводников на выполнение задач в повседневной учебно-боевой деятельности // Армия и общество. – 2015. – Т. 4. – № 47. – С. 16–19.

Building Psychological Resilience in Military Personnel : theory and practice / edited by Robert R. Sinclair and Thomas W. Britt. – Washington, 2013.
Karayani, A.G. (2015) The Power of Weakness: Review of the book by Mark Neville and Jamie Hacker Hughes «Battle Against Stigma». Psychology in Russia: State of the Art. Vol. 8, 3, 157-160. doi: 10.11621/pir.2015.0312

References:

- Alekhin, I.A., Karayani, A.G., & Gozhikov, V.Ya. (2015) Innovative resources for building competences of military cadets: psycho-didactic context. [*Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*]. 3, 179-188.
- Karayani, A.G. (2015) «Preventive-adaptive» technology in the psychological preparation of the soldiers. [*Yuridicheskaya psikhologiya*]. 3, 11-15.
- Karayani, A.G. (2015) The information psychological confrontation: a new reality. [*Bezopasnost' Evrazii*]. 1 (49), 241-243.
- Karayani, A.G. (2013) Psychological model of performance management as a tool for creating a system of its psychological support. [*Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*]. Series Psychology. Vol. 6, 92-98.
- Karayani, A.G. (1997) Psychological work in a combat situation: practice book. Samara.
- Karayani, A.G. (1998) Psychological support of combat operations personnel units of ground forces in local military conflicts: monograph. Moscow, VU.
- Karayani, A.G. (2015) Fear of war: the destructive psychological factor or psychological resource. [*Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*]. Vol. 12, 1, 100-114.
- Karayani, A.G. (2013) Theoretical Foundations of psychological support performance. [*Yuridicheskaya psikhologiya*]. 3, 22-26.
- Karayani, A.G. (2015) The Power of Weakness: Review of the book by Mark Neville and Jamie Hacker Hughes «Battle Against Stigma». Psychology in Russia: State of the Art. Vol. 8, 3, 157-160. doi: 10.11621/pir.2015.0312
- Karayani, A.G., & Karayani, Yu.M. (2016) Military psychology during the First World War. [*Psikhologicheskiy zhurnal*]. Vol. 37, 2, 122-135.
- Karayani, A.G., & Karayani, Yu.M. (2014) Military psychological education: between past and future. [*Voennyi akademicheskiy zhurnal*]. 1, 53-62.
- Karayani, A.G., & Karayani, Yu.M. (2014) Psychological effects of war and socio-psychological readaptation of combatants. [*Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*]. Series Psychology. Vol. 7, 59-66.
- Karayani A.G., Karayani Yu.M., Zinchenko Yu.P. (2014) The american military psychology as area of special practice. *National Psychological Journal*. 1(13), 65-73. doi: 10.11621 / npj.2014.0107
- Karayani, A.G., Korchemnyy, P.A., & Marchenko, V.I. (2011) Psychological preparation of combat operations: manual. Moscow, VU.
- Karayani, A.G., & Korchemnyy, P.A. (2010) Psychological assistance in crisis situations: manual. Moscow, VU.
- Karayani, A.G., & Syromyatnikov, I.V. (2016) Military Psychology: textbook for psychologists of the Armed Forces of the Russian Federation. Moscow, VU.
- Koroleva, I.N., Karayani, A.G., & Zakrevskiy, Yu.N. (2015) The impact of psychological group cohesion in submariners to perform tasks in daily training and combat activities. [*Armiya i obshchestvo*]. Vol. 4, 47, 16-19.
- (Eds.) Sinclair, Robert R. & Britt, Thomas W. (2013) Building Psychological Resilience in Military Personnel: theory and practice. Washington.

От социального познания — к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой)

Д.А. Хорошилов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 2 сентября 2016 / Принята к публикации: 10 сентября 2016

From social cognition to social epistemology (in memory of G.M. Andreeva)

Dmitry A. Khoroshilov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: September 2, 2016 / Accepted for publication: September 10, 2016

Статья представляет собой опыт прочтения научного и литературного наследия Г.М. Андреевой. В ней анализируется методология социального познания (social cognition) на протяжении полувека разрабатываемая ученой как инструмент анализа общества и характеризующих его социальных проблем. В контексте идей В. Тернера, З. Баумана и М.К. Мамардашвили определяется, что есть «социальность» познания, разворачиваемая в ракурсах ментализации, межличностного взаимодействия и массового сознания. На основе теоретических исследований Г.М. Андреевой доказывается смежность микропроцессов индивидуального конструирования знания и социальных макропроцессов в пространстве общения, диалога и дискурса. Трудность определения эпистемологического статуса группового, массового и общественного сознания рассматривается как следствие тенденции к антропоморфизации коллективного субъекта познания, которая оборачивается старой проблемой соотношения личности и общества в психологии — «действия» и «структуры» в социологии. Последние из них разрешаются Г.М. Андреевой через гармоничное объединение разноликих идей когнитивной психологии, социального конструкционизма, отечественной культурно-деятельностной теории Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева. Формулируются следующие характеристики социального познания как процесса конструирования образа социального мира: презумпция повседневности, активно-конструктивный характер, категориальность, дискурсивность, эмоциональность, критичность, перспектива клинического анализа социокультурных реалий. Исходя из сказанного, делается вывод об эвристичности идей научной школы Г.М. Андреевой в дискуссиях по проблемам гуманитарного знания, что позволяет говорить о новом статусе социальной психологии как эпистемологии современного общества и культуры. Ключевые слова: социальное познание, социальная эпистемология, массовое сознание, личность и общество, язык и дискурс, социальная категоризация и классификация.

This paper is dedicated to scientific and literary heritage of Galina M. Andreeva. The methodology of social cognition, for more than half a century developed by Galina M. Andreeva as a tool of social analysis, is discussed. The problem of social cognition, first indicated by V. Turner, Z. Bauman and M. Mamardashvili, is analysed in terms of mentalization, interpersonal interaction and mass consciousness. Based on G. Andreeva's theoretical research, the correlation between micro-processes of individual cognition construction and macro-processes of society in communication, dialogue and discourse is proved. The issue of finding the correct definition of a group, mass or public consciousness epistemological status is taken as a result of an old trend toward anthropomorphizing the collective cognition subject. This impedes the correlation between personality and society in psychology, meaning "agency" and "structure" in sociology. G. Andreeva discusses the last one, connecting cognitive psychology, social constructionism and activity theory. Theoretical assumptions of social cognition as the process of world image construction are formulated as follows: 1) presumption of general knowledge; 2) active constructive nature; 3) categorization and classification as the basic process; 4) the relationship between discourse and cognition; 5) emotionality; 6) critical orientation; 7) prospective for the clinical analysis of sociocultural realities. With respect to the abovementioned facts, it can be said that the ideas of scientific school founded by Galina M. Andreeva allow to innovatively define social psychology as a modern social and cultural epistemology.

Keywords: social cognition, social epistemology, mass consciousness, individuality and society, language and discourse, social categorization and classification

Осмысление классики отечественной социальной психологии – задача деликатного свойства. «Такие титаны жили на земле в древности», – вспоминает Т.Н. Толстая о своем деде М.Л. Лозинском. Эти же слова справедливы для поколения военного времени, к которому принадлежала и Галина Михайловна Андреева. Не будучи прямым учеником, а только вольным слушателем ее лекций, а позднее – внимательным собеседником, алчущим получить совет в собственных диссертационных изысканиях, я хотел бы занять позицию читателя, принадлежащего к определенной школе социальной психологии, и, тем самым, отвести возможные упреки в праве преемственности мысли. На этих страницах нет места экзальтированной музеификации или детализированной реконструкции творчества Г.М. Андреевой, вместо этого ее идеи осмысляются в контексте современных дискуссий и проблем. Такая манера письма – лучшая память об Ученом.

Исходный пункт – обсуждение социального познания, ибо этой исследовательской сфере Г.М. Андреева уделяла пристальное внимание и в одноименном университетском курсе знакомила слушателей с новейшими концепциями и тенденциями социальных наук. Художественной интуицией социального познания можно считать, пожалуй, разделение Л.Н. Толстым двух типов жизни (в романе «Воскресение»): «все люди живут и действуют отчасти по своим мыслям, отчасти по мыслям других людей». Степень того, насколько люди живут по своим мыслям и насколько по мыслям других людей, определяет одно из главных их различий между собою. В этих словах – ключ к пониманию социальной, т.е. в имманентном присутствии в мышлении фигуры Другого, будь то

конкретный знакомый человек или общество в целом.

Что есть «социальное» в познании?

Проблема социальности познания дискутировалась в истории философской мысли на протяжении столетий. «Societas» в латинском языке обозначает свободные договорные отношения между лицами, находящимися лицом к лицу. Границы понятия социальности можно расположить в следующем символическом континууме: «коммунитас», означающий прямое, непосредственное и всеобщее взаимодействие человеческих личностей как представителей рода Homo Sapiens, и состояние перетекания Я в Ты (Тэрнер, 1983), когда общности «жизни вместе» диалектически противостоит «порядок», сущность которого заключена в неравноправном распределении ресурсов и стратегий трансцендентности, произведенных культурой (Бауман, 2002, С. 6). Человек чувствует бессилие наедине с собой и другими людьми в той степени, в какой он лишен сложных форм социальности, собирающих его жизнь в «осмысленное целое» – так рассуждает М.К. Мамардашвили в своих Вильнюсских лекциях (Мамардашвили, 2008).

Философская идея социальности познания завоевывала признание тысячелетиями – от старинной критики влияния «теней» (Платон) и «идолов» (Ф. Бэкон) на чистое познание миропорядка, незамутненное чувственными впечатлениями, до триумфального признания в рамках социологии познания. Его началом послужила гипотеза, согласно которой «даже истины следовало считать социально обусловленными»

ми, связанными с историей общества, в котором они возникли» (Мертон, 2006, С. 654). Истоки данного направления восходят к именам К. Мангейма и М. Шелера. Позже задача изучения социального происхождения знания была во многом отдана на откуп социологии науки, которая вместо определения знания, как истинного мнения, рассматривает все то, что человек за него принимает – сами собой разумеющиеся или институционализированные представления, облеченные авторитетом социальных групп (Блур, 2002). Идея социальной детерминации познания, взятая без отрицательных коннотаций, заняла свое место в науках об обществе лишь в XX столетии.

Г.М. Андреева верно отмечает, что в философской и социологической традициях научного мышления «социальное познание не рассматривает в качестве своего субъекта конкретного единичного человека» (Андреева, 2005, С. 26). По этой причине, очевидно, современной социальной эпистемологии приходится «пересматривать и восстанавливать в правах проблематики индивидуальности» (Касавин, 2011, С. 364). Объединяясь в группы, реальные индивиды коллективно производят групповое знание, которое этически опасно обезличивать, тем самым лишая ответственности его «авторов», познавательные процессы всегда центрированы вокруг человека (Мотрошилова, 2011). В хитросплетениях общества, индивида и познания восстановить справедливость постаралась психология социального познания (social cognition), как тренд, заявивший о себе в 1970–1980-е гг.

Терминология и ранние исследования социального познания, которые изначально развивались в дисциплинарных границах социальной психологии (на пересечении изучения социальной перцепции, когнитивного соответствия и атрибутивных процессов), базировались на концептуальном допущении о рациональном устройстве жизни общества. Допущение противоположное старинной традиции ее иррационального объяснения, ведущей свое происхождение от имен Г. Лебона, У. Макдугалла и З. Фрейда. Основное внимание стало уделяться когнитивным механизмам конструирования социального мира

Дмитрий Александрович Хорошилов – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Для цитирования: Хорошилов Д.А. От социального познания – к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой) // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 76–85. doi: 10.11621/npj.2016.0311

For citation: Khoroshilov D.A. (2016). From social cognition to social epistemology (in memory of G.M. Andreeva). National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 3, 76–85. doi: 10.11621/npj.2016.0311

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

(Goethals, 2003). Используемое понятие социального познания призвано охватить когнитивные процессы, с помощью которых «одни люди понимают других, чтобы осуществлять согласованные действия» (Fiske, Taylor, 2013, p. 456).

В многообразии исследований определен базовый механизм социального познания, ментализация, т.е. способность понимать и интерпретировать поведенческие намерения другого человека, прогнозировать дальнейшее взаимодействие и, тем самым, объединяться в группы (Бейтман, Фонаги, 2014). Специфика ментализации, как процесса формирования представлений о психических состояниях людей, уточняется в нескольких теоретических моделях: «теории психического» (theory of mind), «теории симуляции» (simulation theory) и «считывания» (mindreading), чьи допущения были проанализированы и в русскоязычной литературе (Холмогорова, 2014). Важнейший результат ментализации – это построение диалогических когнитивных репрезентаций (отношений Я – Другой), которые возникают в онтогенезе, вследствие присущей человеку биологической адаптации к основанным на разделяемой намеренности взаимодействиям (Варнекен, Томаселло, 2011). Философский анализ «взаимодействующих сознаний» показывает, что «феномен Другого – это феномен непосредственного присутствия другого сознания в моем собственном сознании», при этом субъективность и способность управлять своим состоянием «надстраивается» над исходно интерсубъективными психическими образованиями (Кричевец, 2010).

Г.М. Андреева расширяет определение социального познания. Для нее это – не одна из множества предметных областей социальной психологии, занятая изучением общения как познания людьми друг друга (если уместно обратиться к формуле А.А. Бодалева), но и отдельная методология исследования современного общества, которая «развивает вкус» к восприятию и прояснению социальных проблем (Андреева, 2013b, С. 47). В «теории психического», по словам Е.А. Сергиенко, «другой человек не рассматривается как часть социальной группы, а выступает лишь как носитель психического» (Сергиенко, 2015). На

«место» интерсубъективности психология социального познания «подставляет» процессы взаимодействия и позиционирования идентичностей, зависящие от реального социального контекста и соответствующей ситуации массового сознания (Андреева, 2012b).

Примечательен логический ход, совершаемый в рассуждениях Г.М. Андреевой от микропроцессов взаимодействия лицом-к-лицу, в котором интерпретируется окружение, к макроуровню массового сознания, выражающемся в обществен-

мышления группе, ссылаясь на метафоричность использования этого понятия, наличие тенденции к «психологизации» социальной жизни. Так «можно говорить о системе инвариантных образов мира, точнее – абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми», которые соотносятся с устойчивыми, социально выработанными значениями, а не личносмысловыми образованиями (Леонтьев, 2005, С. 273).

Наследуя отечественной психологи-

Г.М. Андреева расширяет определение социального познания. Для нее это – не одна из множества предметных областей социальной психологии, занятая изучением общения как познания людьми друг друга (если уместно обратиться к формуле А.А. Бодалева), но и отдельная методология исследования современного общества, которая «развивает вкус» к восприятию и прояснению социальных проблем

ном мнении и настроении относительно «волнующих» сторон социальной жизни. Генезис массового сознания теоретически объясняется следующим образом: «субъективные» представления, выработанные отдельными индивидами, в коммуникации распространяются и одобряются другими людьми – тем самым обретают статус коллективных схем мышления, устанавливающих границы избирательного внимания и ти-

ческой традиции, Г.М. Андреева предпочитала говорить об образе социального мира, который не только создается («конструируется») отдельными индивидами, но и опосредует их деятельность в реальном мире. Включение деятельности в предмет науки социальной психологии «является необходимым, поскольку именно эта деятельность, в конечном счете, выступает как отношение» (Андреева, 1983, С. 57), характе-

Проблематика социального познания не сводится к когнитивным механизмам понимания в диадических отношениях Я – Другой, но требует перейти «по ту сторону» когнитивных – к изучению группового и массового сознания, чей эпистемологический статус неоднократно оспаривался в истории общественных наук. Что явилось одной из причин дисциплинарной «маргинализации» социальной психологии, которой пришлось потратить более полувека на возвращение социального контекста в свои исследования

пичных интерпретаций тех или иных событий и поведения (Дескола, 2012).

М. Дуглас, основываясь на классических исследованиях Э. Дюркгейма и М. Мосса о взаимосвязи структуры первобытного общества и характерных для него представлений о пространстве и времени, утверждает, что социальные институты лишены сознания в психологическом смысле, но как мыслительные коллективы (термин Л. Флека) обладают определенным стилем мышления – способами классификации действительности (Дуглас, 2012). Хотя социологи часто отказываются от приписывания

ризующее психологическую реальность групповой активности. В этом пункте имеется очевидное сходство с позицией современного конструкционизма и неоднократно подчеркиваемое Г.М. Андреевой: «все, что психология сводит к ментальным началам, конструкционисты объясняют микросоциальными процессами» (Герген, 2003, С. 48).

Итак, проблематика социального познания не сводится к когнитивным механизмам понимания в диадических отношениях Я – Другой, но требует перейти «по ту сторону» когнитивных – к изучению группового и массового созна-

ния, чей эпистемологический статус неоднократно оспаривался в истории общественных наук. Что явилось одной из причин дисциплинарной «маргинализации» социальной психологии, которой пришлось потратить более полувека на возвращение социального контекста в свои исследования. Как хорошо известно, обращение к проблемам социальных изменений и межгрупповых отношений стало одной из линий демаркации американской и европейской «национальных» традиций в социальной психологии. Именно в европейских концепциях – социальной идентичности А. Тэшфела, социальных представлений С. Московиси, дискурс-анализа Р. Харре – заданы инструменты анализа массового сознания (Андреева, 2012а). Идет ли речь, соответственно, о стереотипизации и каузальной атрибуции в межгрупповых отношениях, «анкерровке» и «объективации» неизвестных, пугающих событий или интерпретативных репертуарах этнического, гендерного и классового неравенства – очевидно, эти механизмы отличаются от индивидуальных процессов работы с социальной информацией.

Я. Паркер, резюмируя статьи в «Европейском журнале социальной психологии» в период между 1970-ми и 1990-ми гг., пронизательно заключает следующее: «после двух десятилетий групповых исследований европейская социальная психология сейчас заново демонстрирует признаки включения в себя индивидуальной психологии как сердцевины изучения группового поведения» (Паркер, 2013, С. 76) (выделено автором). Не повторяется ли на наших глазах история вековой давности, когда социальная психология по ту сторону Атлантики «потеряла социальное» (Greenwood, 2004) и стала наукой об индивидуальных взаимодействиях в локальных малых группах?

В философии выделяются две позиции относительно существования социальной общности:

- 1) общество – особая реальность, независимая от бытия отдельных личностей;
- 2) общество – это результат («сумма») индивидуальных взаимодействий (Кемеров, 2012).

На заре возникновения социальной психологии обозначенные интерпрета-

ции прозвучали в известной полемике Э. Дюркгейма и Г. Тарда, отстаивавших соответствующие логики «социологизма» и «психологизма». Удивителен тот факт, что пока социальная психология боролась за установление взаимосвязей между познанием и макропроцессами социальными изменений (интерпретируя идеи Дюркгейма, Фрейда и Пиаже в концепции социальных представлений) (Андреева, 2003), авторитетные социологи выступили против понимания общества как «смыслообразующего фактора». Они сводят его к типам связей между вещами, которые, ясно, «сами по себе не являются социальными» (Латур, 2014, С. 17). Тотальность «социального» заменяется «ассоциацией» множества материальных и нематериальных элементов, объединенных в гетерогенные сети – «спустя столетие Тард празднует победу над Дюркгеймом» (Вахштайн, 2006, С. 31).

Проблема, которая стала одной из причин неожиданного расхождения социальной психологии и ее «родительской» дисциплины, в наши дни заключается в следующем. Для социальной психологии XIX–XX столетий было крайне важно найти категориальный аппарат для анализа массовых психических явлений и форм коллективного мышления. Речь велась о «духе» (М. Лацарус, Г. Штейнталь) и «душе народа» (В. Вундт), «групповом сознании» (У. Макдугалл), «коллективном бессознательном» (К. Юнг), «ментальности» (Л. Леви-Брюль), «коллективных представлениях» (Э. Дюркгейм) – перечень может быть длинным. При известных различиях в определениях понятий их объединяет старинная философская тенденция к антропоморфизации общества. При такой логике общество интерпретируется как коллективный субъект психического, наделенный чертами индивидуальной личности (Савельева, Полетаев, 2008). Аналогия «индивидуального» и «общественного» человека восходит к античной и средневековой философии (соответствие трех сословий идеального платоновского государства трем началам души человека, макрокосма и микрокосма).

Проблема переноса категорий индивидуального познания на социальное особенно четко встает при рассмотрении коллективной и культурной памя-

ти (Репина, 2011). Истоки исследования этой темы в отечественной социальной психологии Г.М. Андреева находила уже в трудах В.М. Бехтерева – принципиально важный для нее «отклик» прошлого в современности (Андреева, 2007). Насколько правомерно переносить механизмы индивидуальной памяти на коллективную и наоборот? Не является ли «внешне» индивидуальная память производной от коллективной? От последнего понятия отказывалась в предсмертной работе С. Зонтаг: «Всякая память индивидуальна и не копируема – она умирает вместе с человеком. То, что называется коллективной памятью, – не воспоминание, а договоренность: вот что важно, вот история того, как все происходило» (Зонтаг, 2014, С. 65) (выделено автором).

Каждый человек является носителем «живой» исторической памяти, преобразуя знание о прошлом в автобиографический опыт (Нуркова, 2009). Изучение воспоминаний о сталинском терроре дает возможность реконструировать динамические аспекты передачи памяти о не погребенном прошлом, оборачивающейся призраками и монстрами «мертвой социальности» в постсоветской культуре – в кинематографе А. Балабанова, К. Муратовой, И. Хржановского. Как рассуждает А.М. Эткинд, «поколению террора достаются массовые захоронения, первому поколению после катастрофы – травма, а второму и последующим – горе», которое и возвращает мертвых к жизни (Эткинд, 2016, С. 13). По всей видимости, разделение индивидуальных и социальных измерений памяти – теоретическая условность, которая преодолевается в междисциплинарных исследованиях (ср. с поэтической формулой А.А. Ахматовой: «Я же роль рокового хора на себя согласна принять»).

Парадокс заключается в том, что коллективный субъект не может существовать без входящих в него индивидуальных, но при этом изменение состава индивидов, входящих в данный коллективный субъект, совсем необязательно означает изменение последнего (Лекторский, 2009). Из-за неопределенности эпистемологического статуса коллективного мышления нередко возникали дискуссии о задачах социальной психологии: Г. Зimmel стремился доказать,

что у группы отсутствует «душа», а предметом исследования остается «психологический индивидуум» (Зиммель, 2009, С. 121). А.Н. Леонтьев – с совершенно иных теоретических позиций – задавался вопросом, правомерно ли говорить о психологии общества и составляющих его классов. Ответ, на первый взгляд, неутешителен: «в смысле науки психологии – нет», можно говорить только о психологии определенного индивида, живущего в определенные исторические эпохи (Леонтьев, 2004, С. 215). При этом Зиммель является автором одной из первых программ социальной психологии как самостоятельной науки. А именно по приглашению А.Н. Леонтьева Г.М. Андреева открыла кафедру социальной психологии на факультете психологии МГУ в 1972 г.

Принимая во внимание обе позиции, можно утверждать, что эпистемологический вопрос о коллективном субъекте (группового и, шире, массового сознания) оборачивается проблемой соотношения личности и общества, а на социологическом языке – дилеммой «действие» (agency) versus «структура» (structure), т.е. активности индивида в изменении социальной структуры и одновременной детерминации его действий обществом. Согласно воззрениям С.Л. Рубинштейна, «должно быть отвергнуто представление о единственном субъекте как отправном пункте познания. «Я» – субъект познания – это универсальный субъект, это коллектив, сотрудничество эмпирических субъектов» (Рубинштейн, 2010, С. 23).

В первой половине XX столетия (с далеко не всегда совпадающих точек зрения, но в единодушном признании культурно-символической формы психики) Л.С. Выготский, М.М. Бахтин и Дж. Г. Мид обосновали принципиальное единство отношений Я – Другой, невозможность их самостоятельного друг от друга рассмотрения. Социальная психология, казалось бы, приняла тезис об условном разделении индивида и окружения – «исследование личности есть всегда другая сторона исследования общества» (Андреева, 2010, С. 68). Объяснительные принципы в «новых социологиях» – речь идет о фигурации (Н. Элиас), структурации (Э. Гидденс) и габитусе (П. Бурдьё) –

как бы выходят за пределы «эмпирической личности» и стремятся постичь «множественных индивидов в качестве продуктов и производителей разнообразных социальных отношений» (Коркюф, 2002, С. 23). Какие же практики осуществляют индивиды, чтобы воспроизвести социальные отношения в качестве устойчивой системы общества (Шматко, 2001)?

Известный социолог и старинный друг Г.М. Андреевой комментирует, что предложенная ею методология исследования социального познания отвергает старый постулат Декарта «*cogito ergo sum*» и утверждает кардинально иной принцип: «я мыслю, ибо вступаю в дискурс с другими мыслящими» (Ядов, 2009, С. 13). Индивидуализация личности является производной от выстраиваемых отношений в различных дискурсах, т.е. системах значений, закрепленных в языках общества, культуры и искусства. Следовательно, познание суть «место встречи» и интеграции этой «дискурсивной мозаики» (обсуждение статуса социальной психологии в пространстве современной науки и культуры Г.М. Андреева начинает с проблемы языка) (Андреева, 2013а). Одна из главных задач социально-психологических исследований – изучение обыденного использования языка в позиционировании партнеров по взаимодействию как «распределения» публичного знания о правах и обязанностях и «встраивания» в заданные обществом и культурой «фабулы» и «сюжеты» (Harré, Moghaddam, 2015). Утверждение о единстве личности и общества (т.е. индивидуального и коллективного субъекта познания) в их позиционировании через дискурс и диалог открывают перспективы для исследования социального познания в нескольких теоретических ракурсах.

Теоретические допущения психологии социального познания

Презумпция повседневности в социальном познании

«Познание социального мира рядовым членом общества, непрофессионалом, познание им социальной реальности как реальности своей, собственной жизни»

(Андреева, 2009, С. 72) – такое определение предмета социального познания знаменует необходимость психологического исследования течения повседневной жизни. Феноменологическая установка на описание и понимание жизненного мира «здорового смысла» была усвоена социальной психологией через работы Ф. Хайндера. От его книги 1958 г. «Психология межличностных отношений» начинается полувекковая традиция изучения каузальной атрибуции (как поиска «наивным человеком» смысла и причинно-следственных связей в происходящих событиях), приводящая, в конечном счете, к социальным представлениям – коллективно разделяемым обыденным объяснениям социальных изменений (Hogg, Vaughan, 2010).

В последней из упомянутых теорий намечается возобновление диалога социальной психологии с исторической психологией, историей ментальностей, а также антропологией повседневности (Гусельцева, 2015). Г.М. Андреева неоднократно сопоставляет концепции социальных представлений и ментальности (с точки зрения анализа массового сознания), подчеркивая конструктивный характер «социального воображаемого» (термин Ж. Дюби) – оно создается людьми и, вместе с тем, пересоздает их видение мира.

Конструктивность социального познания

Идея активности познания прозвучала в немецкой классической философии с ее «акцентированием деятельной стороны познания: сознание человека не только отражает мир, но и творит его». Однако Кант и Гегель пишут скорее не об индивидуальном, а о человеческом сознании, всеобщем духовном достоянии, закрепленном в языке и культуре (Гулыга, 2001, С. 56). Их предшественник – итальянский мыслитель Дж. Вико стремился показать искусственный или сотворенный характер «мира наций», способ возникновения которого «нужно найти в модификациях нашего собственного Человеческого Сознания» (Вико, 1994, С. 118).

Характеристика конструктивности восприятия, сопоставимая с его трактовкой как «активного отражения» мира в практической деятельности, фактиче-

ски означает процесс интерпретации и поиска взаимосвязей между явлениями и событиями окружения. Этот взгляд на восприятие заложен в «когнитивном конструктивизме» Дж. Келли и Ж. Пиаже. Стронники «социального конструктивизма» (Л.С. Выготский, Дж. Bruner, С. Московиси) фокусировали внимание на социальных отношениях, в которых формируются ментальные репрезентации окружающего мира. Наконец, движение «социального конструкционизма» устами К. Гергена, Дж. Поттера, Дж. Шоттера объявило когниции дискурсивным фактом, производным от конкретной коммуникативной ситуации и консенсуса (Herburn, 2003).

Категориальность социального познания.

Идея активно-деятельностной природы познавательных процессов, усвоенная когнитивной психологией, дополняется признанием категориальной организации восприятия – благодаря организованной системе категорий, можно классифицировать и идентифицировать доходящие до субъекта стимулы, а также придавать им более четкие коннотативные значения (Bruner, 1977) (ср. с цитированным ранее предположением М. Дуглас о способности институтов к классификации). В работах Г.М. Андреевой говорится о социальной категоризации, подчеркивающей специфичность познания общественных явлений. Стратификация и неравноправный доступ к физическим и символическим благам «функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура», – утверждает П. Бурдьё (Бурдьё, 1993, С. 37).

В соответствии с логикой «когнитивного поворота» для социальной психологии большое значение имеет исследование категоризации групп, а не только индивидов как их отдельных представителей. Есть даже специальный термин для обозначения тенденции рассматривания социальных групп в качестве «естественных» составляющих общества и базовых единиц анализа социальной жизни – «эффект группизма» (Брубейкер, 2012). Тем самым подчеркивается, что социальные науки призваны раскрыть «наивные» (народ-

ные – folk) теории восприятия групповых образований как унифицированных целостностей или «реально» действующих коллективных «персонажей» – акторов (Обыденное и научное ..., 2015). Подобная установка наиболее четко прослеживается в теории социальной идентичности А. Тэшфела и ее современной вариации М. Хогга (с опорой на принцип неопределенности). Они акцентировали именно воспринимаемый статус «своей» – «чужой» группы как справедливый или несправедливый, что при отсутствии или наличии «когнитивных альтернатив» сложившемуся положению дел «запускает» соответствующие стратегии отстаивания идентичности, в том числе – конфронтацию и конфликт (Hogg, Abrams, 1998).

Дискурсивность социального познания

Классификационные категории обыденного познания как процесса «собрания» разрозненных социальных объектов в единообразно воспринимаемые группы, строго говоря, не ментальной природы, ибо они производны от конкретных коммуникативных ситуаций и дискурсов, «систематически формирующих те объекты, о которых они говорят» (Фуко, 2004, С. 112). В полемике между сторонниками дискурс-анализа и теории Московиси доказывается, что эпистемологически социальные представления – это не чисто когнитивные, а скорее лингвистические структуры, которые «локализованы» в языке повседневной жизни (Potter, Wetherell, 1987). Г.М. Андреева предлагает следующее решение спора: в дискурсе, как «общении с помощью языка», вырабатывается социальный консенсус, включающий в себя нормативные образцы интерпретации социальных явлений (Андреева, 2005).

Эмоциональность социального познания

При том, что в современной социальной психологии достаточно подробно изучена включенность эмоций и настроения в процессы переработки социальной информации и принятия решений (в работах Дж. Форгаса прежде всего), дискурсивный подход стремится решить вопрос о том, как общество в различные исторические периоды

формирует нормативные модели переживания и чувства, которые усваиваются людьми для истолкования окружающего мира и самопознания (Юханнисон, 2011). Тем самым, обнаруживается весьма неожиданный выход из «лабиринта» когниций, аффектов и языка к проблеме социокультурной детерминации «внутренних» состояний и индивидуального воссоздания сферы «частной жизни» в противоположность публичной.

Критичность социального познания

Изучение того, как политические потребности превращаются в психологические, что является основополагающим механизмом власти в капиталистических обществах, во-многом определило научный пафос критической теории Франкфуртской школы, в рамках которой был предпринят опыт сближения психоанализа и марксизма. Оба философских направления претендуют на освобождение сознания «либо от отношений господства и идеологий, которые его поддерживают, либо от тормозящих и непрозрачных моментов расстроенного психического аппарата» (Уэст, 2015, С. 129). По Г.М. Андреевой, изучение социального познания неминуемо включает в себя такие темы, как влияние изменений социальных условий существования человека на патологические изменения его состояния (обычно маркируемые словосочетаниями «кризис идентичности в условиях социальной неопределенности» и «коллективная травма») (Андреева, 2011). Из сказанного можно сделать вывод о возможности «психоанализа общества» и обращения к языку клинической психологии для изучения повседневной жизни и массового сознания (дополнительно к традиционным формам социально-психологических исследований).

Клинический анализ социального познания?

Приведенный тезис стоит под вопросом ввиду его неразработанности в современной социальной психологии, которая переживает возрождение психоаналитических концепций (Hollway, 2007). Отмечается, что массовое сознание современного общества имеет явную склонность к «психологизации» объяснений социальных трансформаций, что позволяет не просто

соотнести личностные нарушения и макросоциальный порядок, но перенести традиционно клинические термины «диффузии», «расщепления», «фрагментации» в область изучения и социальных представлений. Такая оптика, по словам Е.Т. Соколовой, сопоставима с микроскопом, который «преувеличивает явления, как будто размытые в массовой норме» (Соколова, 2015, С. 10). В данном случае анализ патопсихологических явлений переходит от уровня изучения отдельного индивида к культурно-исторической патопсихологии целых наций (Бурлакова, 2016). Однако здесь еще предстоит выработать язык концептуализации клинического объяснения, несводимый к антропоморфной проекции патологических личностных организаций на общество.

Социальная психология – новая эпистемология общества?

Психология социального познания, задуманная Г.М. Андреевой как оригинальная методология исследования современного общества и характеризующих его социальных проблем, позволяет выйти за рамки условных различий позиций Я – Другой, микропроцессов межличностных взаимодействий и коммуникаций «лицом-к-лицу» и макропроцессов массового сознания. Она дает также возможность мыслить единство индивидуального и социального, личности и общества через понятия диалога и дискурса. В указанных эпистемологических ракурсах анализируется образ социального мира, конструируемый самими людьми и, вместе с тем, опосредующий их повседневную практическую деятельность. «Социальное познание есть всегда построение определенной картины мира, частью которого человек осознает себя, в котором он живет и действует» (Андреева, 2002, С. 182) (ср.: «со-

циальное воображаемое» переплетается с действительным и участвует в функционировании социального строя» – Гуревич, 2014, С. 173).

Главный фокус психологии социального познания задан аналитикой составляющих повседневность интерпретаций и классификаций действующих в обществе «коллективных акторов» – социальных групп, чей образ конструируется диалогически-дискурсивно. Но задача исследований явно не ограничивается только описанием этих символических форм обыденного познания (с помощью теоретического «словаря» социальных пред-

Психология социального познания, задуманная Г.М. Андреевой как оригинальная методология исследования современного общества и характеризующих его социальных проблем, позволяет выйти за рамки условных различий позиций Я – Другой, микропроцессов межличностных взаимодействий и коммуникаций «лицом-к-лицу» и макропроцессов массового сознания. Она дает также возможность мыслить единство индивидуального и социального, личности и общества через понятия диалога и дискурса

ставлений и социальной идентичности), а предполагает также обращение к научной критике влияния, оказываемого воссоздаваемым в массовом сознании смысловым порядком на этическое и аффективное состояние человека в ракурсе его возможной «патологизации». В пунктирах истории, антропологии, социологии, социальной и клинической психологии становится очевидной междисциплинарность исследований социального познания. «Комплексный» подход отстаивался Г.М. Андреевой уже в ее ранних «допсихологических» философско-социологических работах (Андреева, 1965, С. 298).

Таким образом, социальная психология, если логически продолжить размышления Г.М. Андреевой, может претендовать на статус эпистемологии общества, как в свое время мечтал С. Московиси – другой мыслитель того же «титанического поко-

ления» (вспомним метафору в начале настоящей статьи). Обобщая знание об индивидуальности, обществе и культуре, социальная психология превращается в антропологию современности. И большое значение на пути построения такой новой энциклопедической науки о человеке играет не только энтузиазм научно-исследовательского поиска, но – вот самое главное – эмоциональная и интеллектуальная атмосфера школы социальной психологии, которая создавалась волей и усилиями Г.М. Андреевой на протяжении полувек. Эта атмосфера хорошо опознается в ее собственных мемуарах: «Когда я попала на

психологический факультет, я как будто в другой мир пришла. Тут был старинный университет, по которому ходили такие старцы, как Леонтьев, Лурия, Гальперин, которые говорили на разнообразных языках и к которым без конца приезжали какие-то ученые ... Тогда говорилось, что это единственный интеллигентный факультет во всем МГУ» (Война спровоцировала ..., 2002, С. 86).

Так ли осталось и сегодня – разумеется, не суждено судить автору. Он может лишь скромно выразить благодарность судьбе за возможность учиться у Г.М. Андреевой и поделиться с читателями сокровенной надеждой на то, что основанная ею школа социально-психологической мысли продолжит свой путь в будущем и поможет найти нужные слова и объяснения глобального мира в стихии непредсказуемости и неизвестности XXI столетия.

Литература:

- Андреева Г.М. Значение идей А.Н. Леонтьева для развития марксистской социальной психологии // А.Н. Леонтьев и современная психология: сборник статей памяти А.Н. Леонтьева. – Москва : МГУ, 1983. – С. 54–65.
- Андреева Г.М. Идеи Грушина развиваются сегодня в самых различных областях общественных наук // Открывая Грушина. Т. 3. – Москва : МГУ, 2012а. – С. 49–56.
- Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. – 2011. – 6 (20). – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.04.2016).
- Андреева Г.М. Методологические проблемы социальной психологии в трудах В.М. Бехтерева // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2007. – Т. 149, № 1. – С. 70–83.

- Андреева Г.М. О «социологизации» социальной психологии в XX столетии // Социологический журнал. – 2003. – № 2. – С. 12–30.
- Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2012b. – 5 (26) : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772> - (дата обращения 28.09.2016)
- Андреева Г.М. Психология социального познания. – Москва : Аспект Пресс, 2005.
- Андреева Г.М. Современная буржуазная эмпирическая социология. – Москва : Мысль, 1965.
- Андреева Г.М. Социальная психология. – Москва : Аспект Пресс, 2010.
- Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2013a. – 6 (30) : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreev> - (дата обращения 28.09.2016)
- Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – Москва : НОУ ВПО МПСИ, 2009.
- Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. – 2013b. – № 1(9). – С. 39–41. DOI: 2079-6617/2013.0106
- Андреева Г.М. Трудности социального познания: «образ мира» или реальный мир? // Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – С. 182–198.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. – Москва : Логос, 2002.
- Бейтман Э., Фонаги П. Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2014.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – Москва : Медум, 1995.
- Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – 5–6 (35). – С. 35.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. – Москва : ВШЭ, 2012.
- Брунер Дж. Психология познания. – Москва : Прогресс, 1977.
- Бурдые П. Социология политики. – Москва : Socio-Logos, 1993.
- Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2016. – № 9(45) : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1241> - (дата обращения 28.09.2016).
- Варнекен Ф., Томаселло М. Познание на службе у культуры // Когнитивная психология: история и современность / под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. – Москва : Ломоносов, 2011. – С. 79–90.
- Вахштайн В.С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей / под ред. В.С. Вахштайна. – Москва : Территория будущего, 2006. – С. 7–39.
- Вико Дж. Основания новой науки. – Москва ; Киев: Refl-book ; ИСА, 1994.
- Война спровоцировала всякие запросы о жизни : интервью с Г.М. Андреевой // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2., № 3. – С. 78–87.
- Герген К. Социальный конструкционизм: знание и практика. – Минск : БГУ, 2003.
- Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. – Москва : Рольф, 2001.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – Москва ; Санкт-Петербург, 2014.
- Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к эволюции психологического знания : дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 2015.
- Дескола Ф. По сторону природы и культуры. – Москва : Новое лит. обозрение, 2012.
- Дуглас М. Как мыслят институты // Социология власти. – 2012. – № 4–5 (1). – С. 188–217.
- Зиммель Г. Социальная психология // Социология. – Москва : Редакционный УРСС, 2003. – С. 115–121.
- Зонтаг С. Смотрим на чужие страдания. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Касавин И.Т. Социальность познания // Энциклопедический словарь по эпистемологии / под ред. И.Т. Касавина. – Москва : Альфа-М, 2011. – С. 362–364.
- Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность. – Москва : Академический проект, фонд «Мир», 2012.
- Коркюф Ф. Новые социологии. – Москва ; Санкт-Петербург : Институт экспериментальной социологии ; Алетейя, 2002.
- Кричевец А.Н. Cogito, Другой и представления о психическом [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2010. – № 5 (13) : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/377-krichevets13.html> - (дата обращения 28.09.2016).
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – Москва : ВШЭ, 2014.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – Москва : Редакционный УРСС, 2009.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Смысл, Академия, 2004.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – Москва : Смысл, 2005.
- Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. – Москва : Прогресс-Традиция, 2008.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – Москва : Хранитель, 2006.
- Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. – Москва : Академический проект, 2012.
- Нуркова В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. – 2009. – №1, С.5–27.
- Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. – Москва : Прогресс-традиция, 2015.
- Паркер Я. Психоаналитическая культура: психоаналитический дискурс в западном обществе. – Ижевск : ERGO, 2013.

- Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета: гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – № 3. – С. 191–201.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – Санкт-Петербург : Питер, 2010.
- Савельева И.М., Поляев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. – Москва : Новое лит. обозрение, 2008.
- Сергиенко Е.А. Модель психического и социального познание [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, 42 : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1163> - (дата обращения 28.09.2016).
- Словарь основных исторических понятий : избр. статьи. В 2-х тт. Т 1. – Москва : Новое лит. обозрение, 2014.
- Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. – Москва : Смысл, 2015.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.
- Уэст Д. Континентальная философия : введение. – Москва : Дело, 2015.
- Фуко М. Археология знания. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия ; Университетская Книга, 2004.
- Холмогорова А.Б. Природа нарушений социального познания при психической патологии: как примирить «био» и «социо»? // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 4 (83). – С. 8–29.
- Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. – Москва : Канон-пресс-Ц, 2001. – С. 104–122.
- Эткинд А.М. Кривое горе: память о непогребенных. – Москва : Новое лит. обозрение, 2016.
- Юханнисон К. История меланхолии. – Москва : Новое лит. обозрение, 2011.
- Ядов В.А. Публично объясняюсь в любви к юбиляру // Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой / под ред. Ю.П. Зинченко и Т.Д. Марцинковской. – Москва : МГУ, 2009. – С. 9–14.
- Fiske, S.T. & Taylor, S.E. Social cognition: from brains to culture. L., Sage.
- Goethals, G.R. (2007) A century of social psychology: individuals, ideas and investigations. The Sage handbook of social psychology. L., Sage, 3-23. doi: 10.4135/9781848608221.n1
- Greenwood J.D. (2004) The disappearance of the social in American social psychology. NY, Cambridge University Press.
- Harré, R. & Moghaddam F. Positioning theory and social representations. The Cambridge handbook of social representations. Cambridge, Cambridge University Press, 224–233.
- Hepburn, A. (2003) An introduction to critical social psychology. L, Sage.
- Hogg, M.A. & Abrams, D. (1998) Social identifications: a social psychology of intergroup relations and group processes. L., Routledge.
- Hogg, M.A. & Vaughan, G.M. (2010) Essentials of social psychology. L., Prentice Hall.
- Hollway, W. (2007) Methods and knowledge in social psychology. Social psychology matters. London, Open University Press, 33–64.
- Potter, J. & Wetherell, M. (1987) Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior. L., Sage.

References:

- (2002) The war has caused many questions about life: an interview with G.M. Andreeva [Sotsiologicheskoe obozrenie], 3, 78–87.
- (2015) Common and scientific knowledge about society: reciprocal influences and reconfigurations. Moscow, Progress-Traditsiya.
- Andreeva, G.M. (1983) The meaning of A. N. Leontiev's ideas for Marxist social psychology development [A.N. Leontiev i sovremennaiya psikhologiya: sbornik statey pamyati A.N. Leontieva]. Moscow, MGU, 54–65.
- Andreeva, G.M. (1965) Contemporary bourgeois empirical sociology. Moscow, Mysl'.
- Andreeva, G.M. (2002). Problems of social cognition: the picture of the world or the real world? Moscow, Aspekt Press, 182–198.
- Andreeva, G.M. (2003) About “sociologization” of social psychology in 20th century [Sotsiologicheskii Zhurnal], 2, 12–30.
- Andreeva, G.M. (2005) Psychology of social cognition. Moscow, Aspekt Press.
- Andreeva, G.M. (2007) Methodological issues of contemporary psychology in V.M. Bechterevo's research [Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo Universiteta], 149, 70–83.
- Andreeva, G.M. (2009) Social psychology now: search and thoughts. Moscow, MPSI.
- Andreeva, G.M. (2010) Social psychology. Moscow, Aspekt Press.
- Andreeva, G.M. (2011) On the issue of identity crisis in terms of social transformations [Psikhologicheskie issledovaniya], 6 (20). : URL: <http://psystudy.ru>
- Andreeva, G.M. (2012) Grushin's ideas are currently developing in terms of various social sciences [Otkryvaya Grushina. Tom 3]. Moscow, MGU, 49–56.
- Andreeva, G.M. (2012) Identity's presentations in the context of interaction [Psikhologicheskie issledovaniya], 26. URL : <http://psystudy.ru>
- Andreeva, G.M. (2013) Social cognition and social problems [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 9, 39–41. DOI: 2079-6617/2013.0106
- Andreeva, G.M. (2013) Social psychology in terms of contemporary science and culture [Psikhologicheskie issledovaniya], 30. URL : <http://psystudy.ru>
- Bauman, Z. (2002) Individualized society. Moscow, Logos.
- Beitman, E. & Fonagi, P. (2014) Mentalization based treatment of borderline personality disorder. Moscow, Institut obschegumanitarnykh issledovaniy.
- Berger, P. & Lukman, T. (1995) Social construction of reality: sociology of knowledge. Moscow, Medum.
- Bloor, D. (2002) Strong programme in sociology of knowledge. Logos, 5, 1–24.
- Bourdieu, P. (1993) Sociology of politics. Moscow, Socio-Logos.
- Brubaker, R. (2012) Ethnicity without groups. Moscow, VShE.

- Bruner, J. (1977) Psychology of cognition. Moscow, Progress.
- Burlakova, N.S. (2016) Psychodynamics of cross-generational transition of traumatic experience in the context of cultural historic clinical psychology [Psikhologicheskie issledovaniya], 45. URL : <http://psystudy.ru>
- Corcuff, Ph. (2002) New sociologies. Moscow, Saint Petersburg, Institut eksperimental'noy sotsiologii, Aleteya.
- Deskola, F. (2012) From the point of nature and culture. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Duglas, M. (2012) How do institutions think [Sotsiologiya vlasti], 4–5, 188– 217.
- Etkind, A.M. (2016) Crooked grief: about the unburied. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Fiske, S.T. & Taylor, S.E. Social cognition: from brains to culture. L., Sage.
- Fooko, M. (2004) Archeology of Knowledge. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, Universitetskaya kniga.
- Gergen, K. (2003) Social constructionism: knowledge and practice. Minsk, BGU.
- Goethals, G.R. (2007) A century of social psychology: individuals, ideas and investigations. The Sage handbook of social psychology. L., Sage, 3–23. doi: 10.4135/9781848608221.n1
- Greenwood J.D. (2004) The disappearance of the social in American social psychology. NY, Cambridge University Press.
- Guliga, A.V. (2001) Classical German philosophy. Moscow, Rol'f.
- Gurevich, A.Ya. (2014) Historical synthesis and “École des Annales”. Moscow, Saint Petersburg.
- Gusel'tseva, M.S. (2015) Cultural analytic approach to psychological knowledge evolution. Moscow.
- Harré, R. & Moghaddam F. Positioning theory and social representations. The Cambridge handbook of social representations. Cambridge, Cambridge University Press, 224–233.
- Hepburn, A. (2003) An introduction to critical social psychology. L, Sage.
- Hogg, M.A. & Abrams, D. (1998) Social identifications: a social psychology of intergroup relations and group processes. L., Routledge.
- Hogg, M.A. & Vaughan, G.M. (2010) Essentials of social psychology. L., Prentice Hall.
- Hollway, W. (2007) Methods and knowledge in social psychology. Social psychology matters. London, Open University Press, 33–64.
- Juhannison, K. (2011) History of melancholy. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kasavin, I.T. (2011) Sociality of cognition [Entsiklopedicheskiy slovar' po epistemologii], Moscow, Alfa-M, 362–364.
- Kemerov, V.E. (2012) Society, sociality, polysubjectness. Moscow, Akademicheskii proekt, fond “Mir”.
- Kholmogorova, A.B. (2014) Social cognition deviations in terms of psychical pathology: how to balance “bio” and “socio”? [Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya], 4, 8–29.
- Krichevets, A.N. (2010) Cogito, another One and the view of the psychical [Psikhologicheskie issledovaniya], 13. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/377-krichevets13.html>
- Latur, B. (2014) Rebuilding of the social: introduction to actor web theory. Moscow, VSHE.
- Lektorskiy, V.A. (2009) Classical and non-classical epistemology. Moscow, Editorial URSS.
- Leontiev, A.A. (2005) The basics of psycholinguistics. Moscow, Smysl.
- Leontiev, A.N. (2004) Activity. Consciousness. Personality. Moscow, Smysl, Akademiya.
- Mamardashvili, M.K. (2008) Experience of physical metaphysics. Moscow, Progress-Traditsiya.
- Merton, R. (2006) Social theory and social structure. Moscow, Khramitel'.
- Motroshilova, N.V. (2012) National philosophy of the 50s-80s (20th century) and western ideas. Moscow, Akademicheskii proekt.
- Nurkova, V.V. (2009) History as a personal experience [Istoricheskaya psikhologiya i sotsial'nie istorii], 5–27.
- Parker, Ya. (2013) Psychoanalytical culture: psychoanalytical discourse in western society. Izhevsk, ERGO.
- Potter, J. & Wetherell, M. (1987) Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior. L., Sage.
- Repina, L.P. (2011) Phenomenon of memory in contemporary humanitarian knowledge [Uchenie zapiski Kazanskogo Universiteta], 153, 191–201.
- Rubinshtein, S.L. (2010) Human and the world. Saint Petersburg, Piter.
- Savelieva, I.M. & Poletaev, A.V. (2008) Social vision of the past OR do Americans know the history. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sergienko, E.A. (2015) Model of the psychical and social cognition [Psikhologicheskie issledovaniya], 42.
- Shmatko, N.A. (2001) Practical and constructed social groups: activity approach [Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo], Moscow, Kanonpress-Ts, 104–122.
- Simmel, G. (2003) Social psychology [Sotsiologiya]. Moscow, Editorial URSS, 115–121.
- Sokolova, E.T. (2015) Clinical psychology of the loss of identity. Moscow, Smysl.
- Sontag, S. (2014). Looking at others' sufferings. Moscow, Ad Marginem Press.
- Terner, V. (1983) Symbol and ritual. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva “Nauka”.
- Vahstain, V. (2006) Sociology of things and “turn to the reality” in social theory [Sotsiologiya veshchei], Moscow, Territoriya budushchego, 7–39.
- Varneken, F. & Thomasello, M. (2011) Cognition in the service of culture [Kognitivnaya psikhologiya], Moscow, Lomonosov, 79–90.
- Viko, J. (1994) The basics of the new science. Moscow, Kiev, Refl-book, ISA.
- West, D. (2015) Continental psychology: introduction.
- Yadov, V.A. (2009) Declaring the love to the anniversarian [Konstanta v neopredelennom i menyaushchemsya mire: malen'kaya psikhologicheskaya serena k yubileyu G.M. Andreevoy], Moscow, MGU, 9–14.

Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе

В.А. Емелин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 12 сентября 2016/ Принята к публикации: 26 сентября 2016

Simulacra and virtualization technologies in information society

Vadim A. Emelin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received September 12, 2016 / Accepted for publication: September 26, 2016

Рассматриваются технологии симуляции и виртуализации в контексте трансформации высших психических функций в информационном обществе. В качестве ключевой категории для теоретического анализа специфики виртуальной реальности используется категория «симулякр», рассматриваемая в рамках репрезентативной модели (Платон) и нерепрезентативной модели (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр). Виртуальная реальность понимается как пространство симулякров — особых знаков, которые, в отличие от знаков-копий, фиксируют не сходство, а различие с референтной реальностью, порождая ряды симуляций. Выделяется проблема субъективности, заключающаяся в слиянии в виртуальной реальности субъекта и симулякра, при котором, физически, телесно оставаясь в действительном мире, субъект ментально переходит в мир виртуальный, где наделяется новым, виртуальным телом, не имеющим ничего общего с его телесностью.

Обсуждаются ловушки технологических симулякров, связанные с созданием фантомной реальности и возможностями смешения виртуальной и действительной реальности. Сегодня технологии становятся силой, делающей невозможным различение означающего и означаемого. В информационном пространстве господствуют «виртуальные» события, порождающие, тем не менее, реальные следствия, вновь обретающие реальные отражения и создающие, в свою очередь, бесконечную цепь смены реальных и виртуальных событий. В качестве примера деструктивной симуляции приводится использование виртуальных технологий при ведении военных действий, при создании и раскрутке новостных событий в масс-медиа. Обсуждается также проникновение симулякров в науку. Симулякры стали неотъемлемой частью культурно-исторической реальности информационного общества. Именно в неразличимости виртуального и реального усматривается причина трансформации не только идентичности, но и самих высших психических функций.

Ключевые слова: симулякр, симуляция, виртуальная реальность, гиперреальность, киберпространство, высшие психические функции.

In this paper virtualization and simulation technologies in the context of higher mental functions in information society are observed. The category of “simulacrum” considered within the representative model (Plato) and unrepresentative model (Deleuze, Baudrillard) is considered as a key factor for the theoretical analysis of virtual reality. Virtual reality is described as a space of simulacra, special signs that, unlike signs-copies do not fix any similarity, but fix dissimilarity with reference reality generating a sequence of simulations. A problem of subjectivity is highlighted, containing the merger of the subject and simulacrum in virtual reality. Thus, staying in a real world physically, the subject transits into a virtual world mentally. There it is endowed by a new virtual body, that has nothing in common with the subject's corporeality. There are traps for technological simulacra related to the development of phantom reality and to the possibilities of combining virtual and true reality. Nowadays, technologies are becoming such power that is capable if erasing the border between a signifier and the signified. “Virtual” events play the leading role in information space. However, they generate real consequences, again acquiring real reflections and making an endless chain of switches between the real and the virtual events. As an example of destructive simulation, the use of virtual technologies for conducting military actions or for creating and promoting news events in mass media is given. It is stated that simulacra have become an inseparable part of cultural and historical reality of information society. It is indistinguishability of virtual and real entity that is defined as a reason of transformational processes of not only the identity but also of higher mental functions.

Key words: simulacrum, simulation, virtual reality, hyperreality, cyberspace, higher mental functions

Все стало симулякр

Жиль Делез

Разоблачать образы опасно, ведь они скрывают, что за ними ничего нет

Жан Бодрийяр

Развитие информационных технологий создает условия для формирования специфических форм идентичностей. Информационное пространство сегодняшнего общества значительно отличается от того, что окру-

«виртуальная демократия», «виртуальное обучение», «виртуальная игрушка», «виртуальные отношения», «виртуальный секс» и т.п. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить

го компьютерного продукта. В одном из интервью он так определил сущность виртуальной реальности: «Мы говорим о технике, посредством которой люди, благодаря компьютерной интервенции, синтезируют общую реальность. Она переносит наши отношения с физическим миром на новый уровень ...» (Черных, 2007, С. 207). Этот термин оказался довольно запоминающимся, ввиду необычного сочетания слова «реальность» со словом «виртуальный», ассоциирующегося с чем-то мнимым, воображаемым. Это броское выражение оказалось столь популярным, что превратилось в расхожую метафору, употребляемую по всякому возможному и невозможному поводу. Вместе с тем, лавинообразно увеличивающаяся область распространения «виртуальной реальности», превратившейся чуть ли не в символ современной действительности, вызвала необходимость философского и психологического осмысления данного явления. Особенно это важно в условиях расширения технологических возможностей построения систем виртуальной реальности. Так в тезисах З. Иствана – кандидата в президенты США от Трансгуманистской партии о перспективах технологий виртуальной реальности говорится следующее. «Вполне вероятно (особенно после того, как Facebook купил Oculus Rift²), что все большее количество людей погрузится в мир виртуальной реальности в ближайшие пять-десять лет. Возможно даже возникновение целой зеркальной цивилизации в виртуальной реальности. Кто будет контролировать расширение мира виртуальной реальности? Будет ли она принадлежать национальным правительствам? Сей-

Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества, о формировании «виртуальных идентичностей». Можно утверждать, что информационные технологии современного общества начинают выступать в своей виртуальной ипостаси, которая максимально объективирована, предельно конкретна и ощутима

жало человека 70–80-х годов XX века, главным образом, тем, что широкое распространение получили технологии виртуальной реальности. В обыденном сознании, как правило, этот термин

о «виртуализации» общества (Иванов, 2000), о формировании «виртуальных идентичностей¹». Можно утверждать, что информационные технологии современного общества начинают высту-

Лавинообразно увеличивающаяся область распространения «виртуальной реальности», превратившейся чуть ли не в символ современной действительности, вызвала необходимость философского и психологического осмысления данного явления. Особенно это важно в условиях расширения технологических возможностей построения систем виртуальной реальности

связывается с компьютерными играми и технологическими приспособлениями для более полного погружения в искусственные ландшафты. Но сегодня понятие «виртуальность» все чаще употребляется в контексте, выходящем за рамки области информатики и компьютерной техники. В обиход вошли такие, еще до недавнего времени бывшие «нереальными» сочетания, как «виртуальная корпорация», «виртуальные деньги»,

пять в своей виртуальной ипостаси, которая максимально объективирована, предельно конкретна и ощутима.

Термин «виртуальная реальность» получает широкое распространение в качестве маркетингового ярлыка и понятия массовой культуры с легкой руки специалиста в сфере компьютерных технологий Джарона Ланье (Жарона Ланира), применившего данный эпитет в 1984 году для обозначения ново-

Вадим Анатольевич Емелин –

кандидат философских наук,
доцент факультета психологии
МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: emelin@mail.ru

Для цитирования: Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 86–97. doi: 10.11621/npsj.2016.0313

For citation: Emelin V.A. (2016) Simulacra and virtualization technologies in information society. *National Psychological Journal*, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 3, 86–97. doi: 10.11621/npsj.2016.0313

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

час это так, но что, если какой-нибудь предприниматель начнет раздавать эту виртуальную реальность из космоса, как некоторые уже планируют? Будет ли она принадлежать Земле или компании, которая ее создала? Сможет ли ее создатель объявить себя императором или лидером культа?» (Трудно быть богом, URL : <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/215265-zoltan-istvan>). Ответить на эти не такие уже фантастические вопросы поможет философское осмысление феномена виртуальной реальности и социокультурных импликаций ее в различные сферы жизни.

Философия «виртуальной реальности» описывается теорией симулякров, сформированной в рамках постструктуралистско-постмодернистского направления такими его представителями, как Жиль Делез (Делез 1995, 1998), Жан Бодрийяр (Бодрийяр, 2013). Перед тем, как перейти к рассмотрению их взглядов, отметим, что оттенки смыслового значения понятия «симулякр» или «симулакрум» (от лат. *simulare* – притворяться) меняются в зависимости от модели применения, а именно, репрезентативной или нерепрезентативной. В контексте репрезентативной модели, воплощенной Платоном, симулякр следует понимать как копию копии, след следа, удвоение удвоения, которое претендует на обозначение оригинала, подлинника. Для Платона симулякр – это знак, искажающий свой прототип. Но, поскольку истинность определяется им, исходя из сходства или несходства вещи со своей идеей, то симулякры осуждаются как подделки, вымыслы, призраки и лишаются онтологического статуса. Пытаясь исключить из реальности искажающие ее фантазмы-симулякры, Платон первым задумался о природе этих странных объектов, которые сейчас мы назвали бы виртуальными. При этом именно Платон увидел, что симуляция представляет собой бесконечный процесс, подобный «саду расходящихся тропок», где каждый порожденный симулякр-фантазм конституирует серию других (Платон, 1993, С. 339–345). Таким образом, в рамках репрезентативной концепции симулякр представляется в качестве исключительно искусственной негативной сущности – ожившей маской арлекина, уродливо насмехающейся над действительностью.

В то же время, внутри репрезентативной модели обнаруживается модель нерепрезентативная, поскольку симулякры выходят за границы оппозиции подлинник–копия. Они уже не предполагают соотношения ни с какими референтами. Конец софиста – это идентичность с Сократом – триумф симулякров. «Окончательное определение софиста подводит нас к черте, за которой мы уже не можем отличить его от самого Сократа – мастера иронии, оперирующего в приватной беседе каноническими вопросами и ответами» (Делез 1995, С. 333).

Именно в таком русле рассуждал Ж. Делез, который за основу своих построений берет утверждение, что оппозиция модель – копия более не имеет смысла. Так, само понятие подлинности, соответствия, модели утрачивает смысл, ибо в головокружительной бездне симулякров теряется любая модель. С точки зрения нерепрезентативного подхода к симуляции, последняя представляется имманентной реальностью, так как возможность симулякра уже изначально присутствует в структуре бытия. Поэтому Делез утверждает: «... под симулякром имеется в виду не простая имитация, а, скорее – действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр – инстанция, включающая в себя различие как (по меньшей мере) различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устрняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» (Делез 1998, С. 93).

В отличие от Платона, для Делеза, симулякр уже не просто копия копии, ослабляющее подобие, «деградирующая икона», а фантазмагорический образ, лишенный подобия, который в противоположность иконическому знаку, поместив подобие снаружи, живет различием. Да и по Делезу, подобие симулякра представляет лишь внешний эффект, иллюзию, но на деле подлинная его сущность в расхождении, становлении, вечном изменении и различии в самом себе. «В симулякре присутствует некое умопомешательство, некое неограниченное становление. Становление всегда иного, низвергающее глубинное становление, идущее в обход равного,

предела, Того же Самого или подобного: всегда сразу больше и меньше, но никогда одинаковое» (Делез 1995, С. 336–337). С помощью теории симулякров Делез выступает против позиции Платона, стремившегося установить соответствие хаотического мира и трансцендентной идеи. При этом, аргументы он находит в самой сердцевине платонизма, в тех фрагментах, где Платон, пытаясь изъять из мира призраки и фантазмы, сам того не желая, придает им особую жизненную силу, которую питает их несхожесть, несоответствие и, в конечном счете, стремление к доминированию. Увы, от них не избавиться, симулякры оказались бессмертной Платона.

Наряду с делезовской трактовкой симуляции существует интерпретация Жана Бодрийяра. Как и Делез, Бодрийяр полагает, что симуляция начинается с утопии основного принципа репрезентации, утверждающего эквивалентность знака и реальности. По Бодрийяру, симулякр никаким образом не соотносится ни с какой реальностью, кроме своей собственной. Если функция знака – отображать, символа – представлять, то в отношении симулякра говорить о каком-либо соответствии не имеет смысла. Образы стали симулякрами: «... они более не зеркала реальности, они вселились в сердце реальности, трансформировав ее в гиперреальность, где от экрана к экрану у образа есть только одна судьба – быть образом. Образ не может более вообразить реальность, поскольку он сам становится реальностью, не может ее превзойти, трансфигурировать, увидеть в мечтах, так как сам образ есть виртуальная подкладка реальности» (Бодрийяр, 2000, URL : <http://philosophy.ru/library/ baud/zlo.html>). В отличие от Делеза, который разрабатывал преимущественно онтологические аспекты симуляции, Бодрийяр сосредотачивает свое внимание на социальных аспектах феномена. Он выдвигает тезис об «утрате реальности» в постмодернистскую «эру», на смену которой приходит «гиперреальность». Знаки больше не обмениваются на означаемое – они замкнуты сами на себя. Самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности», как создание все более обыскуственней среды обитания, в которой чело-

век более не страдает от тяжкого труда, болезней, голода, насилия, войн и даже не переживает экзистенциальных душевных конфликтов. «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний... которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возродить снова и снова» (Бодрийяр, 2012, С. 8). Бодрийяр предлагает рассматривать симуляцию как заключительный этап становления знака, в процессе которого он выделяет четыре стадии развития: первая – отражение некой глубинной реальности, вторая – маскировка и извращение этой реальности, третья – маскировка отсутствия всякой глубинной реальности, четвертая – утрата всякой связи с реальностью, переход

приемов, конструировать особую среду, атмосферу, в которую погружена вещь. Последняя уже перестает быть просто предметом, предлагаемым потенциальному покупателю, она обращается в некий символ, имидж, с которым связывается то или иное чувство, поведение, желание. Так создаются торговые марки, ставшие более значимыми, чем сами вещи (форма становится важнее содержания, глубина уступает место поверхности). Цена образуется исходя из «виртуального образа стоимости» – символической составляющей, выполняющей роль индикатора принадлежности к той или иной общности. Таким образом, уже на этом этапе реклама обращается в симулякр, в котором присутствует не только информация о товаре, но

продукция выступает на правах признанного «жанра» на различных рекламных конкурсах и фестивалях. Здесь в полной мере проявляется тавтологичность рекламы как знаковой системы, ибо, как отмечал Бодрийяр, любой рекламный знак указывает не только на товар, но и сам на себя как на рекламу (Бодрийяр, 1995, С. 151). Таким образом, на данной ступени реклама раздваивается (вспомним делезовские расходящиеся ряды, порождающие симулякры), еще оставаясь знаком товара-референта, но, уже становясь референтом и товаром.

Можно ли дальше продолжить цепочку? Бесспорно, ведь мы имеем дело с симулякрами – дьявольскими образами без подобия и не так-то просто остановить их маскарад. Для иллюстрации возможности продолжения видоизменения рекламных знаков возьмем красноречивый пример, предложенный Бодрийяром, хотя и несколько в другом контексте. В «Системе вещей» он обыгрывает следующую ситуацию. «Вообразим на миг, что в наших современных городах вдруг не стало никаких знаков – одни голые стены, словно пустое сознание. И тут появляется ГАРАП – одно единственное слово «ГАРАП», написанное на всех стенах. Чистое означающее без всякого означаемого, означающее лишь самого себя, оно начинает читаться, обсуждаться, истолковываться вхолостую, начинает невольно что-то значить: оно потребляется в качестве знака» (Бодрийяр, 1995, С. 150–151). Знак, никак не связанный не то что с товаром, но и вообще лишенный какого-либо смысла, начинает выполнять функции рекламы – рекламировать полное ничто. Реклама стала знаком, референт которого сам знак, и перестала иметь какого-либо другого референта в лице товара. Но и это еще не конец. Если постфактум связать ГАРАП с какой-нибудь конкретной вещью, то успех ее продажи обеспечен, ведь ГАРАП уже прочно внедрился в коллективное сознание, и люди в какой-то мере поверили в него. Все переворачивается. Уже не реклама подстраивается под товар, а, наоборот, товар под рекламу. Направленность репрезентации инвертируется. Знак становится референтом, а референт – знаком, давая начало новому циклу симуляций. Такова спираль развития рекламы как знаковой системы,

Симулякры, выпущенные на свободу, рвутся дальше – и реклама обретает собственный онтологический статус, становится самоценной, причем, в ущерб своим изначальным функциям – отражать и информировать. Мы начинаем оценивать рекламу не с точки зрения того, как она представляет товар, а в качестве самостоятельного художественного произведения

из строя видимости в строй симуляции, т.е. обращение знака в собственный симулякр (Бодрийяр, 2013).

Этот процесс разворачивания симулятивной природы знака можно проследить на примере четырех стадий развития рекламы. Изначально реклама несет

и сами качества, которые и определяют реальную стоимость товара. Зазор между знаком и референтом исчезает.

Но на этом трансформация рекламы не заканчивается. Симулякры, выпущенные на свободу, рвутся дальше – и реклама обретает собственный онтологический

Уже не реклама подстраивается под товар, а, наоборот, товар под рекламу. Направленность репрезентации инвертируется. Знак становится референтом, а референт – знаком, давая начало новому циклу симуляций. Такова спираль развития рекламы как знаковой системы, в ходе которой симуляция становится генератором реальности

лишь определенную (достоверную или не совсем достоверную) информацию о вещи с целью обеспечения ее продажи. Здесь между «посланием о предмете», заключенным в рекламе и самим рекламируемым предметом можно установить отношение соответствия: насколько оно выполняется, настолько и «правдива» реклама. Понятно, что реклама на этом этапе дистанцирована от предмета, между ними всегда остается зазор, как между знаком и референтом.

На следующей, более высокой стадии развития, реклама начинает создавать образ вещи, то есть наделять ее качествами, изначально ей не присущими, или же, путем использования определенных

статус, становится самоценной, причем, в ущерб своим изначальным функциям – отражать и информировать. Мы начинаем оценивать рекламу не с точки зрения того, как она представляет товар, а в качестве самостоятельного художественного произведения. Мы смотрим рекламу, будто это короткометражный фильм или живописное полотно, совершенно забыв о товарах и покупках, тогда знак, которым она когда то была, становится референтом, требующим оценки и соотнесения. Банка Империял давно нет, но рекламирующие его ролики Тимура Бекмамбетова из цикла «Всемирная история» до сих пор пользуются популярностью в сети и стали классикой рекламы. Рекламная

в ходе которой симуляция становится генератором реальности. Примечательно, что на примере «ГАРАПА» Бодрийяр в 1969 году описал так называемую «тизерную» (дражнящую) рекламу, всплеск которой пришелся на 2013–2014 годы.

Основываясь на теориях Делеза и Бодрийяра, симулякр можно определить как знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность, и, собственно говоря, доводящий саму идею знака до абсурда, до элиминации. Это даже не «кентавр знака и тела». На самом деле симулякр сам есть тело, но тело виртуальное, т.е. он так же реален, как реально любое тело, являющееся референтом, но реален он виртуально. Это «муляж, эрзац действительности, чистая телестность, правдоподобное подобие, пустая форма» (Маньковская, 2000, С. 57). Именно поэтому симулякр не есть знак в полном смысле понятия знака, но он сам может быть референтом по отношению к представляющему его знаку-симулякру следующего порядка. Симулякр начинается там, где заканчивается подобие. Там же и начинается виртуальная реальность, которая есть не что иное, как пространство симулякров. Пример – (почти забытые, но в свое время очень популярные) игрушки тамагочи – виртуальные питомцы. Выстроим детерминированный ряд рассуждений в обсуждаемом контексте. Высшая степень близости между людьми это – любовь. Дружеские отношения – это некое подобие любви. Привязанность человека к домашнему животному – своего рода замещение дружбы с человеком. Животное заменяет виртуальный зверек – пластмассовая коробочка с маленьким экранчиком и несколькими кнопками, легко умещающаяся в кармане. Конечно, можно сказать, что друг подобен любимому(мой), равно как утверждать, что собака или котик подобны другу, но говорить о том, что «примитивная» электронная игрушка подобна собаке – живому существу, объекту дружбы и любви, уже не представляется возможным. Но, тем не менее, виртуальный зверек реален, он инициирует заботу о себе, вызывает привязанность, иногда даже нездоровую, отодвигает чувство одиночества.

Там, где обрывается цепочка подобия, знак становится симулякром, той самой

копией копии, бесподобного знака, лишённой привычного соответствия и живущей безумием различия, о котором пророчески говорил Ж. Делез еще до наступления цифровой эпохи. Симулякр обретает свое виртуальное бытие, по отношению к которому наша реальность становится конституирующей, порождающей. Но в своей реальности, которую мы воспринимаем как виртуальную, он становится референтом, образцом, только без образа...

Возвратимся к нашему примеру. Цепочку с тамагочи можно продолжить: чем будет фотографическое изображение виртуального зверька? Явно, что оно не будет симулякром, поскольку представляет собой лишь копию симулякра,

В противоположность актуальной действительности, выражающей целостность, стабильность и завершенность, виртуальная реальность является источником различия и многообразия (или иллюзии таковых). Симулякры как виртуальные объекты всегда присутствовали в различных ипостасях в индивидуальной и социальной жизни и даже были эффективным средством влияния на ход истории

и подобие составляет ее сущность. Но, если мы поместим изображение виртуального зверька на экран монитора, «оживим» его, запрограммируем его в соответствии с прообразом, сделав кнопки интерактивными, наделим его обратной связью, то эта копия симулякра обретет собственное бытие. Она, несмотря на внешнее подобие со своим прообразом, в сущности, становится чем-то отличным от него, т.е. опять становится симулякром, но уже второго порядка. Таким образом, мы получаем симулякр, симулирующий другого симулякра.

Подводя итог рассмотрению виртуальной реальности, охарактеризуем ее как организованное пространство симулякров – особых объектов, «отчужденных знаков», которые в отличие от знаков-копий, фиксируют не сходство, а различие с референтной реальностью, порождая ряды симуляций (Емелин, 2009).

В противоположность актуальной действительности, выражающей целостность, стабильность и завершенность, виртуальная реальность является источником различия и многообразия (или иллюзии таковых). Симулякры как виртуальные объекты всегда присутство-

вали в различных ипостасях в индивидуальной и социальной жизни и даже были эффективным средством влияния на ход истории. Достаточно вспомнить такие исторические симулякры, как «Протоколы сионских мудрецов», «Жидомассонский заговор», «Константинов дар», «Третий Рим», «Древние укрыв», «Велесова книга», «Новая хронология истории» и т.п. Сегодня они становятся неотъемлемыми характеристиками информационного общества, во многом определяющими его специфический постмодернистский лик, общества, которое и создало технологические возможности для реализации ресурсов, до сих пор оставшихся незадействованными в рамках предшествующей социокультурной парадигмы. Именно информационное общество способствовало утверждению виртуальной реальности в качестве общественно значимого, востребованного феномена, роль которого позволяет говорить о наступлении «виртуальной цивилизации».

«Материализовалось» столь долго оставшееся нереализованным желание создавать альтернативные миры без ущерба миру реальному в компьютерной области. Применительно к компьютеру, виртуальная реальность неразрывно связалась с графическими технологиями, которые, посредством наделенного обратной связью взаимодействия «человек – компьютер», дают эффект присутствия в некоем другом, отличным от действительного, искусственном мире.

Виртуальный мир, в котором оказывается человек в результате слияния компьютерной графики с возможностью непосредственного воздействия на события, принято называть киберпространством. Этот термин впервые появляется в 1985 г. в научно-фантастическом романе Уильяма Гибсона «Neuromancer» (Гибсон, 2006), где используется для описания вселенной электронной медитации, в которой сосуществуют мил-

лионы виртуальных миров, созданных с помощью компьютерной графики. Этот термин впервые появляется в 1985 г. в научно-фантастическом романе Уильяма Гибсона «Neuromancer» (Гибсон, 2006), где используется для описания вселенной электронной медитации, в которой сосуществуют миллионы виртуальных миров, созданных с помощью компьютерной графики.

Виртуальный мир, в котором оказывается человек в результате слияния компьютерной графики с возможностью непосредственного воздействия на события, принято называть киберпространством. Этот термин впервые появляется в 1985 г. в научно-фантастическом романе Уильяма Гибсона «Neuromancer» (Гибсон, 2006), где используется для описания вселенной электронной медитации, в которой сосуществуют миллионы виртуальных миров, созданных с помощью компьютерной графики.

лиарды людей. По мнению одного из первых исследователей в данной области Френсиса Хэмита, киберпространство – это сфера информации, созданная посредством электроники (Hammet, 1993). Дж Сулер писал о нем следующее: «Киберпространство – один из способов изменения состояния сознания. Как и в измененном состоянии сознания вообще, киберпространство и все, что в нем происходит, кажется реальным – часто даже более реальным, чем действительность», что говорит о киберпространстве как о среде, трансформирующей высшие психические функции человека. Есть и другие определения

действительность. Входя в киберпространство, человек начинает ощущать себя не просто окруженным какими-то странными ландшафтами, нереальными телами, но и он сам становится таким телом – симулякр, «развеществленным» телом. Данный факт уже выходит за пределы событий чисто технологического плана, и подобный прорыв в области информационной деятельности несет в себе довольно значительные следствия, как для индивида, так и для общества. Посредством технологий виртуальной реальности человек обретает возможность специфически, по-новому ощутить бытие, обрести новый телесный

жжение в процессе виртуализации информационных технологий. Для описания позиции субъекта в контексте киберландшафта современного состояния предлагаются новые термины, например, «техно-состояние рассудка» (Брюс Стерлинг) или «терминальная (конечная) тождественность» (Уильям Берроуз). По мнению Скотта Бьюкетмена, последний эпитет более удачен, так как в нем воплощаются как техно-пророчества Маршалла Маклюэна, провозвестника электронной эры, так и культурные анализы Жана Бодрийера. Терминальная тождественность – это безошибочно вздвоенное сочленение, в котором мы находим и конец субъекта, и новую субъективность, сконструированную за пультом компьютера или телевизионным экраном (Бьюкетмен, 1997, С. 177).

Так, начав с довольно узкой области применения технологий виртуальной реальности, мы приходим к фундаментальным философским проблемам, связанным с деконструкцией субъекта в культуре постмодерна. И дело даже не в том, что сбываются выдвинутые еще в 1960–70-х гг. прогнозы М. Маклюэна о расширении и продолжении нервной системы человека электронными медиа (Маклюээн, 2003), и не в том, что в результате такого расширения происходит слияние человека с машиной и образование «компьютерно-порожденного» субъекта – гибрида человеческого и технологического, т.е. киборга. Субъект обращается в собственный симулякр и, физически, телесно оставаясь в действительном мире, ментально переходит в мир виртуальный, в пространство симулякров, где наделяется новым телом, не имеющим ничего общего с телесностью. Налицо факт слияния субъекта и симулякра. Вспомним Делеза: «Наблюдатель становится частью самого симулякра, а его точка зрения трансформирует и деформирует последний» (Делез, 1995, С. 336). Можно сказать, имеет место шизофреническое состояние, расщепление целостности индивида, который одновременно находится в двух пространствах – уютно расположившийся за столом, окруженный компьютером и периферийными устройствами он, в тоже время, ощущает себя другим

Входя в киберпространство, человек начинает ощущать себя не просто окруженным какими-то странными ландшафтами, нереальными телами, но и он сам становится таким телом – симулякр, «развеществленным» телом. Данный факт уже выходит за пределы событий чисто технологического плана, и подобный прорыв в области информационной деятельности несет в себе довольно значительные следствия, как для индивида, так и для общества

киберпространства, например, «созданное и постоянно дополняющееся чело-вечеством сетевое информационное воплощение ноосферы» (Плешаков, 2010). Киберпространство стало новой средой для жизнедеятельности человека как субъекта киберсоциализации. Появляются такая специфическая область исследования влияния киберпространства на человека, как киберпсихология³. Особенности жизнедеятельности (в том числе, специфика коммуникации) в киберпространстве оказывают влияние на реальную идентичность пользователей на основании того, что киберпространство обеспечивает отличные от условий реальной жизнедеятельности возможности коммуникации, принадлежности человека к определенным социальным категориям, референтной группе и относительно безопасное экспериментирование с идентичностью (Плешаков, URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/08/92/74/08927492.html>).

Современные технические разработки позволяют достичь полного погружения в виртуальную реальность, так что технологии способны не только симулировать, но и полностью имитировать

образ. Возникает вопрос: каким образом такая трансформация может повлиять на его идентичность? Кроме того, другому следует взглянуть на проблему коммуникации. Ведь наделенные виртуальными телами люди могут осуществлять непосредственное взаимодействие друг с другом в киберпространстве и трудно предположить, во что могут вылиться такие неожиданно открывшиеся возможности. Пока что мы сталкиваемся с последствиями переплетения реальной и виртуальной жизни в фантастической литературе и кинофильмах в стиле киберпанк, причем, показанное в них положение дел отнюдь не внушает оптимизма. Так или иначе, но действительность оказывается порою гораздо фантастичнее любой научной фантастики, а брать на себя смелость делать футурологические прогнозы, особенно апокалиптического характера – занятие из разряда неблагодарных.

О чем можно говорить сегодня определенно, так это о вхождении в современную культуру специфически новых технологических способов бытия в мире. Смерть субъекта, которую провозгласили постструктуралисты, находит подтвер-

³ Войскунский А.Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики. // *Universum: Вестник Герценовского Университета*. – 2013. – № 4. – С. 88–90.

существом, движения которого он видит на экране терминала и управляет ими.

Очевиден эффект двойного присутствия, обладания двумя самостями. Но, в то же время, уместен вопрос: умножая самости, не приходим ли мы к ее полной вивисекции и расщеплению идентичности? Технологии виртуальной реальности становятся инструментом трансформации высших психических функций человека информационного общества. Бесспорно, нельзя умалять опасности, связанной с возможностью полного растворения пользователя в киберпространстве, от чего не перестают предостерегать голоса скептиков или противников виртуальных технологий. Действительно, для подобных опасений есть все основания. Новейшие программные и сетевые технологические разработки уже сейчас позволяют сделать пребывание в виртуальной реальности настолько доступным и притягательным, что реальный мир с его несовершенством, исканиями и тревогами начинает сдавать свои позиции симулятивному фантазмагорическому миру, где место социальности занимает симуляция. Но, если бы симуляция существовала только в мире компьютеров, виртуальных шлемов и интерактивных датчиков! Сегодня симуляция становится тотальной, она является стигматом информационного общества. Процессы виртуализации общества, опосредованные информационными и имиджевыми технологиями и практиками (интернет, TV, PR, реклама, мода) представляют во многом больший интерес, чем вопросы погружения в виртуальную реальность с помощью специальных устройств, особенно в рамках проблемы трансформации идентичности в условиях развития технологий информационного общества.

Здесь уместно вспомнить размышления М. Хайдеггера об общественном сознании – казуистически-спекулятивном фантоме, который ради самосохранения использует магию слова, создает мнимо-содержательные понятия, посредством которых скрывает истину, не гнушаясь ни чем, вплоть до лжи и полного обесценивания истины. Философ писал, что оно, по-сути, «... сокровище посредством самоистолкования... мнимой содержательности, ... обеспечивающей ниспа-

дение вот-бытия от своей собственности как обладания-собой-при-себе-самом ... в со-бытии вот-бытия» (Хайдеггер, 1998. С. 295–298). Не такими ли симулякрами в современном мире являются эрзацы, бессмысленные и бессодержательные понятия, которыми заполняется окружающее нас информационное пространство? Симуляцию можно рассматривать в качестве специфической характеристики постмодернистского мироощущения, а с помощью виртуальных технологий она вошла неотъемлемой деятельностной компонентой практически во все подсистемы информационного общества. На самом деле, виртуальные ин-

Симуляцию можно рассматривать в качестве специфической характеристики постмодернистского мироощущения, а с помощью виртуальных технологий она вошла неотъемлемой деятельностной компонентой практически во все подсистемы информационного общества. На самом деле, виртуальные информационные технологии – это лишь одно из возможных воплощений симуляции, проявления которой мы можем найти и в сфере межличностных и сексуальных отношений, и в политике, и в искусстве, и в науке, и в образовании

формационные технологии – это лишь одно из возможных воплощений симуляции, проявления которой мы можем найти и в сфере межличностных и сексуальных отношений, и в политике, и в искусстве, и в науке, и в образовании и т.д. Когда симулякры агрессивно начинают вытеснять породившую их реальность, «их нужно собрать где-нибудь вдалеке от копий, спрятать глубоко под землей, сковать цепями и не выпускать на поверхность» (Гиренюк, 1996, С. 223). Наиболее интенсивное вхождение виртуальной реальности обнаруживается в средствах массовой информации, все в большей степени превращающихся в инструмент вытеснения отражения действительности ее симуляцией и, как результат, формирования виртуальных форм идентичности.

В настоящее время власть – это не просто политические и административные структуры, а нечто иное, похожее на технологический гибрид, обнаруживающий себя в роковом соединении власти и знака. Власть не может функционировать без масс-медиа, которые обеспечивают знаковое наполнение информационного пространства. Причем, знак предстает в качестве симулякра, объеди-

няя в себе как означаемое, так и означающее, тем самым фиксируя не сходство, а, наоборот, отчужденность от референтной реальности. Новые виды информационно-коммуникации, связанные с перестройкой знаковой системы, коренным образом изменили способы реализации властных установок, где симуляция является основополагающей деятельностью. Когда Бодрийяр впервые совместил понятия власти и симулякра, он получил ту социально-политическую реальность, в которой существует постмодерная культура информационного общества. Подобное положение дел подтверждается многими фактами: избирательными технологиями

освещения военных, национальных и других конфликтов, созданием имиджа власти и другими PR-стратегиями, осуществляемыми с помощью индустрии масс-медиа. Ситуация складывается так, что средства массовой информации фактически перестают отражать действительность, а сами творят образы и симулякры, которые, в силу своей ирреальной яркости, собственно, и определяют гиперреальность нашей культуры, в которой происходит симуляция коммуникаций и формирование виртуальных идентичностей.

Примером подобной деструктивной симуляции может служить использование виртуальных технологий при ведении военных действий. Само понятие войны сегодня заменяется маскирующими и внутренне противоречивыми, а зачастую и пустыми понятиями-эфемеризмами таким, как «миротворческая акция», «антитеррористическая операция», «операция по восстановлению конституционного порядка», «оказание помощи в переходный период», «миссия по восстановлению доверия», «мирная миссия», «операция по принуждению к миру», «примирение враждующих сторон» и т.п. Смысл их, по сути, сводится к оруэлловскому «ВОЙНА – ЭТО МИР».

Вспомним слова Р. Барта: «ВОЙНА. – Задача в том, чтобы отрицать ее. Для этого есть два средства: либо как можно реже о ней упоминать (самый распространенный прием), либо придавать ей противоположный смысл (прием более хитрый, и на нем строятся почти все мифификации буржуазного языка). Слово «война» употребляется в смысле «мир»,

дал. Освоившие новейшие информационные технологии, «постмодернистские» войны по-особому страшны..

Вообще сегодня именно симулякры становятся наиболее притягательными и информационно значимыми, резонансными событиями. С театров военных действий вернемся к театрам мирной жизни. Вспомним историю со скандаль-

Отгороженные дисплеями от реального театра военных действий летчики или моряки, запускающие смертоносные ракеты, оказываются полностью выключенными из универсума войны, заполненного ужасом, смертью и отчаянием. Ситуация такова, что происходит столкновение не с виртуальными событиями в чистом виде, а с какой-то видимостью, выходящей за рамки пространства симулякров и имеющей вполне определенные и совсем не виртуальные результаты: разрушение и смерть

а слово «умиротворение» – в смысле «война» (Барт, 1996, С. 181). Более того, последняя сегодня зачастую воспринимается не как событие, совершающееся в реальности и разрушающее жизни людей и труды их рук, а как игра в войну, происходящая на компьютерных и телевизионных экранах. «Стиль» ведения войн современной истории, образцами которых послужили первая Иракская и Югославская кампании, предполагает максимальное отдаление субъекта силового воздействия от жертв и последствий его воздействия. Вспомним оценку Бодрийяром кампании в Персидском заливе в качестве «войны, которой не было», «мертвой войны». По его мнению, логика тех событий не является ни логикой войны, ни логикой мира, это некая «виртуальная невероятность» военных действий (Бодрийяр, 1994, С. 33–36).

Отгороженные дисплеями от реального театра военных действий летчики или моряки, запускающие смертоносные ракеты, оказываются полностью выключенными из универсума войны, заполненного ужасом, смертью и отчаянием. Ситуация такова, что происходит столкновение не с виртуальными событиями в чистом виде, а с какой-то видимостью, выходящей за рамки пространства симулякров и имеющей вполне определенные и совсем не виртуальные результаты: разрушение и смерть. Нажатие кнопки, картинка летящей ракеты, взрыв на мониторе, его картинка на телеэкране и, конечно, заявления о том, что ни один мирный житель не постра-

ной группой Pussy Riot. Что это было? Да, «отвязные» девушки попрыгали с гитарами у икон в храме. Потом наложили музыку, сделали клип, попросили Богородицу прогнать Путина. Конечно не анекдот, рассказанный на кухне, скорее мелкое хулиганство. Вряд ли этот инцидент можно было бы считать значимым для внимания общественности событием. Но, как известно, не события формируют новости, а новости делают события. Джин из бутылки был выпущен, когда эта новость взорвалась как бомба в заголовках газет, сообщениях информационных агентств и репортажах новостных программ. Симулякр родился, только забвение могло помешать его появлению на свет, но у каждой технологии есть своя природа и, если симулякр порожден, он начинает жить своей жизнью и творить своих виртуальных клонов, которые распространяются как метастазы, приковывая внимание все больших масс. И начинаются ... рассуждения в духе: «а если бы они вытворяли это в мечете?», «миллионы верующих оскорблены», «христианская вера предполагает прощение», «реакция власти не адекватна», «вернуть молодых девушек к их детям». И, конечно, выступления разгневанной общественности, митинги протеста против церкви, акции поддержки, призывы к «посажению на кол», дискуссии на телеэкранах, опросы общественного мнения, международная реакция, выступления мега-звезд эстрады и вездусущие лозунги «Свободу Пусси Райт!», которыми расписываются европейские столицы. Снимаются документальные

фильмы, фильмы, получают призы на престижных фестивалях. Двумя словами – танец симулякров. Внимание, – это кровь и жилы симулякров. В итоге группа получает мировую известность. Pussy Riot – самая экзотическая рок-группа в мире. «Они прославились, не записав ни одной песни, не сыграв ни одного концерта. В общем, много поводов для включения коллектива в книгу рекордов Гиннеса», – иронично заметил музыкальный критик А. Троицкий. Только есть и другая, нелцеприятная сторона. Когда симулякры овладевают реальностью, они не только творят картинки на экранах, но и оставляют уже не столь яркие материальные следы: тюремные камеры, тотальный видеоконтроль, голодовки. Симулякры не безобидны, особенно, когда они из виртуальности приглашают в действительность. Только их реальность уязвима. Лишенный энергии внимания симулякр деградирует и отправляется туда, откуда пришел – в небытие.

Эту обратную сторону развития симулякров тонко описал Умберто Эко в своем романе «Маятник Фуко». Трое интеллектуалов, работников одноязычного издательства, начитавшись рукописей авторов, создают ради развлечения свою теорию заговоров, причем делают это с таким знанием дела, что шутка «материализуется» и рождается симулякр. Он, не только захватывает своих создателей, но и вовлекает в этот круговорот событий других участников, для них этот «План», уже не выдумка, а действительность, и их намерения не столь безобидны. Так выпущенные на свободу своими создателями симулякры порождают путем «ракового деления» другие симулякры, которые, подобно Олимпийским богам, уничтожают породивших их Титанов. Судьба творцов «Плана» трагична, игра в виртуальность оборачивается реальностью смертей и сломанных судеб героев (Эко, 1998). Символично, что в своем последнем романе «Нулевой номер» Эко снова обратился к теме симулякров. Он описал историю газеты, которая никогда не выходила, не выйдет и не должна выйти. Но в череде придуманных новостей, новостей, созданных газетой, которые должны скрывать, подменять действительность, рождается новость-симулякр о том, что диктатор

Муссолини остался жив и в тени итальянской политики действуют группы заговорщиков. В итоге один из редакторов убит, а его коллеги в страхе спасаются бегством (Эко, 2015). Симулякры не безвредны, они ждут жертв, смеясь.

Симулякры проникли в науку. Триумфально, обстоятельно, со знанием дела, увлекая за собой массы адептов. Блоггер А. Невеев опубликовал остроумную статью «Симулякр, или как продать дырку от бублика?», в которой рассказывается о пустых понятиях в науке, которые заполнили собой научный дискурс и вытеснили действительно значимые проблемы. А. Невеев описывает генезис формирования лженаук, в основе которого лежит сформированная еще в детстве вера человека в то, что, если есть слово, значит, есть и предмет (или явление), которое этим словом обозначается. «Человеку легче воспринимать мир, как совокупность предметов, чем как недифференцированное поле. И, создавая симулякр, вводя его в сознание человека, можно добиться того, что для человека станет реальным, предметным нечто, чего на самом деле нет. Главное – найти слово. Поэтому любая лженаука полна новых слов, которые, вдобавок, имеют наукообразный вид». И вот мы оказываемся окружены умными красивыми словами, причем для симулякринга лучше использовать абстрактные и одновременно знакомые, такие как «энергия», «информация», «система», «комплекс», «аспект», «синергия», снабдив их в добавок приставками-симулякрами: «пост», «био», «нео», «нано» (Невеев, 2013). В итоге умы занимают не только астрология, алхимия, нумерология, парапсихология или уринотерапия, но и такие симулякры, как информациология, уфология, волновая генетика, нейролингвистическое программирование, суперкритическая историография, яфетическая теория, торсионные поля, ресурсы физического вакуума, кварк-глюонный конденсат и, конечно, трансгуманизм. Причем, зачастую эти «инновационные» теории пользуются государственной поддержкой, не только в виде грантов, но и финансированием специализированных институтов. Так, в 1987 г. вышло секретное постановление Правительства СССР о всемерном развитии «спинорных» технологий и «биоэнергетики». В эту дея-

тельность были вовлечены сотни людей из десятков оборонных отраслевых учреждений и даже из некоторых академических институтов. Был создан «Центр нетрадиционных технологий» при Государственном комитете по науке и технике, который расформировали лишь через четыре года. Академик Российской академии естественных наук (РАЕН) (кстати,

Использование научных симулякров порождает и симулякры коммерческие, например, такие высокотехнологичные продукты, как «нанопрокладки», «косметика с живыми молекулами», «фильтры Петрика» и даже «инновационные вагоны». Использование понятий-симулякров не чуждо и бюрократическим структурам. Вместо программы развития мы слышим «дорожная карта», вместо проблем – «вызовы», вместо новых продуктов – «инновационные»

эта академия также является примером симулякра в науке) А.Е. Акимов и по сей день обещает Минобороны РФ создать торсионные линии связи для передачи информации (Александров, Электронный ресурс).

Практика создания псевдонаучных «академических» сообществ становится все более популярной, особенно, когда получает государственную поддержку. Так, создана научная корпорация «Российская академия психологии» (РАП), которая позиционирует себя как «крупнейший российский негосударственный центр образования, науки и культуры, творческое сообщество профессоров, преподавателей, научных работников, иных категорий работников и обучающихся в Академии» (Российская академия психологии, URL: <http://rusakadem.ru/>). Более того, утверждается, что Российская академия психологии следует заданным правительством РФ курсом на исполнение государственной программы «Развитие научных технологий» на 2013–2020 годы. Ни больше, ни меньше. Но, если внимательней посмотреть их официальный сайт, то в разделе «Ученые степени и звания РАП», наряду с докторами медицинских наук РАП, докторами технических наук РАП, докторами психологии РАП, докторами философии РАП, мы увидим ... докторов парапсихологии РАП. Если сама по себе система неофициальной раздачи симулякров ученых степеней выглядит довольно сомнительной, то ставить в один ряд науку и паранауку можно только в рамках лженаучных установок.

Безусловно, использование научных симулякров порождает и симулякры коммерческие, например, такие высокотехнологичные продукты, как «нанопрокладки», «косметика с живыми молекулами», «фильтры Петрика» и даже «инновационные вагоны». Использование понятий-симулякров не чуждо и бюрократическим структурам. Вместо про-

граммы развития мы слышим «дорожная карта», вместо проблем – «вызовы», вместо новых продуктов – «инновационные». Вообще, что такое инновация? Может смысл употребления подобных терминов – есть попытка обозначить то, чего нет и не будет, потому, что не может быть? Копии отсутствующих оригиналов, слова, прикрывающие утрату смысла, знаки, скрывающие, что их нет, оказываются весьма эффективными средствами для постановки заведомо нерешаемых задач и ухода от их решения. В результате мы получаем мир, описанный Ж. Бодрийяром, где вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, вступая на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию (Бодрийяр 2012, С. 11–12).

Приведенный далеко не исчерпывающий обзор возможных вариантов виртуального выстраивания реальности говорит о том, что процессы симуляции и виртуализации занимают значительное место в социокультурном пространстве современного общества. Наличие в сегодняшнем виртуализированном обществе симулятивной деятельности позволяет говорить об утрате устойчивости социальных структур и о призрачности и нестабильности социального бытия, что еще раз свидетельствует о кризисе иден-

тичности в ситуации постмодерна. Примером этого стал глобальный кризис в обществе, начавшийся в 2008 г. и продолжающийся волнами и по сей день, который был порожден виртуализацией финансовой сферы, жилищного кредитования, а затем и нефтяной отрасли. Со смысловым значением слова «симулякр» сопряжен целый ряд других значений и понятий. Это – подобие, фантазмы, фальшивое, притворяться, манекен, имидж, видимость, блеф, неистинное прикидывание, муляж, личина, подделка, иллюзия, ложное, подлог, грим, маска, обман, мираж, мнимое, фикция, камуфляж, химера (Гусева, 2011, С. 64). И этот ряд можно

дери». Именно в неразличимости виртуального и реального Ж. Бодрийяр видел главную проблему трансформации не только идентичности, но и самих высших психических функций. На пороге третьего тысячелетия он задает вопрос: «Что по ту сторону конца?», и в его ответе нет оптимизма: «По ту сторону конца есть виртуальная реальность, то есть горизонт запрограммированной реальности, в которой все наши физиологические и социальные функции (память, аффект, интеллект, сексуальность, работа) постепенно становятся бесполезными. По ту сторону конца, в эре трансполитического, трансэстетического или

дивидуальна практика, – это то, что Фуко назвал «техникой себя», «заботой о себе». Вооружившись иронией, можно жить в пространстве симуляции и не обратиться при этом в симулякр. Это действенный способ, находясь в фатальных рамках постмодернистского информационного дискурса, найти свой, собственнический стиль существования, отличный от «гетерогенного единообразия», навязчиво предлагаемого нам постмодерной культурой. Когда-то Набоков сказал, что смех – самое убийственное средство против диктатуры. Следуя его логике, можно объявить иронию, в некотором роде, панацеей от симулятивных технологий медиа-власти постмодерна, реализующей тотализирующие модернистские по своей сути цели, используя при этом плюралистичные постмодернистские методы. Ирония и самоирония с одновременной заботой о себе, критическое отношение к двум мирам, в которые мы оказались погружены – окружающей действительности и виртуальной реальности, поможет противодействовать изменению биосоциальной природы человека, трансформации его высших психических функций, и, в конечном счете, сохранить его идентичность. Симулякры – вампиры постмодерной культуры, отравленная кровь артерий информационного общества. Не биологическое, но предельное, избыточное, технологическое и социо-культурное, транспарентное расширение идентичности, трансформирующее осколки действительности в зеркальные бесконечные ряды отражений утраченных оригиналов. В итоге барьеры, которые отделяют мир от его виртуальной имитации, станут все прозрачнее. Никто не думал, что это произойдет так быстро.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 14-06-00730а «Трансформация высших психических функций в условиях развития информационного общества (культурно-исторический подход)».

Способ вырваться из оков постмодернистской практики тотальной симуляции просматривается в другом специфически постмодернистском пути восприятия действительности – иронии. Быть может, именно ироничное отношение к происходящему поможет оградить нас от иллюзии очевидности, созданной диспозитивом власти технологий-симулякров

продолжить, включив него эрзацы и карикатуры, виртуалов и банкиров, транссвеститов и инноваторов. Технологически воспроизводимые ряды симулякров расширяют просторы виртуальности.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что цифровые технологии, по мере своего совершенствования и вплетения в культурно-исторический контекст, все в большей степени приобретают виртуальный характер, перестают отражать и начинают симулировать действительность. Рассматривая влияние виртуальной реальности на жизнь современного общества, необходимо четко понимать, что платформой, на которой базируется данный феномен, стали информационные технологии. Они, в свою очередь, являются фундаментом окружающей нас культуры (пост-культуры, пост-нормальной культуры), пока не нашедшей для себя лучшего и при этом бесконечно пустого определения, чем сокрытый и прикрытый симулякрами «постмо-

транссексуального все наши машины желания сначала станут крошечными механизмами спектакля» (Бодрийяр, 2000). Виртуальная реальность и симулякры отнюдь не нейтральны к человеку, и последствия их как технического, так и гуманитарного характера не стоит недооценивать, равно как их потенциальную возможность трансформировать высшие психические функции.

Способ вырваться из оков постмодернистской практики тотальной симуляции просматривается в другом специфически постмодернистском пути восприятия действительности – иронии. Быть может, именно ироничное отношение к происходящему поможет оградить нас от иллюзии очевидности, созданной диспозитивом власти технологий-симулякров. Иронию не стоит считать симулятивной реакцией на симуляцию, равно как не стоит расценивать ее как «великий отказ». В мире, где власть технологизирована и вездесуща, любая акция под знаком всеобщности была бы бессмысленна (Маркузе, 1994). Ирония – это сугубо личная, ин-

Литература:

- Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки [Электронный ресурс] // «В защиту науки». – 2006. – Бюллетень №1.– С. 8–16. [сайт]. – URL: http://www.biophys.ru/archive/bulletin/vzn_01_p8.pdf (дата обращения : 31.08.2016).
- Барт Р. Мифологии. Mythologies. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
- Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Пространство, населенное ДРУГИМИ. Киберпсихология Немного о психологии создателей и жителей Интернет [Электронный ресурс] // Киберпсихология: [сайт]. – URL: http://http://ru-cyberpsy.blogspot.ru/2011/02/blog-post_2592.html (дата обращения :

31.08.2016).

Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка Года [Электронный ресурс] // Археология будущего: [сайт]. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml> (дата обращения: 31.08.2016).

Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. – 1994. – № 3. – С. 33–36.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла ; пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – [Электронный ресурс] М.: Добросвет, 2000. [сайт]. – URL: <http://philosophy.ru/library/baud/zlo.html> (дата обращения: 31.08.2016).

Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры // Современная литературная теория: антология / сост. И.В. Кабанова. – Москва : Флинта; Наука, 2004. – С. 258–271.

Бодрийяр Ж. Система вещей ; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – [Электронный ресурс] М.: Рудомино, 2001. [сайт]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/index.php (дата обращения: 31.08.2016).

Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий [Электронный ресурс] // Элементы. – 2000. – № 9. [сайт]. – URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=555> – (дата обращения: 31.08.2016)

Бьюктемн С. Конечная тождественность : предисловие к книге [Электронный ресурс] // Комментарии. – 1997. – № 11. [сайт]. – URL: <http://commentmag.ru/archive/11/13.htm> (дата обращения: 31.08.2016)

Гибсон У. Нейромант. – Москва, 2006. – 480 с.

Гиренюк Ф.И. Симуляция и символ: вокруг Ж. Делеза // Социо-Логос постмодернизма. – Москва, 1996. – С. 223–226.

Гусева Е. С. Новые мифологемы современного сознания: симулякры (к проблеме деструкции бинаризма) [Электронный ресурс] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Психология. – 2011. – Т. 5. – Вып. 2. [сайт]. – URL: <http://www.nsu.ru/jspui/handle/nsu/1388> (дата обращения: 31.08.2016)

Делез Ж. Логика смысла : пер. с фр. – [Электронный ресурс] Москва : Академия, – 1995. [сайт]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/index.php (дата обращения: 31.08.2016).

Делез Ж. Различие и повторение. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. – 384 с.

Емелин В. А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 2. – С. 133–142.

Иванов Д.В. Виртуализация общества. – Санкт-Петербург, 2000. – 96 с.

Кругляков Э.П. Что же с нами происходит? – Новосибирск, 1998. – 165 с.

Маклюэн Г.М. Понимание медиа : внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – Москва; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. – 464 с.

Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 348 с.

Маркузе Г. Одномерный человек. – Москва : REFL-book, 1994. – 368 с.

Невеев А. Симулякр, или как продать дырку от бублика. – [Электронный ресурс] – [сайт]. – URL: <http://nevееv.livejournal.com/19935.html> php (дата обращения: 31.08.2016).

Платон. Софист // Собрание сочинений. В 4т. Т. 2. – Москва, 1993.

Плешаков В. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a. – [Электронный ресурс] – [сайт]. – URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/08/92/74/08927492.html> (дата обращения: 31.08.2016).

Плешаков В.А. Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 1. – С. 27–31.

Российская академия психологии: официальный сайт – [Электронный ресурс] – [сайт]. – URL: <http://rusakadem.ru/> php (дата обращения: 31.08.2016).

Трудно быть богом: Что предлагает миру первый трансгуманист с президентскими амбициями [Электронный ресурс] // FURFUR. Ежедневный молодежный интернет-сайт и сообщество его читателей. – [сайт]. – URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/215265-zoltan-istvan> (дата обращения: 31.08.2016)

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск, 1998.

Черных А. Мир современных медиа. – Москва, 2007. – 384 с.

Эко У. Маятник Фуко. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 1998. – 735 с.

Эко У. Нулевой номер. – Москва: Эксмо, 2015. – 256 с.

Hammet F. Virtual Reality / F. Hammet.– New York: Straus Ed. – 1993. – 213 p.

References

Aleksandrov, E.B. The problem of pseudoscience expansion. Electronic source. URL: <http://humanism.al.ru/ru/articles.phtml?num=000094>.

Bart, R. (2000) Mythologies. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.

Baudrillard, J. (1994) The was no war in the gulf [*Khudozhestvennyy zhurnal*]. 3, 33-36.

Baudrillard, J. (2000) Aesthetics of illusions and their loss [*Elementy*], 9. Electronic source. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=555>.

Baudrillard, J. (2000) Transparency of the Evil. Moscow, Dobrosvet, Electronic source. URL: <http://philosophy.ru/library/baud/zlo.html>.

Baudrillard, J. (2001) The system of things. Moscow, Rudomino, Electronic source. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/index.php.

- Baudrillard, J. (2004) Simulation and simulacra [*Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya*]. Moscow, Flinta, Nauka, 258-271.
- Baudrillard, J. In the shadow of the millennium OR the Year pause [*Arkheologiya budushchego*]. Electronic source. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml>
- Belinskaya, E.P. & Zhichkina, A.E. Space, populated by THE OTHERS. [*Kiperpsikhologiya. Nemnogo o psikhologii sozdadeley I zHITELEY Internet*]. Electronic source. URL: http://ru-cyberpsy.blogspot.ru/2011/02/blog-post_2592.html.
- B'yuketmen, S. (1997) The final identity: the foreword [*Kommentarii*], 11. Electronic source. URL: <http://commentmag.ru/archive/11/13.htm>.
- Chernykh, A. (2007) The world of contemporary media. Moscow.
- Deleuze, J. (1995) Sense logics. Moscow, Akademiya, Electronic source. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/index.php.
- Deleuze, J. (1998) Difference and repetition. Saint Petersburg, TOO TK "Petropolis".
- Eco, U. (1998) Foucault's pendulum. Saint Petersburg.
- Eco, U. (2015) Numero Zero. Moscow, Eksmo.
- Emelin, V.A. (2009) Simulacra: virtual reality and innovations [*Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*], 2, 133-142.
- Gibson, W. (2006) Newromancer. Moscow.
- Girenok, F.I. (1996) Simulation and symbol: around J. Deleuze [*Sotsio-Logos postmodernizma*]. Moscow, 223-226.
- Guseva, E.S. (2011) New mythologemes of the contemporary mind: simulacra (on the issue of binarism destruction) [*Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*]. Series psychology. Vol. 5. Issue 2. Electronic source. URL: <http://www.nsu.ru/jspui/handle/nsu/1388>.
- Hammet, F. (1993) Virtual Reality. New York: Straus Ed.
- Heidegger, M. (2007) History of the Concept of Time: Prolegomena. Tomsk.
- It is hard to be a God: what does the first transhumanist with presidential ambitions offer to the world? [*FURFUR. Ezhednevnyy molodezhnyy internet-sayt I soobshchestvo ego chitateley*]. Electronic source. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/215265-zoltan-istvan>.
- Ivanov, D.V. (2000) Social virtualization. Saint Petersburg.
- Kruglyakov E.P. (1998) What is going on with us? Novosibirsk.
- Man'kovskaya, N.B. (2000) Post-modernism aesthetics. Saint Petersburg, Aleteya.
- Markuze, G. (1994) 1D Man. Moscow, REFL-book.
- McLuhan, G.M. (2003) Understanding Media. Moscow, Zhokovskiy, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole.
- Neveev, A. Simulacrum. Electronic source. URL: <http://neveev.livejournal.com/19935.html>.
- Plato (1993) Sophist [*Sobranie sochineniy*]. Vol. 2. Moscow.
- Pleshakov, V. A. Cybersocialization: from Homo Sapiens to Homo Cyberus. Electronic source. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/08/92/74/08927492.html>.
- Pleshakov, V.A. (2010) Integration, cybersocialization and social education: students and teachers in information space [*Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*]. 1, 27-31.
- Rossiyskaya academia psikhologii: ofitsial'nyy sayt. Electronic source. URL: <http://rusakadem.ru/>.

Латеральные признаки и их взаимодействие как фактор выраженности математических способностей в юношеском возрасте

Н.А. Хохлов, М.С. Ковязина
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 16 августа 2016/ Принята к публикации: 2 сентября 2016

Lateral signs and their interaction as a factor in the severity of mathematical abilities in adolescence

Nikita A. Khokhlov*, Maria S. Kovyazina
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
* Corresponding author E-mail: nkhhokhlov@psychmsu.ru

Received August 16, 2016 / Accepted for publication: September 2, 2016

Статья посвящена исследованию связи латеральных признаков в мануальной, слуховой, зрительной сферах и их взаимодействия с математическими способностями в юношеском возрасте. В исследовании были задействованы 92 здоровых человека, из них 17 юношей и 75 девушек в возрасте от 15 до 25 лет ($18,7 \pm 2,2$), не занимающихся математической деятельностью профессионально. Для измерения компонентов математических способностей применялся стандартизированный тест на математические (арифметические, алгебраические, геометрические) способности «МААГС-2015». Диагностика межполушарной асимметрии проводилась с помощью следующих методик: самоотчета о мануальной асимметрии, стандартизированной модификации опросника М. Аннетт, проб «Переплетение пальцев рук», «Поза Наполеона», «Аплодирование», «Прицеливание», пробы Розенбаха и дихотического прослушивания. При сопоставлении латеральных признаков с компонентами математических способностей учитывалось возможное взаимодействие асимметрий разных анализаторов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что разные латеральные признаки являются значимыми предикторами для различных компонентов математических способностей, некоторые латеральные признаки с математическими способностями не связаны. Наибольшую предсказательную способность имеют сенсорные асимметрии и их взаимодействие. В целом наиболее высокие математические способности отмечаются у лиц с правосторонними и билатеральными признаками, левосторонние признаки чаще всего выступают негативными предикторами. Взаимодействие между асимметриями разных анализаторов проявляется в неодинаковой связи с математическими способностями показателей латерализации в одной сфере при различных вариантах латерализации в другой. Перекрестная латерализация в большинстве случаев является негативным предиктором математических способностей. Модели, учитывающие взаимодействие между латеральными признаками, позволяют объяснить более четверти вариативности компонентов математических способностей. Предсказательная способность этих моделей оказывается заметно выше, чем у моделей с отдельными предикторами.

Ключевые слова: межполушарная асимметрия, математические способности, межмодальное взаимодействие, дифференциальная нейропсихология, латерализация.

The paper studies the connection of the lateral features in the manual, auditory, visual fields, and their interaction with the mathematical abilities in adolescence. The research involved 92 healthy people including 17 males and 75 females aged 15 to 25 years ($18,7 \pm 2,2$), who do not major in mathematics. To measure the components of mathematical ability the standardized math test MAAGS-2015 to reveal arithmetic, algebraic, geometric abilities was used. Diagnosis of hemispherical asymmetry was performed using self-reports of manual asymmetry, M. Annette standardized questionnaire modification, samples of «Interlocking fingers», «Napoleon's Pose», «Applause», «Aiming», Rosenbach's test and dichotic listening. When comparing the features with lateral components of mathematical ability to incorporate asymmetries possible interaction of different analyzers was considered.

The research results reveal that different lateral characteristics are significant predictors for the different components of mathematical abilities; some lateral symptoms are not related to mathematical ability. The greatest predictive power belongs to sensory asymmetries and their interaction. In general, the highest mathematical abilities are observed in patients with right and bilateral signs, left-sided symptoms often reveal negative predictors. The interaction asymmetries between different analyzers manifested in unequal due to the mathematical abilities indicators lateralization in the same field in different versions of lateralization in the other. Cross-lateralization in most cases is a negative predictor of mathematical abilities. The models based on the interaction between the lateral features allow to explain more than a quarter of the variability of the components of mathematical abilities. The predictive ability of these models is significantly higher than that of models with individual predictors.

Keywords: hemispheric asymmetry, mathematical ability, intermodal interaction, differential neuropsychology, lateralization.

Нейропсихология индивидуальных различий является одним из современных направлений нейропсихологического знания и нейронаук в целом. Одним из оснований типологии индивидуальных различий являются особенности межполушарной асимметрии и межполушарного взаимодействия. В отечественной нейропсихологии предложено понятие «профиль латеральной организации» (ПЛО), под которым понимается сочетание латеральных признаков сенсорных и моторных асимметрий (Хомская, Ефимова, 1991). В рамках данного подхода получены сведения о связи ПЛО с динамиче-

колаева, Добрин, Яворович, 2012; Хохлов, Ковязина, 2012; Khokhlov, Kovyazina, 2013). Становится очевидной необходимость поиска новых диагностических методик и применения к получаемым данным современных методов математической обработки, позволяющих увидеть скрытые закономерности.

В данной работе предпринимается попытка сопоставить латеральные признаки в мануальной, слуховой и зрительной сферах и их взаимодействие со степенью выраженности математических способностей у людей юношеского возраста. Актуальность темы связана с необходимостью выявления закономерностей

в педагогике более тонко и точно определять индивидуально-психологические особенности учащихся» (Москвин, Москвина, 2011, С. 298).

На сегодняшний день не существует единого мнения об успешности лиц с определенным профилем латеральной организации в математике. Во многом это расхождение связано с применением различных подходов к измерению межполушарной асимметрии и математических способностей. В одних исследованиях получены данные в пользу ведущей роли правого полушария (Annett, Kilshaw, 1982; Матова, 1987; Лукьянчикова, 2006; Knops, Willmes, 2014), в других – левого полушария головного мозга (Rickard et al., 2000; Аршавский, 2001; Хохлов, Ковязина, 2013; Хохлов, 2014). Опираясь на теоретический фундамент отечественной нейропсихологии (Хомская, 2010), мы имеем все основания полагать, что реализация различных компонентов математических способностей связана с ведущей ролью разных гемисфер, а для некоторых компонентов – с эффективностью межполушарного взаимодействия. В пользу этого также свидетельствуют результаты психофизиологических исследований (Разумникова, 2004; Aydarkin, Fomina, 2013).

Рассматривая данную проблему, Е.В. Фомина, указывает на то, что «студенты с выраженным доминированием левого полушария преуспевают в алгебре, а правополушарные демонстрируют успехи в тригонометрии, геометрии и изучении комплексных чисел» (Фомина, 2006, С. 15). Результаты исследований В.Г. Степанова, его учеников и сотрудников свидетельствуют о том, что «при усвоении математики ведущим является левое полушарие. Но для решения творческих задач требуется активация правого» (Степанов, 2013, С. 142). Одни и те же задачи могут решаться с опорой как на левополушарный, так и на правополушарный когнитивный стиль. По мнению В.Г. Степанова (там же, С. 72-76), это детализирование и угадывание соответственно. Детализированное восприятие характеризуется тем, что человек сначала отмечает множество отдельных деталей, а общая гипотеза об увиденном возникает только после предваряющего анализа. При употреблении способа угадывания человек

На сегодняшний день не существует единого мнения об успешности лиц с определенным профилем латеральной организации в математике. Во многом это расхождение связано с применением различных подходов к измерению межполушарной асимметрии и математических способностей

скими характеристиками психической деятельности, операциональным составом познавательных процессов, эмоционально-личностной сферой и другими психологическими характеристиками (Хомская и др., 2011). Однако за последнее десятилетие накопились сведения о том, что этот подход имеет ряд недостатков, а используемые методики оценки моторных и сенсорных асимметрий не всегда дают согласованные результаты (Николаева, Борисенкова, 2008; Ни-

мозгового обеспечения математических способностей, учета типологических особенностей межполушарных отношений при обучении математике и отборе математически одаренных учащихся. Как указывают В.А. Москвин и Н.В. Москвина, «применение знаний нейропсихологии индивидуальных различий и дифференциальной психофизиологии, основываясь на связи латеральных признаков с парциальным доминированием соответствующих зон мозга, дают возможность

Хохлов Никита Александрович –

клинический психолог, нейропсихолог, аспирант кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: nkhhokhlov@psychmsu.ru

Ковязина Мария Станиславовна –

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: kms130766@mail.ru

Для цитирования: Хохлов Н.А., Ковязина М.С. Латеральные признаки и их взаимодействие как фактор выраженности математических способностей в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). С. 98–114. doi: 10.11621/npj.2016.0313

For citation: Khokhlov N.A., Kovyazina M.S. (2016). Lateral signs and their interaction as a factor in the severity of mathematical abilities in adolescence. *National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 3, 98–114. doi: 10.11621/npj.2016.0313

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

опирается на первоначальное общее впечатление. Выделяет одно или несколько локальных полей, в которых начинается отыскивание формы конкретного предмета. В одном и том же локальном поле человек может видеть разные образы, соревнование между которыми обуславливает вариативность возникающих перцептивных гипотез. Процесс создания образа мало осознается и недостаточно обосновывается логически. «Угадывание в общем обеспечивает большую быстроту восприятия, но не гарантирует от серьезных ошибок. Детализирование замедленно, но более надежно» (там же, С. 75). Мы также ранее отмечали, что, «чем ближе предъявляемая задача к актуализации пространственных представлений, тем больше вероятность того, что при ее решении ведущая роль будет принадлежать правому полушарию. Если же при решении задачи необходимо задействовать какой-либо формальный язык, то наибольшая активность будет характерна для левого полушария. Следует также понимать, что большинство геометрических задач можно решить алгебраическими средствами, не акцентируя внимание на пространственном смысле совершаемых действий. В реальной же учебной деятельности учащимся приходится сталкиваться как с пространственными, так и с символическими задачами. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов существование индивидуальных стратегий решения и их взаимодействие с материальной специфичностью задачи» (Хохлов, Ковязина, 2013, С. 35).

В психологии нет однозначного определения математических способностей. Исследователи выделяют разные аспекты математической деятельности, делают акцент на разные психологические характеристики, способствующие успехам в математике. В нашей работе мы опирались на определение В.А. Крутецкого, предложившего разделять готовность к деятельности и способности. «Полностью соглашаясь с тем, что для успешного осуществления деятельности совершенно необходимы определенные черты воли и характера, соответствующее отношение к деятельности (интересы, склонности) и т.д., мы вместе с тем пытаемся ограничить понятие собственно способностей в основном сенсорной,

умственной и моторной сферами... Весь же «ансамбль», синтез свойств личности, как значительно более широкое понятие, чем способности, мы предпочитаем на-

связанных с индивидуальными особенностями анализаторных систем, и следует ожидать выраженной связи с параметрами межполушарной асимметрии.

Правомерно говорить как минимум о двух типах математических способностей. Если первый тип обеспечивает деятельность по изучению математики, то второй представляет собой совокупность индивидуальных особенностей, необходимых для профессиональной математической деятельности. При этом изучать профессиональные математические способности куда сложнее, так как у профессиональных математиков практически невозможно отделить способности от других психологических характеристик, способствующих успеху в деятельности

зывать пригодностью или готовностью к деятельности» (Крутецкий, 1998, С. 83). Получается, что интерес к определенной деятельности не обязательно должен совпадать со способностями. А это значит, что по успешности деятельности далеко не всегда можно судить о способностях. Субъект может хотеть заниматься чем-либо, но не иметь соответствующего уровня развития сенсорной, умственной или моторной сферы или же, обладая требуемыми способностями, не иметь никакого желания заниматься соответствующей деятельностью.

Поскольку деятельность профессионального математика отличается от деятельности человека, изучающего математику, правомерно говорить как минимум о двух типах математических способностей. Если первый тип обеспечивает деятельность по изучению математики, то второй представляет собой совокупность индивидуальных особенностей, необходимых для профессиональной математической деятельности. При этом изучать профессиональные математические способности куда сложнее, так как у профессиональных математиков практически невозможно отделить способности от других психологических характеристик, способствующих успеху в деятельности. Учитывая эти обстоятельства, будет правильным сопоставить математические способности с латеральными признаками у людей, не занимающихся профессиональной математической деятельностью и не обучающихся по математическим специальностям. Мы понимаем, что в этом случае речь идет о первом типе математических способностей. Однако именно от таких математических способностей, как более

Предлагаемое исследование проводилось с привлечением здоровых людей, не занимающихся математической деятельностью профессионально. Рассматривались арифметические, алгебраические, геометрические способности и математические способности в целом. Для измерения межполушарной асимметрии использовались тесты и пробы, а при их сопоставлении с компонентами математических способностей учитывалось возможное взаимодействие латеральных признаков.

Испытуемые и методы

В исследовании было задействовано 92 здоровых человека, из них 17 юношей и 75 девушек в возрасте от 15 до 25 лет ($18,7 \pm 2,2$). 28 человек обучались в образовательных организациях среднего общего или профессионального образования. В г. Москва – ГБОУ СОШ №1106, ГБОУ СОШ №1352, ГБОУ СОШ №1909, ГБОУ ЦО Измайлово №1811, ГБОУ «Школа №319», ГБОУ «Школа №2128 «Энергия», ГБОУ лицей №1561, колледж ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова, Московский строительный колледж № 38. В г. Санкт-Петербурге – Колледж строительной индустрии и городского хозяйства, в г. Лобне – МБОУ СОШ №10). Все испытуемые на момент проведения исследования имели образование не ниже основного общего (9 классов). Одна испытуемая имела полное среднее образование и на момент исследования нигде не обучалась. 48 человек обучались в московских вузах на нематематических специальностях (МГУ имени М.В. Ломоносова, МПГУ, МЭИ, РГУНГ имени И.М. Губкина).

15 человек являлись выпускниками вузов (МГУ имени М.В. Ломоносова, МФПУ «Синергия») и имели высшее образование по нематематическим специальностям. Не все испытуемые выполняли все методики, поэтому далее при описании каждой методики мы указываем объем задействованной выборки (N).

Для исследования сенсорных и моторных асимметрий использовались следующие методики:

1. Самоотчет о мануальной асимметрии (П, Л, А). Здесь и далее сокращения «П», «Л» и «А» обозначают правостороннюю, левостороннюю асимметрию и билатеральность соответственно. N = 92.
2. Стандартизированная модификация опросника М. Аннетт для оценки функциональной мануальной асимметрии (Хохлов, Бутова, 2014). Модификация опросника состоит из 12 вопросов (первая часть русскоязычной адаптации исходного опросника). Процедура обработки результатов предполагает использование весовых коэффициентов для разных вариантов ответа: «только правой» (2), «чаще правой» (1), «любой рукой» (0), «чаще левой» (-1), «всегда левой» (-2). Процентильная стандартизация проведена на выборке из 232 респондентов и позволяет переводить сырые баллы в z-оценки. N = 61.
3. Проба «Переплетение пальцев рук» (П, Л). N = 64.
4. Проба «Попа Наполеона» (по локтю – П, Л). N = 64.
5. Проба «Аплодирование» (П, А, Л). N = 64.
6. Проба «Прицеливание», для уточнения использовалась проба «Прищуривание глаза» (П, А, Л). N = 64.
7. Проба Розенбаха (П, А, Л). N = 88.
8. Дихотическое прослушивание (Котик, 1974). Проводится в две серии. В первой серии правый наушник надевается на правое ухо, левый – на левое. Предъявляются 13 звуковых фрагментов по 4 слова на каждое ухо одновременно. После каждого фрагмента испытуемому необходимо ответить, какие слова были услышаны. Затем наушники меняются местами и опыт повторяется. Ранее нами (Хохлов, Ковязина, 2012, Khokhlov, Kovyazina, 2013) было обнаружено, что более чем в половине случаев во второй серии происходит смена ведущего уха

или стремление к билатеральности. Это соответствует результатам (Москвичюте, Голод, 1989), отмечавшим роль научения при повторном проведении дихотического прослушивания. В связи с этим мы по отдельности рассматривали характеристики слуховой асимметрии, измеренные в первой и во второй сериях дихотического прослушивания. Данные были получены по 44 испытуемым, однако из-за сбоя в работе программы проведения методики для 6 испытуемых информация сохранилась только по одной переменной. По результатам выполнения дихотического прослушивания оценивались следующие характеристики слуховой асимметрии:

- Коэффициент правого уха по обеим сериям – КПУ (общий) = $(\Sigma D - \Sigma S) / (\Sigma D + \Sigma S) \cdot 100\%$, где ΣD – общее число правильно воспроизведенных слов, предъявлявшихся на правое ухо, ΣS – соответственно на левое;
- Коэффициент правого уха в 1 серии – КПУ (1 серия) = $(\Sigma D - \Sigma S) / (\Sigma D + \Sigma S) \cdot 100\%$, где ΣD – число правильно воспроизведенных слов, предъявлявшихся на правое ухо в 1 серии, ΣS – соответственно на левое;
- Коэффициент правого уха во 2 серии – КПУ (2 серия) = $(\Sigma D - \Sigma S) / (\Sigma D + \Sigma S) \cdot 100\%$, где ΣD – число правильно воспроизведенных слов, предъявлявшихся на правое ухо во 2 серии, ΣS – соответственно на левое;
- Коэффициент продуктивности правого уха по обеим сериям – КПП-П (общий) = $C_{\text{пр}} / \text{окс}_{\text{пр}} \cdot 100\%$, где $C_{\text{пр}}$ – общая сумма верно воспроизведенных слов с правого уха, $\text{окс}_{\text{пр}}$ – общее число эталонных слов с правого уха. $\text{окс}_{\text{пр}} = 104$ слова;
- Коэффициент продуктивности правого уха в 1 серии – КПП-П (1 серия) = $C_{\text{пр}} / \text{окс}_{\text{пр}} \cdot 100\%$, где $C_{\text{пр}}$ – сумма верно воспроизведенных слов с правого уха в 1 серии, $\text{окс}_{\text{пр}}$ – число эталонных слов с правого уха в 1 серии. $\text{окс}_{\text{пр}} = 52$ слова;
- Коэффициент продуктивности правого уха во 2 серии – КПП-П (2 серия) = $C_{\text{пр}} / \text{окс}_{\text{пр}} \cdot 100\%$, где $C_{\text{пр}}$ – сумма верно воспроизведенных

слов с правого уха во 2 серии, $\text{окс}_{\text{пр}}$ – число эталонных слов с правого уха во 2 серии. $\text{окс}_{\text{пр}} = 52$ слова;

- Коэффициент продуктивности левого уха по обеим сериям – КПП-Л (общий) = $C_{\text{лев}} / \text{окс}_{\text{лев}} \cdot 100\%$, где $C_{\text{лев}}$ – общая сумма верно воспроизведенных слов с левого уха, $\text{окс}_{\text{лев}}$ – общее число эталонных слов с левого уха. $\text{окс}_{\text{лев}} = 104$ слова;
- Коэффициент продуктивности левого уха в 1 серии – КПП-Л (1 серия) = $C_{\text{лев}} / \text{окс}_{\text{лев}} \cdot 100\%$, где $C_{\text{лев}}$ – сумма верно воспроизведенных слов с левого уха в 1 серии, $\text{окс}_{\text{лев}}$ – число эталонных слов с левого уха в 1 серии. $\text{окс}_{\text{лев}} = 52$ слова;
- Коэффициент продуктивности левого уха во 2 серии – КПП-Л (2 серия) = $C_{\text{лев}} / \text{окс}_{\text{лев}} \cdot 100\%$, где $C_{\text{лев}}$ – сумма верно воспроизведенных слов с левого уха во 2 серии, $\text{окс}_{\text{лев}}$ – число эталонных слов с левого уха во 2 серии. $\text{окс}_{\text{лев}} = 52$ слова.

Для диагностики математических способностей использовался тест на математические (арифметические, алгебраические, геометрические) способности «МААГС-2015» (Хохлов, 2015). Тест представляет собой психометрическую методику, предназначенную для диагностики уровня математических способностей у взрослых и подростков, имеющих образование не ниже основного общего (9 классов). Методика позволяет выявлять уровень развития компонентов математических способностей (арифметических, алгебраических и геометрических способностей), а также определять степень развития математических способностей в целом. В тест включена дополнительная шкала «Внимание», диагностирующая эффективность работы с информацией и текущую концентрацию на выполнении заданий. Данная шкала может использоваться как референт, позволяющий оценить специфичность выявляемых закономерностей в отношении математических способностей. Процентильная стандартизация проведена на выборке из 185 испытуемых и позволяет переводить сырые баллы в z-оценки. Тестирование проводилось с помощью Интернет-версии методики на базе плат-

Таблица 1. Описательные статистики измеренных переменных

№ п/п	Переменная	Тип переменной	Описательные статистики	N
1	Самоотчет	категориальная	П – 89,1%; А – 4,3%; Л – 6,5%	92
2	Опросник М. Аннетт (модификация)	Метрическая (стандартизация)	15,6±10,9 (-0,2682±0,8424)	61
3	Переплетение пальцев	категориальная	П – 40,6%; Л – 59,4%	64
4	Поза Наполеона	категориальная	П – 42,2%; Л – 57,8%	64
5	Аплодирование	категориальная	П – 60,9%; А – 12,5%; Л – 26,6%	64
6	Прицеливание	категориальная	П – 40,6%; А – 10,9%; Л – 48,4%	64
7	Проба Розенбаха	категориальная	П – 51,1%; А – 29,5%; Л – 19,3%	88
8	КПУ (общий)	метрическая	2,5±18,9	44
9	КПУ (1 серия)	метрическая	4,5±30,8	38
10	КПУ (2 серия)	метрическая	0,4±20,4	38
11	КПР-П (общий)	метрическая	49,8±17,9	38
12	КПР-П (1 серия)	метрическая	50,3±20,9	38
13	КПР-П (2 серия)	метрическая	49,4±17,3	38
14	КПР-Л (общий)	метрическая	46,6±17	38
15	КПР-Л (1 серия)	метрическая	45,1±18,8	38
16	КПР-Л (2 серия)	метрическая	48±18,4	38
17	Шкала «Арифметика» теста МААГС-2015	Метрическая (стандартизация)	4,2±1,8 (0,0868±0,9299)	92
18	Шкала «Алгебра» теста МААГС-2015	Метрическая (стандартизация)	5,5±2,3 -0,0088±0,8547	92
19	Шкала «Геометрия» теста МААГС-2015	Метрическая (стандартизация)	3,8±1,8 -0,0327±0,9480	92
20	Шкала «Математика» теста МААГС-2015	Метрическая (стандартизация)	13,5±4,7 0,0201±0,8710	92
21	Шкала «Внимание» теста МААГС-2015	Метрическая (стандартизация)	9,1±1,4 (-0,0386±0,8226)	92

Table 1. Descriptive statistics of measured variables

#	Variable	Type of Variable	Descriptive Statistics	N
1	Self-Report	categorical	Right – 89.1%; Ambidextrous – 4.3%; Left – 6.5%	92
2	M.Annette Questionnaire (modification)	Metric (standardization)	15.6±10.9 (-0.2682±0.8424)	61
3	Interlocking fingers	categorical	Right – 40.6%; Left – 59.4%	64
4	Napoleon's Pose	categorical	Right – 42.2%; Left – 57.8%	64
5	Applause	categorical	Right – 60.9%; Ambidextrous – 12.5%; Left – 26.6%	64
6	Aiming	categorical	Right – 40.6%; Ambidextrous – 10.9%; Left – 48.4%	64
7	Rosenbach's Test	categorical	Right – 51.1%; Ambidextrous – 29.5%; Left – 19.3%	88
8	REC (total)	metric	2.5±18.9	44

#	Variable	Type of Variable	Descriptive Statistics	N
9	REC (1st series)	metric	4.5±30.8	38
10	REC (2nd series)	metric	0.4±20.4	38
11	EC-R (total)	metric	49.8±17.9	38
12	EC-R (1st series)	metric	50.3±20.9	38
13	EC-R (2nd series)	metric	49.4±17.3	38
14	EC-L (total)	metric	46.6±17	38
15	EC-L (1st series)	metric	45.1±18.8	38
16	EC-L (2nd series)	metric	48±18.4	38
17	Arithmetic Scale MAAGS-2015 Test	Metric (standardization)	4.2±1.8 (0.0868±0.9299)	92
18	Algebra Scale MAAGS-2015 Test	Metric (standardization)	5.5±2.3 -0.0088±0.8547	92
19	Geometry Scale MAAGS-2015 Test	Metric (standardization)	3.8±1.8 -0.0327±0.9480	92
20	Mathematics Scale MAAGS-2015 Test	Metric (standardization)	13.5±4.7 0.0201±0.8710	92
21	Attention Scale MAAGS-2015 Test	Metric (standardization)	9.1±1.4 (-0.0386±0.8226)	92

формы «Мастер-тесты» интегрированной системы Интернет-сервисов «НТ-Line», предоставленной Инновационным центром «Гуманитарные технологии» (ООО).

Математико-статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью программы RStudio 0.99.892 (использовались пакеты RVAideMemoire, psych).

Результаты

Описательные статистики для полученных данных приведены ниже (табл. 1).

Сначала мы сопоставили шкалы теста МААГС-2015 с отдельными латеральными признаками (табл. 1, №№ 1–7) с помощью регрессионных моделей с категориальными предикторами. Арифметические способности не связаны ни с одной из 7 переменных. Алгебраические способности на уровне тенденции связаны с результатами выполнения пробы «Поза Наполеона» (табл. 2).

Здесь и далее в таблицах в первой строке указано значение зависимой переменной при базовом уровне независимой переменной (intercept). В качест-

ве базового уровня произвольно берется определенный вариант латерализации. В последующих строках показано изменение зависимой переменной при переходе независимой переменной на другой уровень. У леворуких по пробе «Поза Наполеона» среднее стандартизованное значение алгебраических способностей составляет -0,0378. У праворуких оно повышается на 0,3607 и составляет 0,3229. Если среднее значение у леворуких значимо не отличается от среднего значения по всей выборке ($p = 0,784$), то прирост у праворуких по сравнению с леворукими является значимым на уровне тенденции ($p = 0,0931$). На основе значения множественного коэффициента детерминации можно сделать вывод о том, что данная модель объясняет около 4,5% дисперсии. Значимость модели на уровне тенденции ($p = 0,0931$).

Алгебраические способности на уровне тенденции связаны с результатами выполнения пробы Розенбаха (табл. 3).

В данной модели базовым уровнем независимой переменной является билатеральность по пробе Розенбаха. Среднее стандартизованное значение алгебраических способностей у амбидекстров составляет 0,1329. У леворуких оно снижается на -0,5136 и составляет -0,3807. Снижение является значимым на уровне тенденции ($p = 0,058$). Модель объясняет около 4,6% дисперсии, однако значимость модели является недостаточной ($p = 0,138$).

Геометрические способности на уровне тенденции связаны с результатами выполнения пробы Розенбаха (табл. 4).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха. Сред-

Таблица 2. Связь алгебраических способностей с результатами выполнения пробы «Поза Наполеона»

Поза Наполеона	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Л	-0,0378	0,1374	-0,275	0,784
П	0,3607	0,2115	1,705	0,0931

Множественный R^2 : 0,0448, скорректированный R^2 : 0,0294, $F(1, 62) = 2,909$, $p = 0,0931$

Table 2. Correlation of algebraic abilities to the Napoleon's Pose test results

Napoleon's Pose	Value	Standard Error	t	p
Left	-0.0378	0.1374	-0.275	0.784
Right	0.3607	0.2115	1.705	0.0931

Multiple R^2 : 0.0448. adjusted R^2 : 0.0294. $F(1, 62) = 2.909$. $p = 0.0931$

Таблица 3. Связь алгебраических способностей с результатами выполнения пробы Розенбаха

Проба Розенбаха	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
А	0,1329	0,168	0,791	0,431
Л	-0,5136	0,2672	-1,922	0,058
П	-0,0934	0,2111	-0,442	0,659

Множественный R^2 : 0,0455, скорректированный R^2 : 0,0231, $F(2, 85) = 2,027$, $p = 0,138$

Table 3. Correlation of algebraic abilities to the Rosenbach's Test results

Rosenbach's Test	Value	Standard Error	t	p
Ambidextrous	0.1329	0.168	0.791	0.431
Left	-0.5136	0.2672	-1.922	0.058
Right	-0.0934	0.2111	-0.442	0.659

Multiple R^2 : 0.0455. adjusted R^2 : 0.0231. $F(2, 85) = 2.027$. $p = 0.138$

Для цитирования: Хохлов Н.А., Ковязина М.С. Латеральные признаки и их взаимодействие как фактор выраженности математических способностей в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). С. 98–114. doi: 10.11621/npj.2016.0313

For citation: Khokhlov N.A., Kovyazina M.S. (2016). Lateral signs and their interaction as a factor in the severity of mathematical abilities in adolescence. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 3, 98–114. doi: 10.11621/npj.2016.0313

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

нее стандартизированное значение геометрических способностей у амбидекстров составляет -0,194. У правоглазых оно возрастает на 0,39 и составляет 0,196. Данный прирост является значимым на уровне тенденции ($p = 0,0905$). Модель объясняет 6% дисперсии, значимость модели на уровне тенденции ($p = 0,0723$).

Суммарная шкала «Математика» не связана ни с одной из 7 переменных.

Шкала «Внимание» связана с результатами выполнения пробы Розенбаха (табл. 5).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха. У амбидекстров среднее стандартизированное значение по шкале «Внимание» составляет 0,2017. У левоглазых оно снижается на -0,6225 и составляет -0,4208. Это снижение является статистически значимым ($p = 0,0149$). Модель объясняет около 6,9% дисперсии и обладает достаточным уровнем значимости ($p = 0,0487$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что отдельные латеральные признаки зрительной и мануальной асимметрий позволяют предсказать не более 5% дисперсии компонентов математических способностей и не более 7% дисперсии по шкале «Внимание». Наиболее значимым предиктором является зрительная асимметрия по пробе Розенбаха, причем, алгебраические способности лучше развиты у лиц без ведущего глаза, а геометрические – при доминировании правого глаза.

Затем шкалы теста МААГС-2015 были сопоставлены с показателями дихотического прослушивания (табл. 1, №№ 8–16 в) с помощью анализа корреляций. Арифметические способности не связаны ни с одной из 9 переменных. Алгебраические способности связаны с общим КПУ ($r = 0,3$, $p = 0,0478$), КПУ по 1 серии дихотического прослушивания ($r = 0,33$, $p = 0,0413$), общим КПП-П ($r = 0,35$, $p = 0,0313$), КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания ($r = 0,35$, $p = 0,03$) и на уровне тенденции с КПП-П по 2 серии дихотического прослушивания ($r = 0,3$, $p = 0,07$). Геометрические способности связаны с КПУ по 2 серии дихотического прослушивания: $r = 0,32$, $p = 0,049$. Суммарная шкала «Математика» связана с общим КПП-П ($r = 0,33$, $p = 0,0422$) и КПП-П по 1 серии ди-

Таблица 4. Связь геометрических способностей с результатами выполнения пробы Розенбаха

Проба Розенбаха	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
А	-0,194	0,1813	-1,07	0,2877
Л	-0,1468	0,2884	-0,509	0,612
П	0,39	0,2278	1,712	0,0905

Множественный R^2 : 0,06, скорректированный R^2 : 0,0378, $F(2, 85) = 2,711$, $p = 0,0723$

Table 4. Correlation of geometric abilities to the Rosenbach's Test results

Rosenbach's Test	Value	Standard Error	t	p
Ambidextrous	-0.194	0.1813	-1.07	0.2877
Left	-0.1468	0.2884	-0.509	0.612
Right	0.39	0.2278	1.712	0.0905

Multiple R^2 : 0.06. adjusted R^2 : 0.0378. $F(2, 85) = 2.711$. $p = 0.0723$

Таблица 5. Связь внимания с результатами выполнения пробы Розенбаха

Проба Розенбаха	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
А	0,2017	0,1575	1,281	0,2038
Л	-0,6225	0,2505	-2,485	0,0149
П	-0,2975	0,1979	-1,503	0,1364

Множественный R^2 : 0,0686, скорректированный R^2 : 0,0467, $F(2, 85) = 3,132$, $p = 0,0487$

Table 5. Correlation of attention performance to the Rosenbach's Test results

Rosenbach's Test	Value	Standard Error	t	p
Ambidextrous	0.2017	0.1575	1.281	0.2038
Left	-0.6225	0.2505	-2.485	0.0149
Right	-0.2975	0.1979	-1.503	0.1364

Multiple R^2 : 0.0686. adjusted R^2 : 0.0467. $F(2, 85) = 3.132$. $p = 0.0487$

хотического прослушивания ($r = 0,33$, $p = 0,0423$). Также на уровне тенденции имеется связь с общим КПУ ($r = 0,26$, $p = 0,09$) и КПП-П по 2 серии дихотического прослушивания ($r = 0,29$, $p = 0,082$). Шкала «Внимание» с показателями дихотического прослушивания не связана.

Таким образом, правосторонние латеральные признаки в слуховой сфере выступают положительными предикторами алгебраических и геометрических способностей, а также математических

способностей в целом. Отдельные показатели дихотического прослушивания объясняют около 10% дисперсии математических способностей.

Особый интерес представляют регрессионные модели с несколькими предикторами и учетом их взаимодействия. Для начала в качестве предикторов были задействованы переменные, которые, как показал предшествующий анализ, связаны с результатами выполнения теста МААГС-2015 по отдельности.

Таблица 6. Связь результатов выполнения пробы «Поза Наполеона» и КПУ по 1 серии дихотического прослушивания (с учетом взаимодействия) с алгебраическими способностями

Латеральные признаки	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
«Поза Наполеона» – Л КПУ (1 серия) = 0	-0,0851	0,1725	-0,493	0,625
«Поза Наполеона» – П КПУ (1 серия)	0,4527	0,2615	1,731	0,0925
КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания	0,0103	0,0043	2,424	0,0208

Множественный R^2 : 0,21, скорректированный R^2 : 0,1636, $F(2, 34) = 4,52$, $p = 0,0182$

Table 6. Correlation of the Napoleon's Pose Test results and the REC 1st series of dichotic listening (including interactions) with algebraic skills

Lateral Signs	Value	Standard Error	t	p
Napoleon's Pose – Left REC (1st series) = 0	-0.0851	0.1725	-0.493	0.625
Napoleon's Pose – Right REC (1st series)	0.4527	0.2615	1.731	0.0925
REC (1st series)	0.0103	0.0043	2.424	0.0208

Multiple R^2 : 0.21. adjusted R^2 : 0.1636. $F(2, 34) = 4.52$. $p = 0.0182$

Таблица 7. Связь результатов выполнения пробы Розенбаха, пробы «Поза Наполеона» и общего КПр-П (с учетом взаимодействия) с алгебраическими способностями

Латеральные признаки	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Проба Розенбаха – А Поза Наполеона – Л КПр-П (общий) = 0	0,6172	0,6881	0,897	0,3769
Проба Розенбаха – Л	-2,3828	1,4343	-1,661	0,1071
Проба Розенбаха – П	-2,139	0,83	-2,577	0,0151
Поза Наполеона – П	0,5103	0,2572	1,984	0,0564
КПр-П (общий)	-0,0077	0,0124	-0,626	0,5362
КПр-П (общий) Проба Розенбаха – Л	0,0383	0,0292	1,312	0,1994
КПр-П (общий) Проба Розенбаха – П	0,0353	0,0153	2,312	0,0278
Множественный R ² : 0,3704, скорректированный R ² : 0,2445, F (6, 30) = 2,942, p = 0,0223				

Table 7. Correlation of the Napoleon's Pose Test results and the EC-R (total) (including interactions) with algebraic skills

Lateral Signs	Value	Standard Error	t	p
Rosenbach's Test – Ambidextrous Napoleon's Pose – Left EC-R (total) = 0	0.6172	0.6881	0.897	0.3769
Rosenbach's Test – Left	-2.3828	1.4343	-1.661	0.1071
Rosenbach's Test – Right	-2.139	0.83	-2.577	0.0151
Napoleon's Pose – Right	0.5103	0.2572	1.984	0.0564
EC-R (total)	-0.0077	0.0124	-0.626	0.5362
EC-R (total) Rosenbach's Test – Left	0.0383	0.0292	1.312	0.1994
EC-R (total) Rosenbach's Test – Right	0.0353	0.0153	2.312	0.0278
Multiple R ² : 0.3704. adjusted R ² : 0.2445. F (6, 30) = 2.942. p = 0.0223				

В первую модель для предсказания алгебраических способностей были включены результаты выполнения пробы Розенбаха, пробы «Поза Наполеона», КПУ по 1 серии дихотического прослушивания и их взаимодействие. Здесь и далее число предикторов сокращалось с помощью метода пошагового отбора в обратном на-

правлении (backward), что позволило оставить в итоговых моделях наиболее значимые из них. Мы не стали включать в модель одновременно с КПУ по 1 серии общий КПУ и КПУ по 2 серии из-за коллинеарности между предикторами. По этой же причине в первой модели не использовались показатели КПр-П (корреляция

Таблица 8. Связь результатов выполнения пробы Розенбаха и общего КПУ (с учетом взаимодействия) с геометрическими способностями

Латеральные признаки	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Проба Розенбаха – А КПУ (общий) = 0	0,0765	0,2575	0,297	0,7681
Проба Розенбаха – Л	-0,3836	0,4149	-0,924	0,3611
Проба Розенбаха – П	0,0556	0,3081	0,18	0,8577
КПУ (общий)	-0,0782	0,0259	-3,021	0,0045
КПУ (общий) Проба Розенбаха – Л	0,0838	0,0331	2,537	0,0154
КПУ (общий) Проба Розенбаха – П	0,0964	0,027	3,579	0,001
Множественный R ² : 0,3153, скорректированный R ² : 0,2252, F (5, 38) = 3,5, p = 0,0106				

Table 8. Correlation of the Rosenbach's Test results and the REC (total) (including interactions) with geometric skills

Lateral Signs	Value	Standard Error	t	p
Rosenbach's Test – Ambidextrous REC (total) = 0	0.0765	0.2575	0.297	0.7681
Rosenbach's Test – Left	-0.3836	0.4149	-0.924	0.3611
Rosenbach's Test – Right	0.0556	0.3081	0.18	0.8577
REC (total)	-0.0782	0.0259	-3.021	0.0045
REC (total) Rosenbach's Test – Left	0.0838	0.0331	2.537	0.0154
REC (total) Rosenbach's Test – Right	0.0964	0.027	3.579	0.001
Multiple R ² : 0.3153. adjusted R ² : 0.2252. F (5, 38) = 3.5. p = 0.0106				

Для цитирования: Хохлов Н.А., Ковязина М.С. Латеральные признаки и их взаимодействие как фактор выраженности математических способностей в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). С. 98–114. doi: 10.11621/npj.2016.0313

For citation: Khokhlov N.A., Kovyazina M.S. (2016). Lateral signs and their interaction as a factor in the severity of mathematical abilities in adolescence. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 3, 98–114. doi: 10.11621/npj.2016.0313

между общими КПУ и КПр-П составляет 0,544, p = 0,001). Альтернативные модели с включением в модель вместо КПУ по 1 серии общего КПУ и КПУ по 2 серии оказались менее прогностичными. Итоговая модель представлена ниже (табл. 6).

Базовым уровнем в данной модели является леворукость по пробе «Поза Наполеона» при нулевом значении КПУ по 1 серии дихотического прослушивания. Увеличение КПУ по 1 серии у леворуких по пробе «Поза Наполеона» на 1 приводит к увеличению стандартизированного значения алгебраических способностей на 0,0103 (p = 0,0208). У праворуких по пробе «Поза Наполеона» среднее стандартизированное значение алгебраических способностей возрастает на 0,4527 по сравнению с леворукими и составляет 0,3676. Данное увеличение проявляется на уровне тенденции (p = 0,0925). При этом, у праворуких по пробе «Поза Наполеона» КПУ по 1 серии дихотического прослушивания значимо не связан с алгебраическими способностями. Модель объясняет около 21% дисперсии (реально несколько меньше, т.к. скорректированный коэффициент детерминации составляет 0,1636, однако его нельзя интерпретировать как долю вариации объясняемой переменной, обусловленную вариацией факторов, включенных в модель) и обладает достаточным уровнем значимости (p = 0,0182).

Во вторую модель для предсказания алгебраических способностей были включены результаты выполнения пробы Розенбаха, пробы «Поза Наполеона», общий КПр-П и их взаимодействие. Альтернативные модели с включением в модель вместо общего КПр-П аналогичных показателей по 1 и 2 серии дихотического прослушивания оказались менее прогностичными. Итоговая модель представлена ниже (табл. 7).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха, леворукость по пробе «Поза Наполеона» при нулевом значении общего КПр-П. У леворуких по пробе «Поза Наполеона» зрительное правшество выступает негативным предиктором, понижая стандартизированное значение алгебраических способностей на -2,139 на статистически значимом уровне (p = 0,0151). У лиц с отсутствием зрительной асимметрии по

пробе Розенбаха праворукость по пробе «По́за Наполеона» на уровне тенденции ($p = 0,0564$) является положительным предиктором, повышая стандартизованное значение алгебраических способностей на 0,5103. Значимая связь общего КПП-П с алгебраическими способностями проявляется только у правоглазых. Увеличение общего КПП-П на 1 приводит к увеличению стандартизованного значения алгебраических способностей на 0,0353 ($p = 0,0278$). Модель объясняет примерно 37% дисперсии (скорректированный коэффициент детерминации составляет 0,2445) и обладает достаточным уровнем значимости ($p = 0,0223$).

В модель для предсказания геометрических способностей были включены результаты выполнения пробы Розенбаха, общий КПУ и их взаимодействие. Хотя с геометрическими способностями значимо коррелировал КПУ по 2 серии дихотического прослушивания, а общий КПУ не коррелировал, альтернативные модели с включением в качестве предикторов КПУ по 1 или по 2 серии дихотического прослушивания имели меньшие прогностические возможности. Итоговая модель представлена ниже (табл. 8).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха при нулевом значении общего КПУ. Связь общего КПУ с геометрическими способностями по-разному проявляется у левоглазых, правоглазых и лиц с отсутствием ведущего глаза по пробе Розенбаха. Если у лиц с отсутствием зрительной асимметрии увеличение общего КПУ на 1 приводит к уменьшению стандартизованного значения геометрических способностей на 0,0782 ($p = 0,0045$), то у левоглазых и правоглазых – к увеличению на 0,0838 ($p = 0,0154$) и 0,0964 ($p = 0,001$) соответственно. Модель объясняет примерно 31,5% дисперсии (скорректированный коэффициент детерминации составляет 0,2252) и обладает достаточным уровнем значимости ($p = 0,0106$).

В первую модель для предсказания суммарной шкалы «Математика» были включены результаты выполнения пробы Розенбаха, пробы «По́за Наполеона», общий КПУ и их взаимодействие. Заметим, что по отдельности результаты пробы Розенбаха и пробы «По́за Наполеона» не были значимыми предикторами ма-

Таблица 9. Связь результатов выполнения пробы Розенбаха, пробы «По́за Наполеона» и общего КПУ (с учетом взаимодействия) с математическими способностями

Латеральные признаки	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Проба Розенбаха – А По́за Наполеона – Л КПУ (общий) = 0	0,2525	0,2627	0,961	0,3429
Проба Розенбаха – Л	-0,6999	0,3681	-1,901	0,0653
Проба Розенбаха – П	-0,3219	0,2772	-1,161	0,2531
По́за Наполеона – П	0,5209	0,2355	2,212	0,0334
КПУ (общий)	-0,0358	0,0229	-1,566	0,126
КПУ (общий) Проба Розенбаха – Л	0,0337	0,0298	1,132	0,2653
КПУ (общий) Проба Розенбаха – П	0,0524	0,0238	2,204	0,034
Множественный R ² : 0,3367, скорректированный R ² : 0,2262, F (3, 36) = 3,046, p = 0,0163				

Table 9. Correlation of the Rosenbach's Test/ Napoleon's Pose Test results and the REC (total) (including interactions) with mathematical skills

Lateral Signs	Value	Standard Error	t	p
Rosenbach's Test – Ambidextrous Napoleon's Pose – Left REC (total) = 0	0.2525	0.2627	0.961	0.3429
Rosenbach's Test – Left	-0.6999	0.3681	-1.901	0.0653
Rosenbach's Test – Right	-0.3219	0.2772	-1.161	0.2531
Napoleon's Pose – Right	0.5209	0.2355	2.212	0.0334
REC (total)	-0.0358	0.0229	-1.566	0.126
REC (total) Rosenbach's Test – Left	0.0337	0.0298	1.132	0.2653
REC (total) Rosenbach's Test – Right	0.0524	0.0238	2.204	0.034
Multiple R ² : 0.3367, adjusted R ² : 0.2262, F (3, 36) = 3.046, p = 0.0163				

тематических способностей. Итоговая модель представлена ниже (табл. 9).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха, леворукость по пробе «По́за Наполеона» при нулевом значении общего КПУ. У леворуких по пробе «По́за Наполеона» левоглазость по пробе Розенбаха на уровне тенденции ($p = 0,0653$) приводит к снижению стандартизованного значения математических способностей на 0,6999. У лиц без ведущего глаза праворукость по пробе «По́за Наполеона» повышает стандартизованное значение математических способностей на 0,5209 ($p = 0,0334$). Значимая связь общего КПУ с математическими способностями проявляется только у правоглазых. Увеличение общего КПУ на 1 приводит к увеличению стандартизованного значения математических способностей на 0,0524 ($p = 0,034$). Модель объясняет около 33,7% дисперсии (скорректированный коэффициент детерминации составляет 0,2262) и обладает достаточным уровнем значимости ($p = 0,0163$).

Во вторую модель для предсказания суммарной шкалы «Математика» были включены результаты выполнения пробы Розенбаха, пробы «По́за Наполеона»,

КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания и их взаимодействие. Альтернативные модели с включением в модель вместо КПП-П по 1 серии общего КПП-П или КПП-П по 2 серии дихотического прослушивания оказались менее прогностичными. Итоговая модель представлена ниже (табл. 10).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха, леворукость по пробе «По́за Наполеона» при нулевом значении КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания. У леворуких по пробе «По́за Наполеона» зрительное правшество по пробе Розенбаха снижает стандартизованное значение математических способностей на 1,5 ($p = 0,0376$). У лиц с отсутствием зрительной асимметрии по пробе Розенбаха праворукость по пробе «По́за Наполеона» повышает стандартизованное значение математических способностей на 0,6889 ($p = 0,0078$). Значимая связь КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания с математическими способностями проявляется только у правоглазых. Увеличение данного показателя на 1 увеличивает стандартизованное значение математических способностей на 0,0274 ($p = 0,034$). Модель объясняет око-

Таблица 10. Связь результатов выполнения пробы Розенбаха, пробы «Поза Наполеона» и КПР-П по 1 серии дихотического прослушивания (с учетом взаимодействия) с математическими способностями

Латеральные признаки	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Проба Розенбаха – А Поза Наполеона – Л КПР-П (1 серия) = 0	0,202	0,5821	0,347	0,731
Проба Розенбаха – Л	-0,3051	1,1133	-0,274	0,7859
Проба Розенбаха – П	-1,5	0,6897	-2,175	0,0376
Поза Наполеона – П	0,6889	0,2417	2,85	0,0078
КПР-П (1 серия)	-0,0028	0,01	-0,274	0,786
КПР-П (1 серия) Проба Розенбаха – Л	-0,006	0,0215	-0,28	0,7817
КПР-П (1 серия) Проба Розенбаха – П	0,0274	0,0123	2,222	0,034
Множественный R ² : 0,4066, скорректированный R ² : 0,2879, F (6, 30) = 3,426, p = 0,0107				

Table 10. Correlation of the Rosenbach's Test/ Napoleon's Pose Test results and the EC-R 1st series of dichotic listening (including interactions) with mathematical skills

Lateral signs	Value	Standard Error	t	p
Rosenbach's Test – Ambidextrous Napoleon's Pose – Left EC-R (1st series) = 0	0.202	0.5821	0.347	0.731
Rosenbach's Test – Left	-0.3051	1.1133	-0.274	0.7859
Rosenbach's Test – Right	-1.5	0.6897	-2.175	0.0376
Napoleon's Pose – Right	0.6889	0.2417	2.85	0.0078
EC-R (1st series)	-0.0028	0.01	-0.274	0.786
EC-R (1st series) Rosenbach's Test – Left	-0.006	0.0215	-0.28	0.7817
EC-R (1st series) Rosenbach's Test – Right	0.0274	0.0123	2.222	0.034
Multiple R ² : 0.4066. adjusted R ² : 0.2879. F (6, 30) = 3.426. p = 0.0107				

Таблица 11. Связь результатов выполнения пробы Розенбаха, пробы «Поза Наполеона» и КПР-П по 1 серии дихотического прослушивания (с учетом взаимодействия) с арифметическими способностями

Латеральные признаки	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Проба Розенбаха – А Поза Наполеона – Л КПР-П (1 серия) = 0	-0,7077	0,4649	-1,522	0,1385
Проба Розенбаха – Л	0,1608	0,5101	0,315	0,7548
Проба Розенбаха – П	-0,0588	0,3968	-0,148	0,8833
Поза Наполеона – П	0,962	0,4734	2,032	0,0511
КПР-П (1 серия)	0,0132	0,0064	2,071	0,0471
Проба Розенбаха – Л Поза Наполеона – П	-1,9069	0,769	-2,48	0,019
Проба Розенбаха – П Поза Наполеона – П	-0,2865	0,6006	-0,477	0,6368
Множественный R ² : 0,3476, скорректированный R ² : 0,2171, F (6, 30) = 2,664, p = 0,0342				

Table 11. Correlation of the Rosenbach's Test/ Napoleon's Pose test results and the EC-R 1st series of dichotic listening (including interactions) with arithmetical skills

Lateral signs	Value	Standard Error	t	p
Rosenbach's Test – Ambidextrous Napoleon's Pose – Left EC-R (1st series) = 0	-0.7077	0.4649	-1.522	0.1385
Rosenbach's Test – Left	0.1608	0.5101	0.315	0.7548
Rosenbach's Test – Right	-0.0588	0.3968	-0.148	0.8833
Napoleon's Pose – Right	0.962	0.4734	2.032	0.0511
EC-R (1st series)	0.0132	0.0064	2.071	0.0471
Rosenbach's Test – Left Napoleon's Pose – Right	-1.9069	0.769	-2.48	0.019
Rosenbach's Test – Right Napoleon's Pose – Right	-0.2865	0.6006	-0.477	0.6368
Multiple R ² : 0.4066. adjusted R ² : 0.2879. F (6, 30) = 3.426. p = 0.0107				

ло 40,7% дисперсии (скорректированный коэффициент детерминации составляет 0,2879) и обладает достаточным уровнем значимости ($p = 0,0107$).

Хотя арифметические способности не были связаны с показателями дихотического прослушивания, нам также удалось построить предсказывающую их модель, включающую в себя результаты выполнения пробы Розенбаха, пробы «Поза Наполеона», КПР-П по 1 серии дихотического прослушивания и их взаимодействие (табл. 11).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха, леворукость по пробе «Поза Наполеона» при нулевом значении КПР-П по 1 серии дихотического прослушивания. У лиц с отсутствием ведущего глаза по пробе Розенбаха праворукость по пробе «Поза Наполеона» на уровне тенденции ($p = 0,0511$) приводит к увеличению стандартизированного значения арифметических способностей на 0,962. Значимая связь КПР-П по 1 серии дихотического прослушивания с арифметическими способностями проявляется только на базовом уровне двух других переменных. У лиц с отсутствием зрительной асимметрии по пробе Розенбаха, одновременно являющихся леворуками по пробе «Поза Наполеона», увеличение КПР-П по 1 серии дихотического прослушивания на 1 приводит к увеличению стандартизированного значения арифметических способностей на 0,0132 ($p = 0,0471$). Одновременное наличие ведущего левого глаза и праворукости по пробе «Поза Наполеона» приводит к уменьшению стандартизированного значения арифметических способностей на 1,9069 ($p = 0,019$). Модель объясняет примерно 34,8% дисперсии (скорректированный коэффициент детерминации составляет 0,2171) и обладает достаточным уровнем значимости ($p = 0,0342$).

Хотя шкала «Внимание» не была связана с показателями дихотического прослушивания, мы смогли построить модель, включающую в качестве предикторов результаты выполнения пробы Розенбаха, КПР-П по 1 серии дихотического прослушивания и их взаимодействие (табл. 12).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха при нулевом значении КПР-П по 1 серии дихоти-

ческого прослушивания. Ведущий левый глаз снижает стандартизированное значение внимания на 3,0364 на статистически значимом уровне ($p = 0,0088$), а правый – на 1,1686 на уровне тенденции ($p = 0,0987$). Значимая связь КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания с вниманием отмечается только у левоглазых. Увеличение на 1 КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания приводит к увеличению стандартизированного значения внимания на 0,0517 ($p = 0,0191$). Модель объясняет примерно 21,4% дисперсии (скорректированный коэффициент детерминации составляет 0,0911), однако значимость модели является недостаточной ($p = 0,1534$).

Не было найдено значимых корреляций между результатами выполнения модификации опросника М. Аннетт и шкалами теста МААГС-2015. Однако удалось построить модель для предсказания результатов по шкале «Внимание», в которую в качестве предикторов вошли результаты выполнения пробы Розенбаха, модификации опросника М. Аннетт и их взаимодействие (табл. 13).

Базовым уровнем является билатеральность по пробе Розенбаха при нулевом стандартизированном значении модификации опросника М. Аннетт. Левоглазость по пробе Розенбаха уменьшает стандартизированное значение внимания на 0,5869 ($p = 0,0454$). Значимая связь мануальной асимметрии по модификации опросника М. Аннетт с результатами по шкале «Внимание» проявляется только у правоглазых. Увеличение стандартизированного значения модификации опросника М. Аннетт на 1 приводит к увеличению стандартизированного значения по шкале «Внимание» на 0,7422 ($p = 0,0043$). Модель объясняет около 23,5% дисперсии (скорректированный коэффициент детерминации составляет 0,1651) и обладает достаточным уровнем значимости ($p = 0,001$).

Также мы проверили, влияет ли совпадение показателей латерализации разных анализаторов на математические способности. Наши недавние исследования, проведенные с Н.В. Морозовой (Kovyazina, Khokhlov, Morozova, 2015; Ковязина, Хохлов, Морозова, 2016), показали, что перекрестная латерализация мануальной и слуховой сфер негативным

Таблица 12. Связь результатов выполнения пробы Розенбаха и КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания (с учетом взаимодействия) с вниманием

Латеральные признаки	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Проба Розенбаха – А КПП-П (1 серия) = 0	1,0676	0,571	1,87	0,0707
Проба Розенбаха – Л	-3,0364	1,0888	-2,789	0,0088
Проба Розенбаха – П	-1,1686	0,6871	-1,701	0,0987
КПП-П (1 серия)	-0,0142	0,01	-1,409	0,1685
КПП-П (1 серия) Проба Розенбаха – Л	0,0517	0,021	2,468	0,0191
КПП-П (1 серия) Проба Розенбаха – П	0,0194	0,0123	1,581	0,1238
Множественный R ² : 0,214, скорректированный R ² : 0,0911, F (5, 32) = 1,742, p = 0,1534				

Table 12. Correlation of the Rosenbach's Test test results and the EC-R 1st series of dichotic listening (including interactions) with attention skills

Lateral signs	Value	Standard Error	t	p
Rosenbach's Test – Ambidextrous EC-R (1st series) = 0	1.0676	0.571	1.87	0.0707
Rosenbach's Test – Left	-3.0364	1.0888	-2.789	0.0088
Rosenbach's Test – Right	-1.1686	0.6871	-1.701	0.0987
EC-R (1st series)	-0.0142	0.01	-1.409	0.1685
EC-R (1st series) Rosenbach's Test – Left	0.0517	0.021	2.468	0.0191
EC-R (1st series) Rosenbach's Test – Right	0.0194	0.0123	1.581	0.1238
Multiple R ² : 0.214. adjusted R ² : 0.0911. F (5. 32) = 1.742. p = 0.1534				

Таблица 13. Связь результатов выполнения пробы Розенбаха и стандартизированных результатов модификации опросника М. Аннетт (с учетом взаимодействия) с вниманием

Латеральные признаки	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Проба Розенбаха – А Опросник М. Аннетт = 0	0,2833	0,196	1,446	0,1539
Проба Розенбаха – Л	-0,5869	0,2867	-2,047	0,0454
Проба Розенбаха – П	-0,0572	0,235	-0,243	0,8087
Опросник М. Аннетт	-0,2599	0,1935	-1,343	0,1848
Опросник М. Аннетт Проба Розенбаха – Л	0,0594	0,314	0,189	0,8506
Опросник М. Аннетт Проба Розенбаха – П	0,7422	0,2489	2,982	0,0043
Множественный R ² : 0,2346, скорректированный R ² : 0,1651, F (5, 55) = 3,372, p = 0,001				

Table 13. Correlation of the Rosenbach's Test results and M.Annette Questionnaire modification (including interactions) with attention skills

Lateral signs	Value	Standard Error	t	p
Rosenbach's Test – Ambidextrous M.Annette Questionnaire = 0	0.2833	0.196	1.446	0.1539
Rosenbach's Test – Left	-0.5869	0.2867	-2.047	0.0454
Rosenbach's Test – Right	-0.0572	0.235	-0.243	0.8087
M.Annette Questionnaire	-0.2599	0.1935	-1.343	0.1848
M.Annette Questionnaire Rosenbach's Test – Left	0.0594	0.314	0.189	0.8506
M.Annette Questionnaire Rosenbach's Test – Right	0.7422	0.2489	2.982	0.0043
Multiple R ² : 0.2346. adjusted R ² : 0.1651. F (5. 55) = 3.372. p = 0.001				

образом сказывается на продуктивности слухоречевого восприятия. Некоторые авторы считают несовпадение асимметрий отклонением от нормы, свидетельствующем о задержке формирования процесса латерализации. «При четкой латерализации выявляется предпочтение в использовании одной стороны в работе парных сенсо-моторных органов (единообразно): при правосторонней латера-

лите – правой руки, ноги, правого глаза, уха; при левосторонней – левых рецепторов. Перекрестная или порочная латерализация обнаруживает себя в случаях, когда у ребенка, например, при ведущей правой руке ведущим является левый глаз и т.п.» (Садовникова, 2011, С. 14).

Сначала испытуемые были разделены на две группы по принципу совпадения зрительной и слуховой асимметрии.

Таблица 14. Влияние совпадения зрительной и слуховой асимметрии на результаты выполнения теста МААГС-2015

Шкалы теста МААГС-2015	Совпадение асимметрии (N = 18)	Несовпадение асимметрии (N = 26)	F (1, 42)	p	R2
Внимание	0,1638±0,7534	0,0031±0,8011	0,449	0,507	
Арифметика	0,7178±0,7739	-0,2213±0,8273	14,436	0,0005	0,2558
Алгебра	0,4166±0,7832	-0,0625±0,886	3,412	0,0717	0,0752
Геометрия	0,3911±0,7544	-0,2695±1,0024	5,602	0,0226	0,1177
Математика	0,619±0,6339	-0,177±0,7924	12,562	0,001	0,2302

Table 14. Influence of visual and auditory asymmetry match on the MAAGS 2015 Test results

MAAGS-2015 Test Scale	Asymmetry Match (N = 18)	Asymmetry Mismatch (N = 26)	F (1, 42)	p	R2
Attention	0.1638±0.7534	0.0031±0.8011	0.449	0.507	
Arithmetics	0.7178±0.7739	-0.2213±0.8273	14.436	0.0005	0.2558
Algebra	0.4166±0.7832	-0.0625±0.886	3.412	0.0717	0.0752
Geometry	0.3911±0.7544	-0.2695±1.0024	5.602	0.0226	0.1177
Mathematics	0.619±0.6339	-0.177±0.7924	12.562	0.001	0.2302

Таблица 15. Влияние совпадения зрительной и мануальной асимметрии на результаты выполнения теста МААГС-2015

Шкалы теста МААГС-2015	Совпадение асимметрии (N = 31)	Несовпадение асимметрии (N = 30)	F (1, 59)	p	R2
Внимание	0,2312±0,699	-0,0965±0,8305	2,788	0,1	
Арифметика	0,2538±0,8344	0,047±0,9599	0,808	0,372	
Алгебра	0,2801±0,7337	-0,0769±0,957	2,684	0,107	
Геометрия	0,222±0,8636	-0,3406±0,9655	5,761	0,0196	0,089
Математика	0,3243±0,7225	-0,113±0,8715	4,564	0,0368	0,0718

Table 15. Influence of visual and manual asymmetry match on the MAAGS 2015 Test results

MAAGS-2015 Test Scale	Asymmetry Match (N = 31)	Asymmetry Mismatch (N = 30)	F (1, 59)	p	R2
Attention	0.2312±0.699	-0.0965±0.8305	2.788	0.1	
Arithmetics	0.2538±0.8344	0.047±0.9599	0.808	0.372	
Algebra	0.2801±0.7337	-0.0769±0.957	2.684	0.107	
Geometry	0.222±0.8636	-0.3406±0.9655	5.761	0.0196	0.089
Mathematics	0.3243±0.7225	-0.113±0.8715	4.564	0.0368	0.0718

В одну группу вошли те, у кого отмечалось совпадение показателей латерализации по пробе Розенбаха и дихотическому прослушиванию (количественные значения общего КПУ были переведены в категориальную шкалу по правилу: КПУ < -8 – «Л», $-8 \leq \text{КПУ} \leq 8$ – «А», КПУ > 8 – «П»), в другую – те, у кого имело место несовпадение. Результаты сравнения средних значений приведены ниже (табл. 14).

Группы значимо различаются по арифметическим, геометрическим и математическим способностям в целом, на уровне тенденции – по алгебраическим способностям. Во всех случаях преимущество наблюдается при совпадении асимметрий.

Похожая ситуация имеет место при разделении испытуемых по принципу совпадения зрительной и мануальной асимметрии. Мануальная асимметрия определялась путем перевода сырого балла по модификации опросника М. Аннетт в категориальную шкалу по правилу: меньше -8 – «Л», от -8 до 8 включительно – «А», больше 8 – «П». Результаты сравнения средних значений приведены ниже (табл. 15).

Группы значимо отличаются по геометрическим способностям и математическим способностям в целом. По всем остальным переменным испытуемые с совпадением асимметрий также демонстрируют более высокие значения,

хотя различия и не достигают статистической значимости.

Совпадение результатов по пробам Розенбаха и «Поза Наполеона» значимо влияет только на алгебраические способности, причем, при совпадении латеральных признаков наблюдается меньшее стандартизированное значение ($N = 27, -0,1483 \pm 0,8573$), чем при несовпадении ($N = 37, 0,306 \pm 0,7989$) – $F(1, 62 \text{ ст. св.}) = 4,746, p = 0,0332, R^2 = 0,0711$. Эта закономерность опровергает предположение о негативном влиянии любой перекрестной латерализации. Кроме того, подтверждается, что опросник М. Аннетт и проба «Поза Наполеона» измеряют разные компоненты мануальной асимметрии, по-разному связанные с математическими способностями. Однако здесь следует учесть тот факт, что результаты пробы Розенбаха имеют три градации, а пробы «Поза Наполеона» – две. Соответственно, все лица с отсутствием ведущего глаза при сопоставлении асимметрий оказываются в группе с несовпадением латерализации. Для уточнения полученного результата мы исключили из анализа испытуемых с отсутствием зрительной асимметрии. Различия перестали быть статистически значимыми, хотя в группе с несовпадением латеральных признаков стандартизированное значение алгебраических способностей ($N = 22, 0,1917 \pm 0,8389$) осталось выше, чем в группе с совпадением ($N = 27, -0,1483 \pm 0,8573$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что не все латеральные признаки являются значимыми предикторами математических способностей. Результаты проб «Переплетение пальцев рук», «Аплодирование», «Прицеливание», самоотчета и продуктивность восприятия слов с левого уха в дихотическом прослушивании не связаны с компонентами математических способностей. Арифметические, алгебраические, геометрические способности и математические способности в целом по-разному связаны с показателями асимметрии. Арифметические способности не связаны ни с одним из латеральных признаков по отдель-

ности. Алгебраические способности на уровне тенденции связаны с результатами выполнения пробы «Поза Наполеона» (преимущество у праворуких), пробы Розенбаха (наименьшие результаты у левоглазых), значимо связаны с правосторонней латерализацией в слуховой сфере по нескольким показателями дихотического прослушивания. Геометрические способности на уровне тенденции связаны с результатами пробы Розенбаха (преимущество у правоглазых), значимо связаны с КПУ по 2 серии дихотического прослушивания. Математические способности в целом положительно связаны только с правосторонней латерализацией в слуховой сфере по нескольким показателями дихотического прослушивания. Концентрация на выполнении заданий (шкала «Внимание») связана с результатами выполнения пробы Розенбаха (наименьшие результаты у левоглазых).

Связь некоторых показателей асимметрии с математическими способностями по-разному проявляется в зависимости от других латеральных признаков. Например, одновременное наличие зрительной билатеральности и праворукости по пробе «Поза Наполеона» является значимым положительным предиктором для математических способностей, тогда как по отдельности эти латеральные признаки связаны с компонентами математических способностей только на уровне тенденции. Кроме этого, одновременное наличие ведущего левого глаза и мануального правшества по пробе «Поза Наполеона» выступает значимым негативным предиктором арифметических способностей. Добавим, что в исследовании Н. Сакано (Sakano, 1982) было показано, что проба «Перекрест рук» («Поза Наполеона») является наиболее эффективным показателем скрытой мануальной асимметрии (по сравнению с пробой «Переплетение пальцев рук») и может отражать относительное доминирование лобных отделов мозга. Испытуемые, у которых сверху оказывался правый локоть, демонстрировали лучшие результаты в вербальных заданиях, а те, у кого сверху оказывался левый локоть, проявили лучшие способности при работе со зрительными пространственными заданиями.

Наиболее выраженное взаимодействие отмечается между слуховой и зри-

тельной асимметриями. В большинстве случаев правосторонняя латерализация в слуховой сфере является положительным предиктором для компонентов математических способностей только для правоглазых по пробе Розенбаха. При билатеральности в зрительной сфере в целом отмечается меньший разброс КПУ, практически не встречается выраженная левосторонняя латерализация в слуховой сфере. Среди лиц с отсутствием зрительной асимметрии наибольшие математические способности наблюдаются у тех, кто имеет слабовыраженные левосторонние признаки или билатеральность в слуховой сфере. Очевидно, что общая положительная связь правосторонней латерализации в слуховой сфере с математическими способностями обусловлена большей долей правоглазых в выборке. Исключение составляют арифметические способности, которые в целом не связаны с показателями латерализации в слуховой сфере. Однако при учете взаимодействия между асимметриями КПП-П по 1 серии дихотического прослушивания выступает положительным предиктором только для лиц с отсутствием ведущего глаза, имеющих леворукость по пробе «Поза Наполеона». Влияние взаимодействия асимметрий проявляется и в отношении внимания, однако здесь продуктивность восприятия слов с правого уха выступает положительным предиктором только у левоглазых. Наряду с меньшей предсказательной способностью модели данное обстоятельство позволяет говорить о специфичности выявленных закономерностей.

Обсуждая латеральные показатели в слуховой сфере, отметим еще один феномен. Показатели по 1 серии дихотического прослушивания чаще оказывались значимыми предикторами и в целом позволили объяснить больше дисперсии, чем аналогичные показатели по 2 серии. Асимметрия слухоречевого восприятия по 1 серии дихотического прослушивания в большей степени связана с математическими способностями, чем аналогичная асимметрия по 2 серии. Интересно, что при сопоставлении компонентов математических способностей с параметрами асимметрии слухоречевого восприятия только для геометрических способностей единственным зна-

чимым предиктором оказался КПУ по 2 серии дихотического прослушивания. С одной стороны, это может быть связано с возрастанием роли правого полушария во 2 серии дихотического прослушивания и с участием правополушарных механизмов в обеспечении геометрических способностей. С другой стороны, объединяющим механизмом может выступать работа памяти. Ранее мы предполагали, что «испытуемые во второй серии воспроизводят именно те слова, которые отчетливо услышали в первой серии ведущим ухом. Распознав даже часть слова, услышанного не ведущим ухом во второй серии, они домысливают его правильно, опираясь на образ слова, запечатленный в первой серии, благодаря работе ведущего уха» (Хохлов, Ковязина, 2012, С. 195–196). Также было выявлено, что успеваемость по геометрии сильнее связана с памятью, чем успеваемость по алгебре (Хохлов, 2014). Тот факт, что геометрические способности наиболее выражены у правоглазых, позволяет думать, что здесь осуществляется унилатеральная перешифровка информации из зрительной модальности в слухоречевую. Проверка этих предположений требует дополнительных исследований.

Также было обнаружено взаимодействие зрительной и мануальной асимметрии. Арифметические способности в меньшей степени связаны с особенностями межполушарной асимметрии. Однако здесь имеет значение сочетание результатов выполнения проб Розенбаха и «Поза Наполеона». Наибольшие арифметические способности отмечаются у лиц с отсутствием зрительной асимметрии, обладающих мануальным правшеством по пробе «Поза Наполеона». Хотя в целом по выборке мануальная асимметрия по модификации опросника М. Аннетт не связана с результатами выполнения теста МААГС-2015, при учете зрительной асимметрии наблюдается связь с результатами по шкале «Внимание». Мануальное правшество выступает положительным предиктором концентрации на выполнении заданий только у правоглазых.

В заключение выскажем наши предположения относительно межполушарной организации мозгового обеспечения математических способностей и сопоста-

вим их с полученными результатами. Развитие арифметических, алгебраических и геометрических способностей по-разному обуславливается биологическими и социально-педагогическими факторами. Арифметические способности проявляются еще в дошкольном возрасте и наиболее тесно связаны с особенностями развития мозга. Как известно, у боль-

шинство также опирается на пространственные представления, обеспечиваемые теменно-затылочными отделами правого полушария. Соотношение вклада вербально-символического кодирования и пространственных представлений в геометрическую деятельность варьирует в зависимости от учебной программы, предпочтений учителя и ученика.

Развитие арифметических, алгебраических и геометрических способностей по-разному обуславливается биологическими и социально-педагогическими факторами. Арифметические способности проявляются еще в дошкольном возрасте и наиболее тесно связаны с особенностями развития мозга

ных с поражением теменно-затылочных отделов левого полушария имеются выраженные трудности при решении арифметических задач. «Выполнение арифметических действий для них невозможно из-за первичной акалькулии» (Хомская, 2010, С. 292). Алгебраические действия в большинстве случаев начинают осваиваться после окончания начальной школы, а разделение школьной математики на алгебру и геометрию возникает с 7 класса. Оперирование формальным языком, лежащим в основе алгебраической деятельности, обеспечивается нижними премоторными отделами левого полушария. Интересные наблюдения были сделаны В.С. Рамачандром, исследовавшим больного с инсультом, произошедшим из-за тромба в средней мозговой артерии, нарушившего поступление крови к левому полушарию мозга (Рамачандран, 2012). У больного развилась эфферентная моторная афазия, однако он мог совершать в уме простые арифметические действия и хорошо понимал речь. До несчастного случая больной был хорошим математиком, но после инсульта оказался неспособен решать более сложные алгебраические задачи, требующие использования формальных правил искусственного языка. Ориентация традиционной системы на вербально-символическое кодирование информации приводит к тому, что алгебраические действия становятся центральным звеном математического мышления. Освоение геометрии во многом опирается на использование формального языка, а большинство геометрических задач могут быть решены алгебраическими средствами. Однако геометрическая

Наше исследование показало, что арифметические способности в наименьшей степени связаны с отдельными латеральными признаками моторных и сенсорных асимметрий. Между тем совпадение асимметрий в зрительной и слуховой сферах объясняет около четверти вариативности арифметических способностей. При анализе различных подходов к изучению математических способностей мы обсуждали, что одной из исходных функций математического мышления является оценка пространства, окружающего индивида (Хохлов, 2015). Можно предположить, что перекрестная латерализация сенсорных систем затрудняет соотнесение информации о внешнем мире, поступающей по разным каналам, и приводит к ухудшению вычислительных операций. Возможна и другая интерпретация: перекрестная латерализация и дискалькулия могут быть следствиями одной причины – ранних (пре- и перинатальных) повреждений центральной нервной системы, приводящих к минимальным мозговым дисфункциям. Наибольшие арифметические способности наблюдаются при одновременном наличии правосторонней асимметрии по пробе «Поза Наполеона» мозга и зрительной билатеральности. При этом, влияние слуховой асимметрии проявляется только при одновременном наличии левосторонней асимметрии по пробе «Поза Наполеона» и отсутствии асимметрии в зрительной сфере. Алгебраические способности связаны со зрительной и слуховой асимметриями. Кроме этого, определенную роль играет функциональная асимметрия лобных отделов мозга при

выполнении пробы «Поза Наполеона». Здесь проявляются выраженные эффекты взаимодействия асимметрий разных анализаторов. Более высокие алгебраические способности отмечаются при правосторонней асимметрии по пробе «Поза Наполеона», однако при левосторонней асимметрии определенную роль начинает играть слуховая латерализация. Похожая ситуация наблюдается при анализе взаимодействия зрительной и слуховой асимметрий. Преимущество в алгебраических способностях отмечается у лиц с отсутствием зрительной асимметрии, влияние же показателей слуховой латерализации проявляется только при наличии ведущего глаза. Заметим, что влияние слуховой латерализации возникает только при отсутствии благоприятного варианта асимметрии других анализаторов. По-видимому, при отсутствии мануального правшества по пробе «Поза Наполеона» и билатеральной организации зрительного восприятия реализация арифметических и алгебраических способностей в большей степени зависит от слухоречевых отделов. Это может отражать большую роль речевого опосредствования в ситуации недостаточного операционального обеспечения компонентов математических способностей со стороны других анализаторных систем. Геометрические способности, как и алгебраические, связаны со слуховой и зрительной асимметриями, однако эта связь менее выражена. Преимущество в геометрических способностях отмечается у лиц с ведущим правым глазом, а влияние показателей слуховой латерализации проявляется при всех вариантах зрительной асимметрии. Между тем, при зрительной билатеральности это влияние отрицательно. Здесь, по-видимому, проявляется эффект различного мозгового обеспечения вербально-символического кодирования и пространственных представлений.

Мы отдаем себе отчет в том, что некоторые закономерности могли быть не выявлены из-за недостаточного числа испытуемых на пересечении уровней независимых переменных. В ряде случаев значимость коэффициентов регрессии была близка к уровню тенденции, однако не достигала его. Многие закономерности были установлены

лишь на уровне тенденции. Их уточнение возможно при проведении дополнительных исследований с привлечением большего числа испытуемых.

Выводы

Проведенное исследование показало, что разные латеральные признаки являются значимыми предикторами для разных компонентов математических способностей. Наибольшую предсказательную способность имеют сенсорные асимметрии и их взаимодействие. В целом наиболее высокие математические способности отмечаются у лиц с правосторонними и билатеральными признаками, левосторонние признаки чаще всего выступают негативными предикторами.

Показано, что перекрестная латерализация, проявляющаяся в несовпадении асимметрий разных анализаторов, в большинстве случаев является негативным предиктором математических способностей. Однако у этого правила имеются отдельные исключения, которые требуют дополнительных исследований.

Взаимодействие между асимметриями в мануальной, слуховой и зритель-

ной сферах проявляется в неодинаковой связи с математическими способностями показателей латерализации в одной сфере при различных вариантах латерализации в другой. Наиболее выраженными являются следующие закономерности. Во-первых, у лиц с ведущим

Разные латеральные признаки являются значимыми предикторами для разных компонентов математических способностей. Наибольшую предсказательную способность имеют сенсорные асимметрии и их взаимодействие. В целом наиболее высокие математические способности отмечаются у лиц с правосторонними и билатеральными признаками, левосторонние признаки чаще всего выступают негативными предикторами

правым глазом слуховая асимметрия является положительным предиктором алгебраических, геометрических и математических способностей в целом. У лиц с отсутствием зрительной асимметрии также отмечается положительная связь слуховой асимметрии с арифметическими и отрицательная – с геометрическими способностями. Во-вторых, одновременное наличие билатеральности по зрению и правосторонней мануальной асимметрии (по пробе «Поза Наполеона») является значимым положительным предиктором математических способностей. В-третьих, слуховая латерализация играет определенную

роль в обеспечении арифметических и алгебраических способностей лишь при отсутствии благоприятной латерализации других анализаторных систем.

Модели, учитывающие взаимодействие между латеральными признаками, позволяют объяснить более четверти

вариативности компонентов математических способностей. Предсказательная способность этих моделей оказывается заметно выше, чем у моделей с отдельными предикторами (около десятой части дисперсии). Между тем даже самые хорошие модели объясняют примерно треть дисперсии. Очевидно, что межполушарные отношения при реализации познавательных функций являются лишь одним из факторов выраженности математических способностей в юношеском возрасте, однако их необходимо учитывать при изучении мозгового обеспечения математической деятельности.

Список литературы:

- Аршавский В.В. Различия, которые нас объединяют (Этюды о популяционных механизмах межполушарной асимметрии). – Рига: Педагогический Центр «Эксперимент», 2001. – 234 с.
- Ковязина М.С., Хохлов Н.А., Морозова Н.В. Влияние межанализаторного взаимодействия на показатели дихотического прослушивания // Вопросы психологии. – 2016. – № 3. – С. 110–118.
- Котик Б.С. Исследование латерализации речевых функций методом дихотического прослушивания // Психологические исследования. – 1974. – Вып. 6. – С. 69–76.
- Крутецкий В.А. Психология математических способностей школьников / под ред. Н.И. Чуприковой. – Москва: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. – 416 с.
- Лукьянчикова Ж.А. Межполушарная асимметрия и эмоциональные особенности математически одаренных подростков: дис. ... кандидата психологических наук. – Москва, 2006. – 185 с.
- Матова М.А. Леволатеральность сенсорных функций и познавательные способности подростков // Леворукость у детей и подростков. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1987. – С. 51–54.
- Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. – Москва: Смысл, 2011. – 367 с.
- Московичюте Л.И., Голод В.И. Повторное тестирование: изменение мозговой организации психических функций в процессе научения // Новые методы нейропсихологического исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Д. Хомская. – Москва: Ин-т психологии АН СССР, 1989. – С. 129–136.
- Николаева Е.И., Борисенкова Е.Ю. Сравнение разных способов оценки профиля функциональной сенсомоторной асимметрии у дошкольников // Асимметрия. – 2008. – Т. 2. – № 1. – С. 32–39.
- Николаева Е.И., Добрин А.В., Яворович К.Н. Эффективность латеральных показателей и профиля функциональной сенсомоторной асимметрии в прогнозе уровня психологических параметров // Функциональная межполушарная асимметрия и пластичность мозга: материалы Всероссийской конференции с международным участием / под ред. С.Н. Иллариошкина, В.Ф. Фокина. – Москва, 2012. – С. 139–142.
- Разумникова О.М. Мышление и функциональная асимметрия мозга. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2004. – 272 с.
- Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / под ред. К. Шипковой. – Москва: Карьера Пресс, 2012. – 422 с.

- Садовникова И.Н. Дисграфия, дислексия: технология преодоления : пособие для логопедов, учителей, психологов, студентов педагогических специальностей. – Москва : ПАРАДИГМА, 2011. – 279 с.
- Степанов В.Г. Мозг и эффективное развитие детей и взрослых: возраст, обучение, творчество, профориентация : учеб. пособие. – Москва : Академический Проект, 2013. – 315 с.
- Фомина Е.В. Функциональная асимметрия мозга и адаптация к экстремальным спортивным нагрузкам. – Омск : Изд-во СибГУФК, 2006. – 196 с.
- Хомская Е.Д. Нейропсихология : учебник для вузов. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 496 с.
- Хомская Е.Д., Ефимова И.В. К проблеме типологии индивидуальных профилей межполушарной асимметрии мозга // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1991. – № 4. – С. 42–47.
- Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В., Ениколопова Е.В. Нейропсихология индивидуальных различий: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – Москва : Академия, 2011. – 160 с.
- Хохлов Н.А. Функциональная асимметрия мозга и компоненты математических способностей у студенток вузов // Фундаментальные проблемы нейронаук. Функциональная асимметрия. Нейропластичность. Нейродегенерация : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. С.Н. Иллариошкина, В.Ф. Фокина. – Москва : Научный мир, 2014. – С. 389–396.
- Хохлов Н.А. Тест на математические (арифметические, алгебраические, геометрические) способности «МААГС-2015». – Москва : Генезис, 2015. – 80 с.
- Хохлов Н.А., Бурова А.-В.В. Модификация опросника М. Аннетт для оценки функциональной асимметрии: стандартизация и психометрические характеристики // Апробация. – 2014. – № 8 (23). – С. 65–73.
- Хохлов Н.А., Ковязина М.С. Проблема измерения межполушарной асимметрии в нейропсихологии и новый метод интегральной оценки функциональной латерализации мозга // Функциональная межполушарная асимметрия и пластичность мозга : материалы Всероссийской конференции с международным участием / под ред. С.Н. Иллариошкина, В.Ф. Фокина. – Москва, 2012. – С. 194–198.
- Хохлов Н.А., Ковязина М.С. Латеральные признаки, структурно-уровневые характеристики интеллекта и математические способности // Асимметрия. – 2013. – Т. 7. – № 3. – С. 32–52.
- Annett, M., & Kilshaw, D. (1982) Mathematical ability and lateral asymmetry. *Cortex*, Vol. 18 (46), 547-568. doi: 10.1016/S0010-9452(82)80053-1
- Aydarkin E.K., Fomina A.S. Neurophysiological mechanisms of complex arithmetic task solving // *Journal of Integrative Neuroscience*, 2013. V. 12 (1). P. 73-89. doi: 10.1142/S0219635213500088
- Khokhlov, N.A., Kovyazina, M.S. (2013) Methodical and methodological problems in the study of functional brain asymmetry in the modern neuropsychology. *Acta Neuropsychologica*. Vol. 11 (3), 269-278.
- Knops, A., & Willmes, K. (2014) Numerical ordering and symbolic arithmetic share frontal and parietal circuits in the right hemisphere. *NeuroImage*, Vol. 84, 786-795. doi: 10.1016/j.neuroimage.2013.09.037
- Kovyazina, M.S., Khokhlov, N.A., & Morozova, N.V. (2015) The connection of hemispheric activity in the field of audioverbal perception and the progressive lateralization of speech and motor processes. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 8 (4), 72-82. doi: 10.11621/pir.2015.0406
- Rickard, T.C., Romero, S.G., Basso, G., Wharton, C., Flitman, S., & Grafman, J. (2000) The calculating brain: an fMRI study. *Neuropsychologia*. Vol. 38 (3), 325-335.
- Sakano, N. (1982) Latent left-handedness. Its relation to hemispheric and psychological functions. Jena: Gustav Fischer Verlag, 122.14. doi: 10.1016/S0028-3932(99)00068-8

References:

- Annett, M., & Kilshaw, D. (1982) Mathematical ability and lateral asymmetry. *Cortex*, Vol. 18 (46), 547-568. doi: 10.1016/S0010-9452(82)80053-1
- Arshavskiy, V.V. (2001) The differences that unite us (Studies of population mechanisms of asymmetry). Riga, Pedagogicheskiy tsentr Eksperiment, 234.
- Aydarkin, E.K., & Fomina, A.S. (2013) Neurophysiological mechanisms of complex arithmetic task solving. *Journal of Integrative Neuroscience*. Vol. 12 (1), 73-89. doi: 10.1142/S0219635213500088
- Fomina, E.V. (2006) Functional brain asymmetry and adaptation to extreme sports loads. Omsk, Izdatel'stvo SibGUFK, 196.
- Khomskaia, E.D. (2010) Neuropsychology: A Textbook for high schools. 4th ed. SPb, Piter, 496.
- Khomskaia, E.D., & Efimova, I.V. (1991) On the typology of individual profiles of asymmetry of the brain. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. *Psikhologiya*, 4, 42-47.
- Khomskaia, E.D., Efimova, I.V., Budyka, E.V., & Yenikolopov, E.V. (2011) Neuropsychology of individual differences: manual for higher school. Moscow, Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 160.
- Khokhlov, N.A. (2014) Functional brain asymmetry and components of mathematical abilities in higher school female students. [*Fundamental'nye problemy neyronauk. Funktsional'naya asimmetriya. Neyroplastichnost'. Neyrodegeneratsiya (Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem)*]. (Eds.) S.N. Illarioshkin, & V.F. Fokin. Moscow, Nauchnyy Mir, 389-396.
- Khokhlov, N.A. (2015) MAAGS-2015 math capacity test (arithmetic, algebraic, geometric abilities). Moscow, Genesis, 80.
- Khokhlov, N.A., & Burova, A.-V.V. (2014) Modification of Annette M. questionnaire to assess functional asymmetry: standardization and psychometric characteristics. [*Aprobatsiya*]. 8 (23), 65-73.
- Khokhlov, N.A., & Kovyazina, M.S. (2012) The issue of measurement of asymmetry in neuropsychology and a new method for integrated evaluation of functional brain lateralization [*Funktsional'naya mezhpolutsharnaya asimmetriya i plastichnost' mozga (materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem)*]. (Eds.) S.N. Illarioshkin, & V.F. Fokin. Moscow, 194-198.
- Khokhlov, N.A., & Kovyazina, M.S. (2013) Lateral signs of structural-level characteristics of intelligence and mathematical ability. [*Asimmetriya*]. Vol. 7. 3, 32-52.

- Khokhlov, N.A., Kovyazina, M.S. (2013) Methodical and methodological problems in the study of functional brain asymmetry in the modern neuropsychology. *Acta Neuropsychologica*. Vol. 11 (3), 269-278.
- Knops, A., & Willmes, K. (2014) Numerical ordering and symbolic arithmetic share frontal and parietal circuits in the right hemisphere. *NeuroImage*, Vol. 84, 786-795. doi: 10.1016/j.neuroimage.2013.09.037
- Kovyazina, M.S., Khokhlov, N.A., & Morozova, N.V. (2015) The connection of hemispheric activity in the field of audioverbal perception and the progressive lateralization of speech and motor processes. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 8 (4), 72-82. doi: 10.11621/pir.2015.0406
- Kovyazina, M.S., Khokhlov, N.A., & Morozov, N.V. (2016) Influence mezhanalizatornogo interaction on dichotic listening performance. [*Voprosy psikhologii*]. 3, 110-118.
- Kotik, B.S. (1974) The study of speech functions lateralization by dichotic listening. [*Psikhologicheskie issledovaniya*]. Vol. 6. Moscow, MGU, 69-76.
- Krutetskiy, V.A. (1998) Psychology of mathematical abilities in schoolboys. Moscow, Izdatel'stvo "Institut prakticheskoy psikhologii", Voronezh, Izdatel'stvo NPO «MODEK», 416.
- Lukyanchikova, Zh.A. (2006) Hemispheric asymmetry and emotional features of mathematically gifted adolescents: Ph.D. in psychology. 19.00.04. Moscow, 185.
- Matova, M.A. (1987) Left lateral sensorimotor functions and cognitive abilities of adolescents. [*Levorukost' u detey i podrostkov*]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo RGU, 51-54
- Moskvin, V.A., & Moskvina, N.V. (2011) Hemispheric asymmetry and individual differences of human being. Moscow, Smysl, 367.
- Moskovichyute, L.I., & Golod, V.I. (1989) Re-testing: changes in brain organization of mental functions in the process of learning. [*Novye metody neyropsikhologicheskogo issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov*]. Moscow, Institut Psikhologii, Akademiya Nauk SSSR, 129-136.
- Nikolaeva, E.I., & Borisenkova, E.Yu. (2008) Comparison of different methods of evaluating the functional profile of sensorimotor asymmetry in preschoolers. [*Asimetriya*]. Vol. 2. 1, 32-39.
- Nikolayeva, E.I., Dobrin, A.V., & Yavorovich, K.N. (2012) The efficiency of lateral performance and functional profile of sensorimotor asymmetry in forecasting the psychological parameters level. [*Funktsional'naya mezhpolusharnaya asimetriya i plastichnost' mozga (materialy Vserossiiskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem)*]. (Eds.) S.N. Illarionov, & V.F. Fokin. Moscow, 139-142.
- Razumnikova, O.M. (2004) Thinking and functional asymmetry of the brain. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAMN, 272.
- Ramachandran, V.S. (2012) Brain says. What makes us human. Moscow, Kareiera Press, 422.
- Rickard, T.C., Romero, S.G., Basso, G., Wharton, C., Flitman, S., & Grafman, J. (2000) The calculating brain: an fMRI study. *Neuropsychologia*. Vol. 38 (3), 325-335. doi: 10.1016/S0028-3932(99)00068-8
- Sadovnikov, I.N. (2011) Dysgraphia, dyslexia: the technology to overcome: a guide for speech therapists, teachers, psychologists, students who major in teaching. Moscow, PARADIGMA, 279.
- Sakano, N. (1982) Latent left-handedness. Its relation to hemispheric and psychological functions. Jena: Gustav Fischer Verlag, 122.14.
- Stepanov, V.G. The brain and the effective development of children and adults: age, education, work, career guidance: manual. Moscow, Akademiya.

Ассоциация рецептора к дофамину второго типа (DRD2) с развитием утомления в результате длительной когнитивной нагрузки

И.С. Поликанова

Министерство образования и науки Российской Федерации, Москва, Россия

А.В. Коршунов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

С.В. Леонов, А.Н. Веракса

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 17 августа 2016/ Принята к публикации: 2 сентября 2016

Association to dopamine receptor D2 (DRD2) with developing fatigue as a result of long-term cognitive load

Irina S. Polikanova*

Ministry of education of Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey V. Korshunov

Moscow pedagogical state university, Moscow, Russia

Sergey V. Leonov, Aleksander N. Veraksa

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: irinapolikanova@mail.ru

Received August 17, 2016 / Accepted for publication: September 2, 2016

Данное исследование посвящено изучению влияния длительной когнитивной нагрузки на развитие утомления по комплексу субъективных (тест САН), поведенческих (время реакции) и электрофизиологических (индивидуальный альфа-ритм (ИАР), индекс утомления (ИУ)) параметров у носителей различных полиморфизмов гена DRD2. Умственное утомление моделировалось с помощью непрерывного решения испытуемым когнитивных заданий, направленных на использование внимания и рабочей памяти, в течение 2,5 часов. В данном исследовании приняли участие 51 испытуемый (мужчины-правши, средний возраст – 20 ± 4 лет). Для данных испытуемых был проведен генетический анализ и определены варианты полиморфизма Taq1A гена DRD2 (A1A1, A1A2 и A2A2). Как показывают результаты исследования, такая нагрузка значимо отражается практически на всем комплексе показателей. Обнаружены значимые различия между носителями полиморфизмов A1A1 и A1A2 и полиморфизма A2A2 гена DRD2 в реакции выбора, а также по индексу утомления, отражающему отношение медленных ритмов мозга к быстрым. Полученные результаты свидетельствуют о положительной роли дофамина в развитии утомления. Группа носителей полиморфизма A2A2 («A1»), который, как мы предполагали, будет показывать меньшее развитие утомления, характеризуется в ПЗМР и РВ значимо более медленным временем реакции и до и после длительной когнитивной нагрузки, по сравнению с носителями полиморфизмов A1A1 и A1A2 («A1+»). Стоит отметить, что динамика увеличения ошибок у всех полиморфизмов одинакова и по количеству ошибок генотипы не различаются ни до, ни после утомления. При этом направленность динамики изменения времени реакции после утомления у всех полиморфизмов примерно одинакова. Это означает, что полиморфизмы различаются в ПЗМР и РВ не динамикой развития утомления, а физиологической предрасположенностью к сенсорной обработке информации.

Ключевые слова: утомление, когнитивная нагрузка, ЭЭГ, индивидуальный альфа ритм, индекс утомления, спектральные характеристики, дофамин.

This research studies the effect of long-term cognitive load on developing fatigue on a range of subjective, behavioural (reaction time) and electrophysiological (individual alpha rhythm), fatigue index parameters in carriers of various polymorphisms of DRD2 genes. Mental fatigue was modeled as a result of continuous cognitive tasks aimed at using attention and working memory for 2.5 hours. The sample included 51 subjects (male right-handers, the average age – 20 ± 4 years) whose genetic analysis was conducted and polymorphism options of DRD2 gene Taq1A (A1A1, A1A2 and A2A2) were identified. The research results show that such load significantly affects almost the entire complex of indicators. Significant differences were found between the polymorphisms carriers A1A1 and A1A2 and A2A2 of DRD2 gene polymorphism in the reaction of choice, and also in fatigue index, which reflects the ratio of slow brain rhythms to fast. The results show the positive role of dopamine in developing fatigue. Group of A2A2 («A1») polymorphism carriers was assumed to show lower fatigue, characterized in SVMR and PB significantly slower reaction time, and before and after long-term cognitive load, compared with carriers of polymorphisms A1A1 and A1A2 («A1+»). Notably, the dynamics of error increase within all polymorphisms is the same, and genotype number of errors does not vary before or after fatigue. The dynamics of reaction time after the exhaustion of all SNPs is approximately the same. This means that polymorphisms are different not only in dynamics of fatigue but physical predisposition to sensory information processing.

Keywords: fatigue, cognitive load, EEG, individual alpha rhythm, fatigue index, spectral characteristics, dopamine.

В многочисленных исследованиях (Newsholme, 1992, 1995; Davis, 1997, 2000; Salamone et al, 1999, 2010a, 2010b; Blomstrand, 2001; Nieoullon, 2002; Lorist et al, 2005; Fernstrom, 2006; Meeusen R, 2007; Gosso, 2008; Foley et al, 2008; Malyuchenko N et al., 2009; Bolton, 2010; Barnes, 2011; Polikanova I.S. et al, 2012; Khaustova et al, 2010; Shkurnikov et al, 2008; Зинченко и др., 2011) была показана связь между утомлением и уровнем концентрации определенных нейромеди-

аторов, преимущественно с дофамином и серотонином. Определенный уровень концентрации данных нейромедиаторов зависит от наличия тех или иных полиморфизмов, связанных с транспортировкой, удалением этих нейромедиаторов, а также с плотностью рецепторов для них.

Многие ученые сходятся в том, что дофаминергическая система играет важную роль в формировании когнитивной сферы человека. В настоящее время проводится все больше научных иссле-

дований, посвященных изучению генетических основ поведения, важную роль в котором играет дофаминергическая система мозга. Перспективными кандидатами для изучения генетической природы поведения являются гены, кодирующие ключевые белки, участвующие в передаче дофаминергического сигнала, синтезе дофамина, его высвобождения в синаптическую щель. Исследования последних лет показали, что в мозге млекопитающих обнаружено несколько

Ирина Сергеевна Поликанова –

кандидат психологических наук, Министерство образования и науки Российской Федерации.

E-mail: irinapolikanova@mail.ru

Алексей Владимирович Коршунов –

кандидат социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета.

E-mail: av.korshunov@mpgu.edu

Сергей Владимирович Леонов –

кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: svleonov@gmail.com

Александр Николаевич Веракса –

доктор психологических наук, доцент факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: veraksa@yandex.ru

Многие ученые сходятся в том, что дофаминергическая система играет важную роль в формировании когнитивной сферы человека. В настоящее время проводится все больше научных исследований, посвященных изучению генетических основ поведения, важную роль в котором играет дофаминергическая система мозга. Перспективными кандидатами для изучения генетической природы поведения являются гены, кодирующие ключевые белки, участвующие в передаче дофаминергического сигнала, синтезе дофамина, его высвобождения в синаптическую щель

типов дофаминергических рецепторов. Основными типами дофаминовых рецепторов являются D1- и D2-рецепторы. Недавно были открыты также рецепторы D3, D4 и D5. Рецепторы дофамина локализованы как на пре-, так и на постсинаптической мембране. Предполагается, что пресинаптические ауторецепторы, принадлежащие к D2 и D3 подтипу, могут находиться на соме, дендритах и нервных терминалях. Они принимают участие в регуляции процессов синтеза и высвобождения дофамина во внеклеточное пространство. Для постсинаптических (D1, D4, D5) рецепторов характерна локализация не только в области синаптического контакта, но и в значительном удалении от нее, что говорит о возможном действии медиатора вне синаптических терминалий.

Рецептор дофамина второго типа (DRD2, D2-рецептор) относится к ау-

торецепторам, принимающим участие в регуляции процессов синтеза и высвобождения дофамина во внеклеточное пространство. Стимуляция D2-рецепторов приводит к торможению передачи нервного импульса в симпатических ганглиях, снижению выделения дофамина и норадреналина из симпатических окончаний. D2-рецептор ингибирует аденилатциклазу и Са-канал, но активирует К-канал. D2-подобные рецепторы преобладают в стриатуме – хвостатом ядре и скорлупе, но имеются также в поясной извилине и коре островка (Joose, 1986).

Одним из наиболее хорошо изученных полиморфизмов гена DRD2 является полиморфизм Taq1A. Он определяет плотность рецепторов дофамина второго типа в синаптической щели. У носителей аллеля A1 наблюдается 30-40% уменьшения плотности этих рецепторов, по сравнению с плотностью рецепторов у носителей генотипа A2A2. Аллель A1 встречается в популяции россиян с частотой 0,172, а аллель A2 – 0,828 (Kidd, 1998).

В нескольких работах было показано, что аллель A1 ассоциирован со снижением уровня дофамина в ЦНС. Также известно, что наличие аллеля A1 ведет к снижению сродства рецепторов к дофамину (Ritchie, 2003) и к уменьшению плотности дофаминовых рецепторов второго типа в стриатуме (Thompson, 1997). Считается, что стриатум является структурой принятия решения на уровне поведенческих реакций и одним из отделов головного мозга, отвечающих за регуляцию адаптивного поведения.

Рецептор D2 был исследован на предмет ассоциации с чертами характера. Цай и соавторы обнаружили ассоциацию аллеля A1 с высоким уровнем интеллекта у женщин (Tsai, 2002). Исследования зависимости полиморфизма Taq1A от такой черты поведения, как креативность, показали, что носители аллеля A1 обладают повышенным уровнем индекса вербальной и общей креативности (Reuter, 2006). Посредством TPQ опросника было показано, что у носителей аллеля A1 наблюдаются повышенные показатели по шкале “поиска новизны” (Kaasinen, 2004).

Исследования в области психофизиологии утомления показывают, что различные показатели ЭЭГ коррелируют с параметрами утомления. К таким по-

казателям ЭЭГ можно отнести увеличение мощностей медленных ритмов (тета и альфа-ритмов), индивидуальный альфа-ритм, индекс утомления. Многие исследования показывают общие тенденции в динамике различных параметров (субъективных, поведенческих, электрофизиологических) в условиях длительных когнитивных нагрузок. Особенности сдвигов, как правило, связаны со специфичностью выполняемых заданий. Так, многочисленные исследования показывают, что альфа-ритм хорошо видно в состоянии физического и умственного расслабления (Goljahani, 2012). На ЭЭГ, зарегистрированной в спокойном состоянии, обычно хорошо заметен отдельный пик на частоте альфа ритма (8-14 Hz). Данный параметр имеет высокую интраиндивидуальную стабильность (Binni, 2003; Fernandez, 1993), а также достаточно сильную вариацию между отдельными людьми и изменчивость с возрастом (Klimesh, 1999) в исследовании Питерсона было показано, что у взрослого человека среднее значение индивидуального альфа пика составляет 10,2+/-0,9 Гц (Peterson, 1971). В целом ряде исследований показано, что альфа пик характеризуется увеличением с детства до пубертата (Epstein, 1980). У взрослых людей, наоборот, альфа пик характеризуется уменьшением с возрастом – с 20 до 70 лет его частота уменьшается в среднем с 10,89 Гц до 8,24 Гц (Klimesh, 1997).

Различные исследования показывают, что пик альфа ритма положительно коррелирует с успешностью выполнения когнитивных функций таких, как внимание, память, скоростью протекания информационных процессов (Angealakis, 2004; Klimesh, 1999). Частота индивидуального альфа ритма возрастает больше в правом полушарии при выполнении зрительных заданий и больше в левом при выполнении арифметических заданий (Angealakis, 2004). Климеш показал, что испытуемые со сниженными мнестическими способностями характеризуются снижением пика альфа ритма во время выполнения заданий на память, а испытуемые с высокими мнестическими способностями характеризуются стабильностью пика альфа ритма в различных условиях (Klimesh, 1993). Также Климеш показал, что испытуемые с высокими мнестическими способностями и высокой скоростью обработки

информации характеризуются частотой альфа пика в среднем на 1 Гц большей по сравнению с контрольной группой (Klimesh, 1996, 1997). Предыдущие исследования выявили, что целый ряд психических заболеваний также связан со снижением частоты индивидуального альфа пика – болезнь Альцгеймера, шизофрения, синдром хронического усталости, полусарный инсульт (Angealakis, 2004).

Интересным параметром для диагностики сдвигов функционального состояния является так называемый индекс утомления (ИУ), отражающий отношения ритмов ЭЭГ. Ученые исследовали несколько таких индексов, показывающих отношения различных ритмов. Ченг с соавторами исследовали также эффективность использования различных алгоритмов, отражающих соотношение мощностей ритмов ЭЭГ, для определения состояния утомления. В своем исследовании они использовали 3 индекса: тета/альфа, бета/альфа, (альфа+тета)/бета. В ходе эксперимента было показано, что лучшие результаты по детекции утомления были получены с помощью индекса (альфа+тета)/бета (Cheng, 2011). Джап с соавторами также исследовали различные алгоритмы вычисления индекса утомления: ((тета+альфа)/бета, альфа/бета, (альфа+тета)/(альфа+бета), тета/бета) (Jap, 2009). Они, также как и Ченг, продемонстрировали, что алгоритм (тета+альфа)/бета имеет наибольшее увеличение после длительной когнитивной нагрузки и является наиболее чувствительным к изменениям функционального состояния по сравнению с остальными. Джап выявил, что данный индекс наиболее сильно увеличивается в центральных, теменных и височных областях при закрытых глазах и в теменных и височных областях при открытых глазах. Также Джап показал увеличение дельта и тета активности во фронтальных, центральных и теменных регионах (Jap, 2009).

Гипотеза исследования

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что носители полиморфизма A2A2 гена DRD2 характеризуются меньшим развитием утомления в условиях длительной ког-

нитивной нагрузки по сравнению с носителями А1 аллеля (А1А1 и А1А2 полиморфизмы) по комплексу параметров (субъективных, поведенческих и электрофизиологических).

Методика исследования

Испытуемые и методики

В данном исследовании приняли участие 51 испытуемый (мужчины-правши, средний возраст – 20 ± 4 лет). Для данных испытуемых был проведен генетический анализ и определены варианты полиморфизма Таq1А гена DRD2 (А1А1, А1А2 и А2А2). Схема эксперимента состояла из двух одинаковых блоков длительностью около 35 минут, разделенных серией различных когнитивных заданий, направленных в основном на использование внимания и рабочей памяти, длительностью около 2–2,5 часов. Каждый из двух блоков состоял из трех этапов: 1. Заполнение психологического опросника САН (методика диагностики Самочувствия, Активности и Настроения); 2. Выполнение тестов на время реакции; 3. Запись ЭЭГ.

Методика САН заполнялась на компьютере непосредственно перед выполнением основных серий эксперимента (заданий на время реакции и записи ЭЭГ). В исследовании использовались три вида заданий на время реакции: простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР), реакция выбора (РВ) и максимальный теппинг (МТ). В серии с ПЗМР от испытуемого требовалось как можно быстрее нажимать на «кнопку 1» при появлении красного крестика в центре экрана. В серии с РВ испытуемый должен был, при появлении красного крестика в центре экрана, нажимать также на «кнопку 1», а при предъявлении зеленого крестика – «кнопку 2». В серии с МТ испытуемый должен был нажимать «кнопку 1» с максимально возможной скоростью в течение одной минуты.

Стимульный материал

Для предъявления стимульного материала использовалась программа E-prime (версия 1.2). Стимулы предъявлялись на мониторе фирмы Dell с разрешением экрана 1280×1024 пикселей. Все стимулы предъявлялись на черном

фоне. Фиксационная точка находилась в центре экрана в виде белого крестика (Courier New, размер 18).

Для ПЗМР и РВ заданий длительность фиксационной точки и стимула находилась в промежутке между 500–1500 мс. В ПЗМР стимулом служил красный крестик в центре экрана (Courier New, размер 72). В РВ стимулом был красный крестик (Courier New, размер 72) и зеленый крестик (Courier New, размер 72), которые предъявлялись в случайной последовательности. В обоих заданиях перед выполнением основной серии, испытуемые выполняли тренировочную серию из 10 стимулов. Основная серия же состояла из 70 стимулов. При анализе данных учитывались стимулы только из основной серии. В максимальном теппинге испытуемые нажимали на кнопку в течение 60 секунд. Через 60 секунд выполнение задачи автоматически останавливалось.

Запись ЭЭГ

Запись ЭЭГ в данном исследовании проводилась дважды: первый раз до когнитивной нагрузки, второй раз – после. Запись ЭЭГ проводилась с помощью 256-канального электроэнцефалографа фирмы EGI Electrical Geodesics с частотой оцифровки 500 Гц и референтом в вертексе. Фоновая ЭЭГ состояла из двух периодов записи – 1 минуты с закрытыми глазами и 1 минуты с открытыми глазами. После записи ЭЭГ проводился ремонт и фильтрация в полосе от 1 до 150 Гц и удалением 50 Гц наводки от сети. Каждая запись ЭЭГ была автоматически просканирована на наличие артефактов. Участки ЭЭГ с амплитудой более 200 мкВ в пределах окна в 640 мс отмечались как плохой канал, участки с амплитудой более 140 мкВ рассматривались как двигательный артефакт, а более 55 мкВ – как зрительный артефакт (Net Station software).

Анализ данных

Для статистического анализа данных использовались пакет Statistica 8 (для Windows, V 8.0, StatSoft), а также пакет MatLab (версия R2007b). Статистические методы ANOVA и Т-тест для зависимых выборок были использованы для анализа влияния длительной когнитивной нагрузки на время реакции и субъективное состояние.

Для различных экспериментальных заданий (ПЗМР, РВ, МТ) и психологического опросника САН были вычислены средние значения и стандартные отклонения. Для реакции выбора, также было вычислено количество ошибок.

Для анализа ЭЭГ использовались отрезки фоновой ЭЭГ длительностью 20 секунд с наименьшим содержанием артефактов, зарегистрированные в состояниях с закрытыми и открытыми глазами. На основе данных ЭЭГ были рассчитаны частота индивидуального альфа ритма (ИАР) и индекс утомления (ИУ). Индивидуальный альфа ритм рассчитывался как частота, на которой наблюдается максимальная мощность альфа ритма в диапазоне от 7 до 14 Гц. Подсчет индивидуального альфа ритма проводился с помощью программы MatLab. Индекс утомления был рассчитан как отношение суммы мощностей медленных ритмов (альфа и тета ритмов) к мощности быстрого ритма (бета): $ИУ = (\text{альфа} + \text{тета}) / (\text{бета})$ (Jap et al, 2009, Cheng, 2011).

Генетический анализ.

Методика генотипирования DRD2

Проводили полимеразную цепную реакцию (ПЦР). Полиморфизм определяли по длине продуктов после рестрикции. ДНК выделяли из 100 мкл цельной крови с помощью наборов «ДНК-сорб Б» производства ЦНИИЭ (Россия). Реакцию проводили в объеме 25 мкл. Стандартная реакционная смесь включала: 67 мМ Трис-НСl (рН 8,4), 16 мМ сульфата аммония, 2,5 мМ MgCl₂, 0,125 мг/мл бычьего сывороточного альбумина, 8% глицерин, 0,001% ксиленцианол, 2,5 Ед Таq-ДНК-полимеразы (ЦНИИЭ, Россия), 0,2 мМ каждого из четырех дезоксирибонуклеозидтрифосфатов и по 8 пмоль праймеров. При постановке ПЦР обязательно использовали технику «горячий старт», который обеспечивался разделением нуклеотидов с праймерами и Таq-полимеразы прослойкой воска.

Для ПЦР-амплификации использовали следующие праймеры, фланкирующие полиморфный участок гена DRD2 (Farde L., Gustavsson J.P., Jonsson E., 2007).

5'-CCGTCGACCCTTCCTGAGTGCAT
CA-3' прямой

5'-CCGTCGACGGCTGGCCAAGTTGTC
TA-3' обратный

Ожидаемая длина продукта амплификации 310 п.о. для обоих аллелей. ПЦР проводили по следующей программе в амплификаторе Терцик (ДНК-технология):

94°C – 4 минут – 1 цикл;

94°C – 30 сек., 58°C – 30 сек., 72°C – 30 сек.; всего 35 циклов;

72°C – 5 мин – 1 цикл;

Хранение: +10°C.

Затем к 7,5 мкл каждого образца добавляли определенное количество рестриктазы Taq I, эквивалентное 5 единицам активности фермента и проводили рестриктирование амплифицированных продуктов в течение 22 часов при 65°C в суховоздушном термостате.

Мутантный аллель A1 не расщепляется. A2 аллель (дикий тип) расщепляется на продукты длиной 130 и 180 п.о.

Детекцию продуктов проводили с помощью электрофореза в 3% агарозном геле. Гель готовили на TAE-буфере (0,1 M трис, 0,1 M уксусная кислота, 2 mM ЭДТА, pH 8,3) с добавлением бромистого этидия до конечной концентрации 0,00001%. Электрофорез проходил с охлаждением при напряжении 100 V в течение 1 часа. Результат детектировали на трансиллюминаторе TCP 15M (Vilber Lourmat) с помощью системы видеодетекции «DNA Analyzer».

Результаты

По данным генетического анализа в данной выборке по гену DRD2 были выделены следующие группы: наличие полиморфизма A1A1 – 1 человек, A1A2 – 14 человек, A2A2 – 36 человек. Носители полиморфизмов A1A1 и A1A2 были объединены в одну группу «A1+» на основе литературных данных, которые показывают, что наличие аллеля A1 приводит к уменьшению плотности рецепторов дофамина в синаптической щели на 30-40%, по сравнению с плотностью рецепторов у носителей генотипа A2A2, которые были объединены в группу «A1-».

Субъективные показатели

Методика САН

Статистический анализ показал, что в состоянии утомления, вызванном дли-

тельной когнитивной нагрузкой, происходит значимое снижение субъективных ощущений по шкалам Самочувствие, Активность и общему баллу (таблица 1). При этом значимых различий между группами «A1-» и «A1+» не наблюдается. Полученные результаты говорят о том, что на субъективном уровне все испытуемые испытывали некоторое утомление после прохождения эксперимента, но значимых различий у носителей разных полиморфизмов не наблюдалось.

Поведенческие показатели

Простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР)

Статистический анализ ANOVA показал, что в целом наблюдается значительное снижение скорости в состоянии утомления, вызванном длительной когнитивной нагрузкой ($F(1,47)=6,479$; $p<0,01$). Также результаты исследования продемонстрировали, что две группы носителей полиморфизмов «A1+» и «A1-» значимо различаются между собой: $F(1,47)=6,960$; $p<0,01$. Группа «A1-» характеризуется значимо более высокой скоростью реакции, по сравнению с группой «A1+».

Таблица 1. Методика САН (ген DRD2)

	Самочувствие	Активность	Настроение	Общий балл
A1+	5,4/4,4**	5,1/4**	5,4/5,2	5,3/4,5**
A1-	5,5/4,7**	5/4,3**	5,4/5,2	5,3/4,8**

До утомления/после утомления, шкала: 1-7 баллов

Table 1. HAM Method (DRD2)

	Health	Activity	Mood	Total
A1+	5,4/4,4**	5,1/4**	5,4/5,2	5,3/4,5**
A1-	5,5/4,7**	5/4,3**	5,4/5,2	5,3/4,8**

Before/After Fatigue, Scale: 1-7 points

Таблица 2. Простая зрительно-моторная реакция

DRD2	До утомления, мс (ст.откл.)	После утомления, мс (ст.откл.)
A1+	221,9 (16,4)	227,6 (14,4)
A1-	232,3 (21,1)	243,6 (30)*

*значимые изменения ($p\leq 0,05$)

Table 2. Common Hand-Eye Response

DRD2	Before Fatigue, ms (st.dev.)	After Fatigue, ms (st.dev.)
A1+	221,9 (16,4)	227,6 (14,4)
A1-	232,3 (21,1)	243,6 (30)*

*Significant changes ($p\leq 0,05$)

Таблица 3. Реакция выбора

	Время реакции, мс		ОШИБКИ
	До утомления	После утомления	До утомления
DRD2			
A1+	400,2 (43,9)	377,9 (44,9)**	6,1
A1-	430,1 (60,1)	413,6 (59,5)*	6,1

*значимые изменения ($p \leq 0,05$);

** значимые изменения ($p \leq 0,01$)

Table 3. Choice Reaction

	Response Time, ms		Errors
	Before Fatigue	After Fatigue	Before Fatigue
DRD2			
A1+	400,2 (43,9)	377,9 (44,9)**	6,1
A1-	430,1 (60,1)	413,6 (59,5)*	6,1

* Significant changes ($p \leq 0,05$);

** significant changes ($p \leq 0,01$)

Таблица 4. Максимальный тейпинг

DRD2	До утомления, мс	После утомления, мс
A1+	170(16)	175(12)
A1-	175(18)	172(19)

Table 4. Maximum Tapping

DRD2	Before Fatigue, ms	Before Fatigue, ms
A1+	170(16)	175(12)
A1-	175(18)	172(19)

Таблица 5. ИАП до и после утомления у гена DRD2

Области мозга	ИАП, Гц/ст.откл.			
	«A1+» группа		«A1-» группа	
	До утомления	После утомления	До утомления	После утомления
Лобная левая	10,10 (0,88)	9,53 (1,02)*	9,63 (0,96)	9,69 (1,01)
Лобная правая	10,06 (0,87)	9,43 (1,06)*	9,77 (0,96)	9,72 (1,08)
Центральная левая	9,84 (0,70)	9,45 (1,10)	9,75 (0,98)	9,77 (1,10)
Центральная правая	9,77 (0,79)	9,30 (1,07)*	9,73 (1,03)	9,68 (1,03)
Теменная левая	9,89 (0,85)	9,68 (0,97)	9,96 (0,99)	10,04 (1,04)
Теменная правая	10,23 (0,43)	9,73 (0,74)	10,10 (1,02)	10,01 (0,99)
Височная левая	9,96 (0,92)	9,69 (1,14)*	9,81 (0,95)	9,73 (0,96)
Височная правая	10,18 (0,51)	9,60 (0,91)*	9,89 (0,93)	9,80 (0,96)
Затылочная левая	10,14 (0,82)	9,57 (0,77)*	9,97 (1,05)	9,90 (0,97)
Затылочная правая	10,35 (0,53)	9,69 (0,70)*	10,01 (0,98)	9,90 (0,90)

*значимые изменения ($p \leq 0,05$);

** значимые изменения ($p \leq 0,01$)

Table 5. Index alpha frequency (IAF) Before/After Fatigue in DRD2

Brain Parts	(IAF, Hz/ st.dev.)			
	«A1+» Group		«A1-» группа	
	Before Fatigue	After Fatigue	Before Fatigue	After Fatigue
Left Lobe	10,10 (0,88)	9,53 (1,02)*	9,63 (0,96)	9,69 (1,01)
Right Lobe	10,06 (0,87)	9,43 (1,06)*	9,77 (0,96)	9,72 (1,08)
Central Left Lobe	9,84 (0,70)	9,45 (1,10)	9,75 (0,98)	9,77 (1,10)
Central Right Lobe	9,77 (0,79)	9,30 (1,07)*	9,73 (1,03)	9,68 (1,03)
Parietal Left Lobe	9,89 (0,85)	9,68 (0,97)	9,96 (0,99)	10,04 (1,04)
Parietal Right Lobe	10,23 (0,43)	9,73 (0,74)	10,10 (1,02)	10,01 (0,99)
Temporal Left Lobe	9,96 (0,92)	9,69 (1,14)*	9,81 (0,95)	9,73 (0,96)
Temporal Right Lobe	10,18 (0,51)	9,60 (0,91)*	9,89 (0,93)	9,80 (0,96)
Occipital Left Lobe	10,14 (0,82)	9,57 (0,77)*	9,97 (1,05)	9,90 (0,97)
Occipital Right Lobe	10,35 (0,53)	9,69 (0,70)*	10,01 (0,98)	9,90 (0,90)

* significant changes ($p \leq 0,05$);

** significant changes ($p \leq 0,01$)

у носителей A2A2 полиморфизма ИАП не уменьшается, а у носителей A1 аллеля – наблюдается значимое уменьшение ИАП в обоих полушариях ($F(1,11)=7,678$; $p < 0,02$).

В таблице 5 представлены показатели средних значений ИАП со стандартными отклонениями для обеих групп «A1+» и «A1-» до и после утомления. Группа «A1-» характеризуется в целом большим значением ИАП, по сравнению с носителями «A1+». Результаты Т-теста показали, что после когнитивной нагрузки значимых изменений по показателю ИАП у группы «A1-» не наблюдается, а вот группа «A1+» характеризуется значимым снижением частоты ИАП во фронтальной, теменной, затылочной областях, а также в среднем по всему скальпу.

Индекс утомления

В таблице 6 показаны средние значения параметра индекс утомления (ИУ) со стандартными отклонениями для

Таблица 6. Индекс утомления до и после утомления у гена DRD2

Области мозга	ИАР, Гц/ст.откл.			
	«A1+» группа		«A1-» группа	
	До утомления	После утомления	До утомления	После утомления
Лобная левая	3,72 (2,32)	4,18 (2,82)	4,65 (3,00)	5,18 (3,15)
Лобная правая	6,31 (2,84)	7,12 (3,32)*	7,27 (2,65)	7,77 (2,46)
Центральная левая	2,66 (1,40)	3,27 (1,72)	3,59 (2,81)	4,36 (2,45)
Центральная правая	2,78 (1,34)	4,16 (2,58)**	3,62 (2,95)	4,97 (2,57)**
Теменная левая	3,37 (2,91)	4,42 (3,41)	3,66 (3,09)	5,31 (3,04)**
Теменная правая	4,58 (4,17)	5,78 (5,02)	5,00 (3,90)	6,56 (3,89)**
Височная левая	2,49 (1,38)	3,96 (2,74)*	3,26 (2,46)	4,10 (2,33)*
Височная правая	2,97 (3,25)	3,92 (3,85)*	3,24 (2,15)	4,26 (2,70)*
Затылочная левая	3,14 (2,40)	4,44 (3,88)*	3,97 (3,08)	4,62 (2,57)*
Затылочная правая	3,11 (2,63)	4,38 (3,69)*	3,56 (2,58)	4,40 (2,27)*

* значимые изменения ($p \leq 0,05$);** значимые изменения ($p \leq 0,01$)

Table 6. Fatigue Index Before/ after Fatigue in DRD2

Brain Parts	(IAF, Hz/ st.dev.)			
	«A1+» Group		«A1-» Group	
	Before Fatigue	After Fatigue	Before Fatigue	After Fatigue
Left Lobe	3,72 (2,32)	4,18 (2,82)	4,65 (3,00)	5,18 (3,15)
Right Lobe	6,31 (2,84)	7,12 (3,32)*	7,27 (2,65)	7,77 (2,46)
Central Left Lobe	2,66 (1,40)	3,27 (1,72)	3,59 (2,81)	4,36 (2,45)
Central Right Lobe	2,78 (1,34)	4,16 (2,58)**	3,62 (2,95)	4,97 (2,57)**
Parietal Left Lobe	3,37 (2,91)	4,42 (3,41)	3,66 (3,09)	5,31 (3,04)**
Parietal Right Lobe	4,58 (4,17)	5,78 (5,02)	5,00 (3,90)	6,56 (3,89)**
Temporal Left Lobe	2,49 (1,38)	3,96 (2,74)*	3,26 (2,46)	4,10 (2,33)*
Temporal Right Lobe	2,97 (3,25)	3,92 (3,85)*	3,24 (2,15)	4,26 (2,70)*
Occipital Left Lobe	3,14 (2,40)	4,44 (3,88)*	3,97 (3,08)	4,62 (2,57)*
Occipital Right Lobe	3,11 (2,63)	4,38 (3,69)*	3,56 (2,58)	4,40 (2,27)*

* significant changes ($p \leq 0,05$);** significant changes ($p \leq 0,01$)

обеих групп «A1+» и «A1-» до и после когнитивной нагрузки. Носители A1-аллеля характеризуются в целом большим значением индекса утомления, по сравнению с носителями A2-аллеля в фоновом состоянии. Результаты Т-теста показали, что после утомления более сильное увеличение индекса утомления наблюдается у группы «A1-». Статистический анализ ANOVA показал, что группы «A1+» и «A1-» значимо не различаются.

Обсуждение результатов

Субъективные показатели

В субъективном состоянии после длительной когнитивной нагрузки отмечается снижение показателей по шкалам самочувствие и активность как у полиморфизма A2A2, так и у полиморфизмов A1A1+A1A2. Многие исследователи отмечают, что после длительной когнитивной деятельности испытуемые себя

чувствуют намного хуже, чем до нее (Wijesuriya et al, 2007; Lorist et al., 2005; Trejo et al., 2005; Cheng, 2011). Так, Трейо обнаружил, что после трех часов решения арифметических задач субъективная оценка по шкалам энергичность и спокойствие значимо снижаются, а значение по шкале усталость – значимо возрастает (Trejo et al, 2005).

Таким образом, в целом можно заключить, что на субъективном уровне все полиморфизмы гена DRD2 испытывают утомление, и значимых различий в субъективных оценках между полиморфизмами выявлено не было.

Поведенческие показатели

В поведенческих реакциях было обнаружено значимое снижение скорости в простой зрительно-моторной реакции, что может свидетельствовать о том, что испытуемые испытывали состояние утомления. Также наблюдалось увеличение скорости реакции выбора с од-

новременным увеличением количества ошибок. Это может также говорить о том, что испытуемые испытывали утомление и, пытаясь сохранить высокую скорость выполнения задания, они жертвовали точностью его выполнения. Различные исследования показали уменьшение скорости в ПЗМР с развитием умственного утомления (Lorist et al, 2005; Boksem et al, 2006; Trejo et al, 2005). Некоторые авторы обнаружили, что при выполнении реакции выбора после длительной когнитивной нагрузки, наблюдается не увеличение времени реакции, а ее снижение (т.е. увеличение скорости), и вместе с этим возрастает количество ошибок. Этот эффект был назван «Компромиссом скорости и точности» (Wickelgren, 1977; Wood, 1976; Sternberg, 2004). Разные исследователи предлагали различные теории объяснения этого феномена. Одной из основных является теория о том, что с увеличением времени выполнения задания, то есть с возрастанием утомления

происходит смещение отношения между контролируемыми ответами на стимул и случайными ответами на него, который по латенции гораздо короче контролируемого. И по мере увеличения утомления это соотношение смещается в сторону случайных ответов. Таким образом, при увеличении утомления происходит уменьшение скорости ответа и возрастание количества ошибок (Ollman, 1966; Yellott, 1971). Еще одной теорией, объясняющей уменьшение времени реакции выбора после длительной когнитивной нагрузки является гипотеза о том, что во время выполнения задания у испытуемого постоянно копится информация о уже выполненных заданиях, что позволяет ему быстрее отвечать на стимул, но из-за влияния утомления на когнитивную сферу происходит увеличение количества ошибок (Knight, 1974).

Интересным фактом является то, что группа носителей полиморфизма A2A2 («A1»), который, как мы предполагали, будет показывать меньшее развитие утомления, характеризуется в ПЗМР и РВ значимо более медленным временем реакции и до и после длительной когнитивной нагрузки, по сравнению с носителями полиморфизмов A1A1 и A1A2 («A1+»). Стоит отметить, что динамика увеличения ошибок у всех полиморфизмов одинакова и по количеству ошибок генотипы не различаются ни до, ни после утомления. При этом направленность динамики изменения времени реакции после утомления у всех полиморфизмов примерно одинакова. Это означает, что полиморфизмы различаются в ПЗМР и РВ не динамикой развития утомления, а физиологической предрасположенностью к сенсорной обработке информации.

В максимальном теппинге носители A2A2 («A1») полиморфизма характеризуются значимым увеличением скорости после когнитивной нагрузки, тогда как у «A1+» группы наблюдается замедление скорости, но незначимое.

Максимальный теппинг отражает моторный компонент – физиологическую способность организма к мышечному сокращению, которая зависит, в том числе и от активности мотонейронов. В ПЗМР время реакции включает в себя помимо моторного компонента (непосредственной реакции), также и информационный

компонент (восприятие стимула). В РВ время реакции включает в себя, помимо вышеперечисленных компонентов, еще и когнитивный компонент (процесс оценки и принятия решения, какую кнопку нажать). Согласно полученным экспериментальным данным, в ПЗМР время реакции у двух групп («A1+» и «A1») значимо различается. В РВ – также наблюдается значимое различие двух групп полиморфизмов. В максимальном теппинге группы характеризуются разнонаправленной динамикой изменения скорости реакции до и после утомления, но незначимо.

Полученные результаты позволяют предположить положительную роль дофамина в обеспечении протекания информационной обработки. Об этом свидетельствует тот факт, что носители полиморфизмов A1A1 и A1A2, которые характеризуются меньшей плотностью рецепторов к дофамину, отличаются значимо более высокой скоростью реагирования в ПЗМР и РВ, по сравнению с носителями A2A2 полиморфизма. При этом более значимые результаты получены в реакции выбора, которая требует гораздо большей информационной обработки. Данные максимального теппинга могут свидетельствовать о том, что у A2A2 носителей развитие утомления происходит медленнее, чем у A1A1+A1A2, так как они характеризуются ускорением скорости после длительной когнитивной нагрузки, тогда как носители A1-аллеля – характеризуются замедлением скорости. Родригес показал, что изменения в максимальном теппинге имеют центральное происхождение (Rodrigues, 2009). Таким образом, увеличение скорости в максимальном теппинге связано с большей активацией мотонейронов в головном мозге.

ЭЭГ показатели

Индивидуальный альфа ритм

В ходе анализа индивидуальной частоты альфа-ритма, были также получены интересные результаты. Показано, что носители A1-аллеля характеризуются большим снижением ИАР после утомления, преимущественно в правом полушарии. Тогда как у группы «A1-» такого значимого снижения обнаружено не было. У группы «A1-» снижение ИАР в среднем

происходит с 9,86 Гц до 9,82 Гц. А у группы «A1+» – с 10,05 Гц до 9,57 Гц.

Таким образом, мы видим, что группа «A1+» характеризуется не только меньшим снижением ИАР, но и более высокой его частотой как до, так и после утомления. В ряде исследований было показано, что пик альфа ритма положительно коррелирует с такими процессами, как внимание, память, скорость сенсорной обработки (Angelakis, 2004; Klimesh, 1999). Климеш показал, что испытуемые с высокими мнестическими способностями и высокой скоростью обработки информации характеризуются частотой альфа пика в среднем на 1 Гц большей по сравнению с контрольной группой (Klimesh, 1996, 1997). Испытуемые со сниженными мнестическими способностями характеризуются снижением пика альфа ритма во время выполнения заданий на память, а испытуемые с высокими мнестическими способностями характеризуются стабильностью пика альфа ритма в различных условиях (Klimesh, 93). При длительном выполнении когнитивных заданий многие авторы отмечают снижение индивидуальной частоты альфа ритма (Angelakis, 2004; Klimesh, 1999; Jap, 2009; Lal et al, 2007).

В целом, полученные результаты соответствуют данным предыдущих исследований, согласно которым считается, что максимальный альфа ритм регистрируется в затылочных и теменных областях при закрытых глазах (Кропотов, 2010; Голубева, 2005). В ряде работ было также показано увеличение мощности альфа ритма при умственном утомлении (Boksem et al, 2006; Trejo et al, 2005; Jap, 2009). Хотя некоторые исследователи отмечают уменьшение мощности альфа ритма после длительной когнитивной нагрузки (Lal et al, 2007; Cheng, 2011). Климеш считает, что снижение мощности альфа ритма после когнитивной нагрузки, например, после арифметических задач происходит из-за того, что такая деятельность требует участия рабочей памяти, что в свою очередь приводит к подавлению альфа ритма на ЭЭГ (Klimesh, 1997).

Индекс утомления

Индекс утомления отражает отношение медленных мозговых ритмов к быстрым ((альфа+тета)/бета). Буди Томас Джэп в своем исследовании показал,

что алгоритм (альфа+тета)/бета имеет более сильное увеличение по сравнению с другими индексами (альфа/бета, (альфа+тета)/(альфа+бета), тета/бета) и является наиболее чувствительным к изменениям функционального состояния (Жар, 2009). Ченг с соавторами также продемонстрировали, что индекс (альфа+тета)/бета показывает более значимое изменение после длительной когнитивной нагрузки, по сравнению с другими индексами (тета/альфа, бета/альфа) (Cheng, 2011).

В нашем исследовании по показателям индекса утомления значимых различий между группами «A1+» и «A1-» полиморфизмами обнаружено не было. У группы «A1+» увеличение индекса

утомления наблюдается в среднем с 3,51 до 4,56. У группы «A1-» увеличение ИУ наблюдается в среднем с 4,18 до 5,15.

Заключение

В настоящем исследовании мы в целом подтвердили нашу гипотезу о том, что носители полиморфизма A2A2 гена DRD2 характеризуются меньшим развитием утомления в условиях длительной когнитивной нагрузки по сравнению с носителями A1 аллеля (A1A1 и A1A2 полиморфизмы) по комплексу параметров (субъективных, поведенческих и электрофизиологических). Группа «A1+» – носители A1A1 и A1A2 полиморфизмов,

ассоциированных с меньшей плотностью рецепторов дофамина и, соответственно, с меньшим его уровнем, характеризуется снижением индивидуальной частоты альфа-ритма в обоих полушариях после когнитивной нагрузки, но при этом увеличением скорости простой зрительно-моторной реакции и реакции выбора. Группа «A-» характеризуется отсутствием изменений индивидуального альфа-ритма и более быстрым и стабильным значением максимального тепшинга. Полученные результаты свидетельствуют о положительной роли дофамина в развитии утомления.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-06-00698а

Литература:

- Голубева Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность. – Дубна: «Феникс+», 2005. – 512 с.
- Зинченко Ю.П., Тоневицкий А.Г., Веракса А.Н., Исайчев С.А., Леонов С.В., Меньшикова Г.Я., Стрелков Ю.К., Сысоева О.В., Черноризов А.М. Психология спорта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011 – надо – Зинченко Ю.П., Тоневицкий А.Г., Веракса А.Н. и др. Психология спорта. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
- Кропотов Ю.Д. Количественная ЭЭГ, когнитивные вызванные потенциалы мозга человека и нейротерапия. – Санкт-Петербург, 2010. – 506 с.
- Angelakis, E., Lubar, J.F., Stathopoulou, S., & Kounios, J. (2004) Peak alpha frequency: an electroencephalographic measure of cognitive preparedness. *Clin Neurophysiol. Apr*; 115(4):887-97. doi: 10.1016/j.clinph.2003.11.034
- Barnes, J.M., Dean, A.J., Nandam, L.S., & O'Connell, R.G. (2011) The Molecular Genetics of Executive Function: Role of Monoamine System Genes. *Biological Psychiatry*. Vol. 69, Issue 12, 127-143. doi: 10.1016/j.biopsych.2010.12.040
- Binnie, C.D., Cooper, R., Mauguiere, F., Prior, P., & Tedman, B. (2003) Electroencephalography, Paediatric Neurophysiology, Special Techniques and Applications. *Clinical Neurophysiology*. Vol. 2.
- Blomstrand, E. (2001) Amino acids and central fatigue. *Amino Acids*. Vol. 20, 25-34. doi: 10.1007/s007260170063
- Blum, K., Braverman, E.R., Wu, S., Cull, J.G., Chen, T.J., & Gill, J. (1997) Association of polymorphisms of dopamine D2 receptor (DRD2), and dopamine transporter (DAT1) genes with schizoid/avoidant behaviors (SAB). *Molecular Psychiatry*. Vol. 2, 239-246. doi: 10.1038/sj.mp.4000261
- Boksem, M.A., Meijman, T.F., & Lorist, M.M. (2006) Mental fatigue, motivation and action monitoring. *Biol Psychol* 72: 123–132. doi: 10.1016/j.biopsycho.2005.08.007
- Bolton, J.L., Marioni, R.E., Deary, I.J., Harris, S.E., Stewart, M.C., Murray, G.D., Fowkes, F.G.R., & Price, J.F. (2010) Association between polymorphisms of the dopamine receptor D2 and catechol-o-methyl transferase genes and cognitive function. *Behavior Genetics*. Vol. 40, 630-638; doi: 10.1007/s10519-010-9372-y
- Cheng, Shyh-Yueh & Hsu, Hong-Te (2011) Mental Fatigue Measurement Using EEG, Risk Management Trends, Giancarlo Nota (Ed.), ISBN: 978-953-307-314-9.
- Davis, J.M., Alderson, N.L., & Welsh, R.S. (2000) Serotonin and central nervous system fatigue: nutritional considerations. *The American Journal of Clinical Nutrition*. Vol. 72, 573-8.
- Davis, J.M., & Bailey, S.P. (1997) Possible mechanisms of central nervous system fatigue during exercise. *Medicine and Science in Sport and Exercise*. Vol. 29, 1, 45-57; doi: 10.1097/00005768-199701000-00008
- Epstein, H.T. (1980) EEG developmental stages. *Developmental Psychobiology*. Vol. 13, 629–631. doi: 10.1002/dev.420130608
- Farde, L., Gustavsson, J.P., & Jonsson, E. (1997) D2 dopamine receptors and personality traits. *Nature*; 385-590. doi: 10.1038/385590a0
- Fernandez, T., Harmony, T., Rodriguez, M., Reyes, A., Marosi, E., & Bernal, J. (1993) Test-retest reliability of EEG spectral parameters during cognitive tasks: I. Absolute and relative power. *International Journal of Neuroscience*. Vol. 68, 255– 261. doi: 10.3109/00207459308994280
- Fernstrom, J.D., & Fernstrom, M.H. (2006) Exercise, serum free tryptophan, and central fatigue. *Journal of Nutrition*. Vol. 136, 2, 553-559;
- Foley, T.E., & Fleshner, M. (2008) Neuroplasticity of dopamine circuits after exercise: implications for central fatigue. *NeuroMolecular Medicine*. Vol. 10, 67-80; doi:10.1007/s12017-008-8032-3
- Goljahani, A., D'Avanzo, C., Schiff, S., Amodio, P., Bisiacchi, P., & Sparacino, G. (2012) A novel method for the determination of the EEG individual alpha frequency. *Neuroimage*. Vol. 60, 774-786. doi: 10.1016/j.neuroimage.2011.12.001
- Gosso, M.F., de Geus, E.J.C., Polderman, T.J.C., Boomsma, D.I., Heutink, P., & Posthuma, D. (2008) Catechol O-methyl transferase and dopamine D2 receptor gene polymorphisms: evidence of positive heterosis and gene-gene interaction on working memory functioning. *The American Journal of Human Genetics*. Vol. 16, 1075-1082. doi: 10.1038/ejhg.2008.57
- Jap, Budi Thomas, Lal, Sara, Fischer, Peter, & Bekiaris, Evangelos (2009) Using EEG spectral components to assess algorithms for detecting fatigue. *Expert Systems with Applications*. Volume 36, Issue 2, Part 1, 2352-2359.

- Joyce, N.J., Sapp, D.W., & Marshall, J.F. (1986) Human striatal dopamine receptors are organized in compartments. *PNAS*. Vol. 83, 8002-8006. doi: 10.1073/pnas.83.20.8002
- Kaasinen, V., Aalto, S., Nagren, K., & Rinne, J.O. (2004) Insular dopamine D2 receptors and novelty seeking personality in Parkinson's disease. *Movement Disorders*. Vol. 19, 11, 1348-1351. doi: 10.1002/mds.20191
- Khaustova, S.A., Shkurnikov, M.U., & Tonevitsky, A.G. (2010) Short highly intense exercise causes changes in salivary concentrations of hydrocortisone and secretory IgA. *Bull. Exp. Biol. Med.* Vol. 149, 5, 635-9. doi: 10.1007/s10517-010-1012-2
- Kidd, K.K., Morar, B., Castiglione, C.M., Zhao, H., Pakstis, A.J., & Speed, W.C. et al. (1998) A global survey of haplotype frequencies and linkage disequilibrium at the DRD2 locus. *Human Genetics*. Vol. 103, 2, 211-227. doi: 10.1007/s004390050809
- Klimesch, W., Schimke, H., & Pfurtscheller, G. (1993) Alpha frequency, cognitive load and memory performance. *Brain Topography*, 5, 241-251. doi: 10.1007/BF01128991
- Klimesch, W. (1996) Memory processes, brain oscillations and EEG synchronization. *Int J Psychophysiol*. doi: 10.1016/S0167-8760(96)00057-8
- Klimesch, W. (1997) EEG-alpha rhythms and memory processes. *International Journal of Psychophysiology*. 26, 319-340. doi: 10.1016/S0167-8760(97)00773-3
- Klimesch, Wolfgang (1999) EEG alpha and theta oscillations reflect cognitive and memory performance: a review and analysis. *Brain Research Reviews*. 29, 169-195. doi: 10.1016/S0165-0173(98)00056-3
- Knight, J.L. (1974) Speed-accuracy tradeoff in double stimulation: Effects on the first response. *Memory & Cognition*, Vol. 2, 3, 522-532. doi: 10.3758/BF03196915
- Lal, Sara & Bekiaris, Evangelos (2007) The Reliability of Sensing Fatigue from Neurophysiology. *AusWireless 2006: International Conference on Wireless Broadband and Ultra Wideband Communications Proceedings*. EEG-based Estimation of Cognitive Fatigue. URL.: <http://hdl.handle.net/10453/19642>. - (reference date: 09.08.2016)
- Lorist, Monique, Boksem, Maarten, Ridderinkhof, Richard (2005) Impaired cognitive control and reduced cingulate activity during mental fatigue. *Cognitive Brain Research*. 24, 199- 205; doi: 10.1016/j.cogbrainres.2005.01.018
- Malyuchenko, N., Schegolkova, J., Kulikova, M., Timofeeva, M., Shlepzova, V., Sysoeva, O., Ivanitsky, A., & Tonevitsky, A. (2010) Effects of Genetic Variations in the Dopaminergic System on Fatigue in Humans: Gender Aspects. *Bulletin of Experimental Biology and Medicine*. Vol. 149, 226-232; doi: 10.1007/s10517-010-0913-4
- Meeusen, R., & Watson, P. (2007) Amino acids and the brain: do they play a role in "central fatigue"? *International journal of sport nutrition and exercise*. Suppl. 17, 37-46;
- Newsholme, E.A., & Blomstrand, E. (1995) Tryptophan 5-hydroxytryptamine and a possible explanation for central fatigue. *Advances in Experimental Medicine and Biology*. Vol. 384, 315-320; doi: 10.1007/978-1-4899-1016-5_25
- Newsholme, E.A., Blomstrand, E., & Ekblom, B. (1992) Physical and mental fatigue: metabolic mechanisms and importance of plasma amino acids. *British Medical Bulletin*. Vol. 48, 477-95;
- Nieouillon, André (2002) Dopamine and the regulation of cognition and attention. *Progress in Neurobiology*. Vol. 67, Issue 1, 53-83; doi: 10.1016/S0301-0082(02)00011-4
- Ollman, R. (1966) Fast guess in choice reaction time. *Psychonomic Science*. 6, 155-156; doi: 10.3758/BF03328004
- Petersen, I., & Eeg-Olofsson, O. (1971) The development of the electroencephalogram in normal children from the age of 1 through 15 years – Non-paroxysmal activity. *Neuropädiatrie*. Vol. 2, 375-404; doi: 10.1055/s-0028-1091786
- Polikanova, I.S., Sysoeva, O.V., & Tonevitsky, A.G. (2012) Association between serotonin transporter (5HTT) and mental fatigue development. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, Vol. 5, 24, 7. <http://psystudy.ru> (in Russian, abstr. in English) - (reference date: 09.08.2016).
- Reuter, M., Roth, S., Holve, K., & Hennig, J. (2006) Identification of first candidate genes for creativity: A pilot study. *Brain Research*. Vol. 1069, 190-197. doi: 10.1016/j.brainres.2005.11.046
- Ritchie, T., & Noble, E.P. (2003) Association of seven polymorphisms of the D2 dopamine receptor gene with brain receptor-binding characteristics. *Neurochemical Research*. Vol. 28, 73-82; doi: 10.1023/A:1021648128758
- Rodrigues, Julian, Mastaglia, Frank, & Thickbroom, Gary (2009) Rapid slowing of maximal finger movement rate: fatigue of central motor control? *Exp Brain Res*. doi: 10.1007/s00221-009-1886-2
- Salamone, J.D. (2010a) Involvement of nucleus accumbens dopamine in behavioral activation and effort-related functions. In: Eds. Iversen L.L., Iversen S.D., Dunnett S.B., & Bjorkland A. *Dopamine handbook*. Oxford, UK, Oxford University Press.
- Salamone, J.D. (2010b) Motor function and motivation. In: Eds. Koob, G., Le Moal, M., Thompson, R.F. *Encyclopedia of behavioral neuroscience*. Vol. 3. Oxford, Academic Press, 267-276. doi: 10.1016/B978-0-08-045396-5.00247-5
- Salamone, J.D., Aderman, J.E., Sokolowski, J.D., & Cousins, M.S. (1999) Nucleus accumbens dopamine and rate of responding: Neurochemical and behavioral studies. *Psychobiology*. Vol. 27, 236-247.
- Shkurnikov, M.U. et al. (2008) Free testosterone as marker of adaptation to medium-intensive exercise. *Bull. Exp. Biol. Med.* Vol. 146, 3, 354-7. doi: 10.1007/s10517-008-0292-2
- Sternberg, Saul (2004) Reaction-Time Experimentation. *Psychology 600-301/ Proseminar in Psychological Methods*. Spring Semester.
- Thompson, J. et al. (1997) D2 dopamine receptor gene (DRD2) TaqI A polymorphism: Reduced D2 receptor binding in the human striatum associated with the A1 allele. *Pharmacogenetics*. Vol. 7, 6, 479-484. doi: 10.1097/00008571-199712000-00006
- Trejo, L., Knuth, K., Prado, R., Rosipal, R., Kubitz, K. Kochavi, R., Matthews, B., & Zhang, Y. (2007). EEG-Based Estimation of Mental Fatigue: Convergent Evidence for a Three-State Model. *HCI International 2007 and Augmented Cognition International Conference*, Beijing, 22-27 July 2007. In D.D. Schmorow, & L.M. Reeves (Eds.), *Augmented Cognition, HCI 2007, LNAI 4565*, 201-211. New York: Springer LNCS.
- Tsai, S.J., Yu, Y.W., Lin, C.H., Chen, T.J., Chen, S.P., & Hong, C.J. (2002) Dopamine D2 receptor and N-methyl-D-aspartate receptor 2B subunit genetic variants and intelligence. *Neuropsychobiology*. Vol. 45, 128-1. doi: 10.1159/000054951
- Trejo, L., Knuth, K., Prado, R., Rosipal, R., Kubitz, K. Kochavi, R., Matthews, B., & Zhang, Y. (2007). EEG-Based Estimation of Mental Fatigue: Convergent

- Evidence for a Three-State Model. HCI International 2007 and Augmented Cognition International Conference, Beijing, 22-27 July 2007. In D.D. Schmorrow, & L.M. Reeves (Eds.), *Augmented Cognition, HCI 2007, LNAI 4565*, 201-211. New York: Springer LNCS. doi: 10.1007/978-3-540-73216-7_23
- Wickelgren, Wayne (1977) Speed-accuracy tradeoff and information processing dynamics. *Acta Psychologica*. Volume 41, Issue 1, February 1977, 67-85; doi: 10.1016/0001-6918(77)90012-9
- Wijesuriya, Nirupama, Tran, Yvonne, Craig, Ashley (2007) The psychophysiological determinants of fatigue. *Int J Psychophysiol*. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2006.08.005
- Wood, C.C., & Jennings, J.R. (1976) Speed-accuracy tradeoff functions in choice reaction time: Experimental designs and computational procedures. *Perception & Psychophysics*. Vol. 19, 92-102; doi: 10.3758/BF03199392
- Yellott, John (1971) Correction for fast guessing and the speed-accuracy tradeoff in choice reaction time, *Journal of Mathematical Psychology*. 8, 159-199. doi: 10.1016/0022-2496(71)90011-3

References:

- Angelakis, E., Lubar, J.F., Stathopoulou, S., & Kounios, J. (2004) Peak alpha frequency: an electroencephalographic measure of cognitive preparedness. *Clin Neurophysiol*. Apr; 115(4):887-97. doi: 10.1016/j.clinph.2003.11.034
- Barnes, J.M., Dean, A.J., Nandam, L.S., & O'Connell, R.G. (2011) The Molecular Genetics of Executive Function: Role of Monoamine System Genes. *Biological Psychiatry*. Vol. 69, Issue 12, 127-143. doi: 10.1016/j.biopsych.2010.12.040
- Binnie, C.D., Cooper, R., Mauguire, F., Prior, P., & Tedman, B. (2003) Electroencephalography, Paediatric Neurophysiology, Special Techniques and Applications. *Clinical Neurophysiology*. Vol. 2.
- Blomstrand, E. (2001) Amino acids and central fatigue. *Amino Acids*. Vol. 20, 25-34. doi: 10.1007/s007260170063
- Blum, K., Braverman, E.R., Wu, S., Cull, J.G., Chen, T.J., & Gill, J. (1997) Association of polymorphisms of dopamine D2 receptor (DRD2), and dopamine transporter (DAT1) genes with schizoid/avoidant behaviors (SAB). *Molecular Psychiatry*. Vol. 2, 239-246. doi: 10.1038/sj.mp.4000261
- Boksem, M.A., Meijman, T.F., & Lorist, M.M. (2006) Mental fatigue, motivation and action monitoring. *Biol Psychol* 72: 123-132. doi: 10.1016/j.biopsycho.2005.08.007
- Bolton, J.L., Marioni, R.E., Deary, I.J., Harris, S.E., Stewart, M.C., Murray, G.D., Fowkes, F.G.R., & Price, J.F. (2010) Association between polymorphisms of the dopamine receptor D2 and catechol-o-methyl transferase genes and cognitive function. *Behavior Genetics*. Vol. 40, 630-638; doi: 10.1007/s10519-010-9372-y
- Cheng, Shyh-Yueh & Hsu, Hong-Te (2011) Mental Fatigue Measurement Using EEG, Risk Management Trends, Giancarlo Nota (Ed.), ISBN: 978-953-307-314-9.
- Davis, J.M., Alderson, N.L., & Welsh, R.S. (2000) Serotonin and central nervous system fatigue: nutritional considerations. *The American Journal of Clinical Nutrition*. Vol. 72, 573-8.
- Davis, J.M., & Bailey, S.P. (1997) Possible mechanisms of central nervous system fatigue during exercise. *Medicine and Science in Sport and Exercise*. Vol. 29, 1, 45-57; doi: 10.1097/00005768-199701000-00008
- Epstein, H.T. (1980) EEG developmental stages. *Developmental Psychobiology*. Vol. 13, 629-631. doi: 10.1002/dev.420130608
- Farde, L., Gustavsson, J.P., & Jonsson, E. (1997) D2 dopamine receptors and personality traits. *Nature*; 385-590. doi: 10.1038/385590a0
- Fernandez, T., Harmony, T., Rodriguez, M., Reyes, A., Marosi, E., & Bernal, J. (1993) Test-retest reliability of EEG spectral parameters during cognitive tasks: I. Absolute and relative power. *International Journal of Neuroscience*. Vol. 68, 255-261. doi: 10.3109/00207459308994280
- Fernstrom, J.D., & Fernstrom, M.H. (2006) Exercise, serum free tryptophan, and central fatigue. *Journal of Nutrition*. Vol. 136, 2, 553-559;
- Foley, T.E., & Fleshner, M. (2008) Neuroplasticity of dopamine circuits after exercise: implications for central fatigue. *NeuroMolecular Medicine*. Vol. 10, 67-80; doi:10.1007/s12017-008-8032-3
- Goljahani, A., D'Avanzo, C., Schiff, S., Amodio, P., Bisiacchi, P., & Sparacino, G. (2012) A novel method for the determination of the EEG individual alpha frequency. *Тужкцишьфны*. Vol. 60, 774-786. doi: 10.1016/j.neuroimage.2011.12.001
- Golubeva, E.A. (2005) Abilities. Personality. Individuality. Dubna, «Fenix +», 512.
- Gosso, M.F., de Geus, E.J.C., Polderman, T.J.C., Boomsma, D.I., Heutink, P., & Posthuma, D. (2008) Catechol O-methyl transferase and dopamine D2 receptor gene polymorphisms: evidence of positive heterosis and gene-gene interaction on working memory functioning. *The American Journal of Human Genetics*. Vol. 16, 1075-1082. doi: 10.1038/ejhg.2008.57
- Jap, Budi Thomas, Lal, Sara, Fischer, Peter, & Bekiaris, Evangelos (2009) Using EEG spectral components to assess algorithms for detecting fatigue. *Expert Systems with Applications*. Volume 36, Issue 2, Part 1, 2352-2359.
- Joyce, N.J., Sapp, D.W., & Marshall, J.F. (1986) Human striatal dopamine receptors are organized in compartments. *PNAS*. Vol. 83, 8002-8006. doi: 10.1073/pnas.83.20.8002
- Kaasinen, V., Aalto, S., Nagren, K., & Rinne, J.O. (2004) Insular dopamine D2 receptors and novelty seeking personality in Parkinson's disease. *Movement Disorders*. Vol. 19, 11, 1348-1351. doi: 10.1002/mds.20191
- Khaustova, S.A., Shkurnikov, M.U., & Tonevitsky, A.G. (2010) Short highly intense exercise causes changes in salivary concentrations of hydrocortisone and secretory IgA. *Bull. Exp. Biol. Med.*. Vol. 149, 5, 635-9. doi: 10.1007/s10517-010-1012-2
- Kidd, K.K., Morar, B., Castiglione, C.M., Zhao, H., Pakstis, A.J., & Speed, W.C. et al. (1998) A global survey of haplotype frequencies and linkage disequilibrium at the DRD2 locus. *Human Genetics*. Vol. 103, 2, 211-227. doi: 10.1007/s004390050809
- Klimesch, W., Schimke, H., & Pfurtscheller, G. (1993) Alpha frequency, cognitive load and memory performance. *Brain Topography*, 5, 241-251. doi: 10.1007/BF01128991
- Klimesch, W. (1996) Memory processes, brain oscillations and EEG synchronization. *Int J Psychophysiol*. doi: 10.1016/S0167-8760(96)00057-8
- Klimesch, W. (1997) EEG-alpha rhythms and memory processes. *International Journal of Psychophysiology*. 26, 319-340. doi: 10.1016/S0167-8760(97)00773-3

- Klimesch, Wolfgang (1999) EEG alpha and theta oscillations reflect cognitive and memory performance: a review and analysis. *Brain Research Reviews*. 29,169–195. doi: 10.1016/S0165-0173(98)00056-3
- Knight, J.L. (1974) Speed-accuracy tradeoff in double stimulation: Effects on the first response. *Memory & Cognition*, Vol. 2, 3, 522-532. doi: 10.3758/BF03196915
- Kropotov, Yu.D. (2010) Quantitative EEG, cognitive human-induced brain potentials and Neural. St. Petersburg, 506.
- Lal, Sara & Bekiaris, Evangelos (2007) The Reliability of Sensing Fatigue from Neurophysiology. AusWireless 2006: International Conference on Wireless Broadband and Ultra Wideband Communications Proceedings. EEG-based Estimation of Cognitive Fatigue. URL: <http://hdl.handle.net/10453/19642>. - (reference date: 09.08.2016)
- Lorist, Monique, Boksem, Maarten, Ridderinkhof, Richard (2005) Impaired cognitive control and reduced cingulate activity during mental fatigue. *Cognitive Brain Research*. 24, 199– 205; doi: 10.1016/j.cogbrainres.2005.01.018
- Malyuchenko, N., Schegolkova, J., Kulikova, M., Timofeeva, M., Shlepzova, V., Sysoeva, O., Ivanitsky, A., & Tonevitsky, A. (2010) Effects of Genetic Variations in the Dopaminergic System on Fatigue in Humans: Gender Aspects. *Bulletin of Experimental Biology and Medicine*. Vol. 149, 226-232; doi: 10.1007/s10517-010-0913-4
- Meeusen, R., & Watson, P. (2007) Amino acids and the brain: do they play a role in “central fatigue”? *International journal of sport nutrition and exercise*. Suppl. 17, 37-46;
- Newsholme, E.A., & Blomstrand, E. (1995) Tryptophan 5-hydroxytryptamine and a possible explanation for central fatigue. *Advances in Experimental Medicine and Biology*. Vol. 384, 315-320; doi: 10.1007/978-1-4899-1016-5_25
- Newsholme, E.A., Blomstrand, E., & Ekblom, B. (1992) Physical and mental fatigue: metabolic mechanisms and importance of plasma amino acids. *British Medical Bulletin*. Vol. 48, 477–95;
- Nieouillon, André (2002) Dopamine and the regulation of cognition and attention. *Progress in Neurobiology*. Vol. 67, Issue 1, 53–83; doi: 10.1016/S0301-0082(02)00011-4
- Ollman, R. (1966) Fast guess in choice reaction time. *Psychonomic Science*. 6, 155-156; doi: 10.3758/BF03328004
- Petersen, I., & Eeg-Olofsson, O. (1971) The development of the electroencephalogram in normal children from the age of 1 through 15 years – Non-paroxysmal activity. *Neuropädiatrie*. Vol. 2, 375–404; doi: 10.1055/s-0028-1091786
- Polikanova, I.S., Sysoeva, O.V., & Tonevitsky, A.G. (2012) Association between serotonin transporter (5HTT) and mental fatigue development. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, Vol. 5, 24, 7. URL: <http://psystudy.ru> (in Russian, abstr. in English). - (reference date: 09.08.2016)
- Reuter, M., Roth, S., Holve, K., & Hennig, J. (2006) Identification of first candidate genes for creativity: A pilot study. *Brain Research*. Vol. 1069, 190-197. doi: 10.1016/j.brainres.2005.11.046
- Ritchie, T., & Noble, E.P. (2003) Association of seven polymorphisms of the D2 dopamine receptor gene with brain receptor-binding characteristics. *Neurochemical Research*. Vol. 28, 73-82; doi: 10.1023/A:1021648128758
- Rodrigues, Julian, Mastaglia, Frank, & Thickbroom, Gary (2009) Rapid slowing of maximal finger movement rate: fatigue of central motor control? *Exp Brain Res*. doi: 10.1007/s00221-009-1886-2
- Salamone, J.D. (2010a) Involvement of nucleus accumbens dopamine in behavioral activation and effort-related functions. In: Eds. Iversen L.L., Iversen S.D., Dunnett S.B., & Bjorkland A. *Dopamine handbook*. Oxford, UK, Oxford University Press.
- Salamone, J.D. (2010b) Motor function and motivation. In: Eds. Koob, G., Le Moal, M., Thompson, R.F. *Encyclopedia of behavioral neuroscience*. Vol. 3. Oxford, Academic Press, 267–276. doi: 10.1016/B978-0-08-045396-5.00247-5
- Salamone, J.D., Aberman, J.E., Sokolowski, J.D., & Cousins, M.S. (1999) Nucleus accumbens dopamine and rate of responding: Neurochemical and behavioral studies. *Psychobiology*. Vol. 27, 236-247.
- Shkurnikov, M.U. et al. (2008) Free testosterone as marker of adaptation to medium-intensive exercise. *Bull. Exp. Biol. Med.* Vol. 146, 3, 354–7. doi: 10.1007/s10517-008-0292-2
- Sternberg, Saul (2004) Reaction-Time Experimentation. *Psychology 600-301/ Proseminar in Psychological Methods*. Spring Semester.
- Thompson, J. et al. (1997) D2 dopamine receptor gene (DRD2) TaqI A polymorphism: Reduced D2 receptor binding in the human striatum associated with the A1 allele. *Pharmacogenetics*. Vol. 7, 6, 479-484. doi: 10.1097/00008571-199712000-00006
- Tsai, S.J., Yu, Y.W., Lin, C.H., Chen, T.J., Chen, S.P., & Hong, C.J. (2002) Dopamine D2 receptor and N-methyl-D-aspartate receptor 2B subunit genetic variants and intelligence. *Neuropsychobiology*. Vol. 45, 128-1. doi: 10.1159/000054951
- Trejo, L., Knuth, K., Prado, R., Rosipal, R., Kubitz, K. Kochavi, R., Matthews, B., & Zhang, Y. (2007). EEG-Based Estimation of Mental Fatigue: Convergent Evidence for a Three-State Model. HCI International 2007 and Augmented Cognition International Conference, Beijing, 22-27 July 2007. In D.D. Schmorow, & L.M. Reeves (Eds.), *Augmented Cognition, HCII 2007, LNAI 4565*, 201-211. New York: Springer LNCS. doi: 10.1007/978-3-540-73216-7_23
- Wickelgren, Wayne (1977) Speed-accuracy tradeoff and information processing dynamics. *Acta Psychologica*. Volume 41, Issue 1, February 1977, 67–85; doi: 10.1016/0001-6918(77)90012-9
- Wijesuriya, Nirupama, Tran, Yvonne, Craig, Ashley (2007) The psychophysiological determinants of fatigue. *Int J Psychophysiol*. 10.1016/j.ijpsycho.2006.08.005
- Wood, C.C., & Jennings, J.R. (1976) Speed-accuracy tradeoff functions in choice reaction time: Experimental designs and computational procedures. *Perception & Psychophysics*. Vol. 19, 92-102; doi: 10.3758/BF03199392
- Yellott, John (1971) Correction for fast guessing and the speed-accuracy tradeoff in choice reaction time, *Оцкктфд ща Ьферуьфешсфд Зынсрицидцн*. 8, 159-199. doi: 10.1016/0022-2496(71)90011-3
- Zinchenko, Yu.P., Tonevitsky, A.G., Veraksa, A.N., Isaichev, S.A., Leonov, S.V., Menshikova, G.Ya., Strelkov, Yu.K., Sysoev, O.V., & Chernorizov, A.M. (2011) *Sports Psychology*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta.

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научное информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в электронном виде. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться: инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учре-

ждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в виде сноски в конце первой страницы статьи.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной – строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 20, но не более 40 ссылок.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. (Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление пристатейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>. Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, С. 47). Использование сносок в качестве ссылок на литературу не допускается.

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков. Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах .jpeg (показатель качества не ниже 8) или .tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствие текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments are provided in a footnote at the foot of the first page.

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, Graphs, Drawings Tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal.)

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на неё ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, избылируют общими ничем не значащими словами, увеличивающими объем, но не способству-

ющими раскрытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации) выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описываются предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.